

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-БОЛГАРСКИХ
И СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

40

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-БОЛГАРСКИХ
И СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва-1964

Редакционная коллегия:

**В. Д. КОРОЛЮК (отв. ред.), М. А. БИРМАН (отв. секр.),
Г. К. ВЕНЕДИКТОВ, А. И. ВИНОГРАДОВА, В. И. ЗЛЫДНЕВ,
В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ, А. Х. КЛЕВАНСКИЙ,
И. И. КОСТЮШКО, А. П. СОЛОВЬЕВА**

Т. Павлов

ЭПОХАЛЬНОЕ ДЕЛО ПАИСИЯ ХИЛЕНДАРСКОГО*

После завоевания Болгарии турецкие феодалы-поработители уничтожили много ценнейших памятников болгарской культуры. Однако культурное развитие Болгарии не замерло абсолютно, как когда-то считали некоторые историки, хотя оно и было в значительной степени заторможено. Продолжал существовать, особенно в селах, родной болгарский язык. Развитие болгарской культуры в целом и языка, в частности, нашло яркое выражение в «Истории славяно-болгарской», написанной Паисием Хилендарским 200 лет тому назад.

С освобождением от турецкого ига болгарская буржуазия забыла об эпохальной деятельности великого возрожденца Паисия. Позднее болгарская буржуазия (исключая отдельных научных работников) не только попыталась выхолостить все революционное в творении Паисия и представить его как оппортуниста-эволюциониста и расиста, но посмела даже назвать его именем одну из самых реакционных монархо-фашистских организаций.

Объяснение этому простое и дано давно: в то время как в церковном вопросе наша буржуазия играла определенную прогрессивную и руководящую роль, в национально-освободительном движении она, испугавшись высоко поднимавшейся революционной волны болгарских крестьян-ремесленников и народной интеллигенции, отказалась фактически участвовать *как класс в революции*, а после Освобождения отреклась и от Апрельского восстания, и от Ботева, и от Левского, и от Паисия, докатившись до монархо-фашистского предательства — последнего ее предательства.

Еще Софроний Врачанский, Неофит Рильский, Раковский, Ботев, Левский и их соратники, воодушевленные революционной стихией Возрождения, правильно оценили и поняли великое национальное и демократическое дело Паисия, доведя его до Апрельского восстания, за которым последовало и Освобождение Болгарии братским «всесильным и могучим народом далекой и полнотной страны» (слова, взятые из «Истории славяно-болгарской» Паисия).

После Освобождения Болгарии *Димитр Благоев* и его последователи не только дали научное объяснение исторического дела Паисия, но и творчески развили его дальше, *однако на качественно новой экономической, социальной и политической основе* в связи с тем, что на исторической арене уже появился болгарский рабочий класс, который в начале

* Сокращенный текст выступления почетного президента БАН академика Тодора Павлова на собрании в Софии, посвященном 200-летию «Истории славяно-болгарской» Паисия Хилендарского.

своего развития создал революционно-марксистскую социалистическую партию.

Позднее, в наше время, *Георгий Димитров* — Лейпцигский титан, которому буржуазные правители отказали в болгарском подданстве, тордо перед всем миром заявил, что он является сыном болгарского рабочего класса, болгарского народа, который уже в самой ранней своей истории имел таких деятелей и творцов, как Кирилл и Мефодий и их ученики. В своих публицистических и научных трудах Димитр Благоев, Георгий Димитров, Васил Коларов указывали не раз на значение труда Паисия Хилендарского.

Тот факт, что на торжественном собрании в честь 200-летнего юбилея Паисиевой «Истории славяно-болгарской» присутствовали Политбюро и Секретариат ЦК БКП, члены Совета министров и Национального Совета Отечественного фронта, представители БЗНС, а также многочисленные представители общественных, научных и культурных учреждений и организаций Болгарии — сам этот факт уже достаточно говорит об отношении Коммунистической партии и всей социалистической Болгарии к эпохальному делу Паисия Хилендарского. Научные заседания и совещания, посвященные болгарскому будителю, происходили и в других странах. Отношение к Паисию проявляется и в огромном количестве специальной литературы, статей, монографий, сборников, поэтических произведений, воспоминаний, иллюстраций, спектаклей, архитектурных и скульптурных памятников, ему посвященных.

Неоспорим и тот факт, что коммунисты, социалистические патриоты и интернационалисты являются законными наследниками идеологического наследства Паисия Хилендарского, и что именно марксистские публицисты во главе с Д. Благоевым правильно поставили и разработали дальше вопросы о месте и значении Паисия в истории Болгарии. Деятельность самого Паисия, как таковая, требует специального научно-углубленного и критически заостренного толкования и оценки.

Недостаточно подчеркнуть, как это сделал проф. И. Шишманов, что «История славяно-болгарская» является ровесницей «Эмilia» Ж. Ж. Руссо, или, добавим мы, «Оды немецкому народу» Клопштока, а также «Похвале русскому языку» М. В. Ломоносова. Недостаточно сказать, что во времена Паисия Западная Европа находилась уже на капиталистической стадии развития, что на Балканах шла национально-революционная борьба, что русско-турецкие войны поддерживали надежды на освобождение у болгарских народных масс и т. д.

Об этом нужно помнить и подчеркивать, но всего этого недостаточно для правильного научного объяснения и оценки эпохи Паисия, его творчества и, в частности, «Истории славяно-болгарской».

От османского и фанариотского феодального рабства и эксплуатации народ смог «вылечиться», встать крепко на ноги, почувствовать прилив живой революционной силы и запыхать смело и целеустремленно вперед, решив три основные задачи своей эпохи.

первая задача — революционно-просветительная — была связана с перерастанием болгарской народности в болгарскую нацию;

вторая задача состояла в освобождении от духовного фанариотского рабства, которое в сущности было не только духовным;

третья задача состояла в политическом освобождении революционным путем, а не путем эволюции, соглашательства и предательства. Эту задачу болгарский народ пытался разрешить с помощью Апрельского восстания в 1876 г.

Даже такой буржуазный ученый как Боян Пенев, несмотря на некоторые свои ошибки и неточности, признает эти три основные задачи в ка-

честве задач, стоявших перед эпохой Паисия, т. е. со времени написания «Истории славяно-болгарской» до Апрельского восстания.

В этом отношении достигнуто единое мнение, которое является несомненно большим успехом нашей исторической науки.

Теперь остается лишь доработать, довыяснить и дополнить некоторые важные и более конкретные вопросы, но это не может умалить ни исторического значения *патриотического и глубоко демократического дела Паисия Хилендарского*, ни *научного характера и значения его бессмертной «Истории славяно-болгарской»*.

В сущности уже доказано, что историографические источники использовались Паисием не бессистемно и механически, а творчески, целеустремленно и с прогрессивных позиций. В его «Истории», как он сам ее называл, есть, бесспорно, и неточные факты и даже наивные вещи, но он собирал самым добросовестнейшим образом все имевшиеся тогда данные, глубоко, внимательно их подбирал, анализировал и систематизировал. Паисию требовалось немало труда, сообразительности, научных знаний, логики, политической целеустремленности, чтобы сделать свои открытия и, таким образом, активно вмешаться в дальнейшую судьбу своего народа в качестве активнейшего субъективного фактора.

То же можно сказать и о новаторстве формы и содержания в паисиевой «Истории». Для языка ее характерно преобладание патетических выражений. Иногда Паисий допускает грубые ошибки в употреблении падежей и в синтаксическом построении фраз, и если бы мы оценивали его труд лишь с этой точки зрения, мы были бы вынуждены его отвергнуть. Однако теперь всеми уже признано, что как литературное произведение «История славяно-болгарская» знаменует собой *начало* новой болгарской литературы, так же как и язык Паисия означает *начало* болгарского литературного языка.

Является ли Паисий представителем зарождавшегося в то время класса болгарской буржуазии, или же его нужно считать идеологом масс болгарского народа или точнее «пахарей, землекопов, пастухов и простых ремесленников»?

Имея в виду всем известные взгляды патриарха нашей марксистской историографии Д. Благова по этому вопросу, я позволю себе именно здесь напомнить знаменитые мысли В. И. Ленина о том, что именно крестьяне в национальной антифеодальной буржуазной революции активно играют роль главной движущей общественной силы; и что, во-вторых, именно они составляют огромное большинство или ядро народных масс, поднявшихся на борьбу против феодализма; и, в-третьих, делая логический вывод из всего этого, сам Ленин неоднократно говорил о национальном вопросе как о вопросе, прежде всего и главным образом крестьянском, таком, каким он оказался и в нашей национальной, антифеодальной, буржуазно-демократической революции.

Как во времена Апрельского восстания, так и во времена Паисия, болгарские крестьяне (неимущие, бедные и средние, а также часть богатых) исторически объективно боролись за то, чтобы *направить общественное развитие Болгарии по линии развития буржуазно-демократических, антифеодальных, капиталистических производственных отношений*.

Именно в этой борьбе они вместе с болгарскими ремесленниками, *небольшой частью торговцев* («небольшая часть» — слова Паисия) и вышедшей из их среды интеллигенцией участвовали в формировании болгарской буржуазной нации.

Общение народных масс на рынках и ярмарках (внутренних и внешних), соединение более крупного торгового капитала внутри страны и за ее пределами с тогдашней мировой буржуазно-капиталистической торгов-

лей, постепенное развитие ремесел по пути рассеянной, а затем централизованной мануфактуры и т. д. — все это не могло происходить и не происходило *без массового и активного* участия болгарских крестьян, рассматриваемых как производители товаров потребления и промышленного сырья, а также как продавцы и покупатели на местных рынках и ярмарках, как посетители монастырей и других мест, где встречались болгары со всех концов нашей страны.

Болгарские крестьяне оказались действительно главной активно действующей силой в буржуазно-демократической и национально-освободительной революции. Однако сама болгарская буржуазия, которая в период церковной борьбы за духовную независимость (а в сущности за вытеснение греческих торговцев с местных рынков) играла неоспариваемую сейчас никем руководящую и прогрессивную роль, позднее пошла по пути *реформизма и оппортунизма*, в отличие от революционных крестьян, ремесленников, народной интеллигенции и мелких торговцев, шедших *по революционному пути*, который в конечном счете привел болгарский народ к Апрельскому восстанию.

Из сказанного выше и из всего хода революционной борьбы болгарского народа нетрудно сделать вывод о том, что когда Паисий пишет о «пахарях, землекопах, пастухах и простых ремесленниках» и о небольшой части неподдавшихся греческому влиянию торговцев, он, указывая на славное прошлое болгарского народа, смотрит на них (даже не сознавая этого) не просто как на *народ*, не как на *народ вообще*, а именно как на *народ, который в тогдашних условиях начавшегося перехода от феодализма к капитализму превращается в болгарскую нацию.*

Сам Паисий внес свой активный и решающий вклад в процесс образования *болгарской нации*, чувствуя, что без национального самосознания широких народных масс, в том числе и «небольшой части торговцев», не отрекшихся от своего рода и языка, это великое дело не может совершиться успешно.

Паисий гневно бичует «грекоманов», забывших свой род и язык, происходивших главным образом из среды чорбаджиев и крупных торговцев. Паисий, как мы видели, знает, что есть и такие торговцы и даже отдельные чорбаджи, которые становятся ктиторами в монастыре и помогают созданию школ, переписке книг и т. д. Но он пишет, что такие торговцы составляли меньшинство. Большинство торговцев забывали свой язык и превращались в «грекоманов».

В связи с деятельностью Паисия и его «Историей славяно-болгарской» возникает ряд интересных с научной точки зрения и актуальных вопросов не только перед нашей марксистской историей, языкознанием, литературоведением и философией, но и перед нашей общественной идеологической мыслью.

Таким вопросом, например, является вопрос о зарождении и дальнейшем развитии *болгарской нации буржуазного типа* и о ее постепенном превращении после победы социалистической революции в нацию нового, *социалистического типа*. Возникают и такие вопросы, как вопрос об общности территории, экономики, языка и культуры, а отсюда и о дальнейшем качественно новом соотношении национального и интернационального начала, патриотизма и интернационализма. Между современным социалистическим патриотизмом и социалистическим интернационализмом и патриотизмом и гуманизмом Паисия и революционеров эпохи Возрождения несомненно имеются некоторые общие черты, — это мы не только должны иметь в виду, но этим мы гордимся как единственные наследники.

Правильно также, что наша историческая, социалистическая и философская мысль уже более конкретно и углубленно занимается вопросами

об отношении к Паисию, а отсюда и всего современного ему революционного движения к идее о мире и мирном сотрудничестве между народами, равно как и о благотворном влиянии свободы на культурное развитие народов. В качестве примера Паисий указывал на русских и живущих за пределами Турции сербов.

Многочратно в своей «Истории славяно-болгарской» Паисий подчеркивает трудолюбивый и миролюбивый характер болгарина вообще, хотя, когда нужно, болгарин проявляет большую смелость на «поле брани». Идея Паисия о свободе, как предпосылке и необходимом условии правильного культурного развития народов, была подхвачена Раковским, Ботевым, Левским и Каравеловым.

В своей жизни, в революционной просветительной деятельности и в своем научном методе Паисий был в действительности сын своего народа и времени. Он вышел из недр народа и всегда среди народных масс он ощущал вместе с демократическими революционными силами народа веяние и наступление нового в истории болгарского народа. И потому именно его «История славяно-болгарская» сыграла в сущности для болгарского народа роль манифеста, роль программы в борьбе за национальное Возрождение.

Выходец из народа, будучи человеком, живущим для народа и борющимся вместе с ним, как его органическая часть, Паисий написал свою «Историю славяно-болгарскую», подчиняясь велению собственного сердца, внутренним импульсам, пронизывавшим все его существо. Эти же импульсы, однако, давали тогда толчок и самым прогрессивным слоям болгарского народа, одним словом, толкали вперед уже осознающий себя, мобилизующий свои силы, борющийся за духовную, экономическую и политическую самостоятельность болгарский народ.

Именно в этом процессе болгарский народ начал осознавать себя как болгарская нация. И этим в большой степени был обусловлен как пафос самой революционной борьбы народа, так и пафос личного дела Паисия Хилендарского, особенно его «Истории славяно-болгарской».

Этим можно объяснить и тот факт, почему Софроний Врачанский, первым прочитав и переписав «Историю славяно-болгарскую», сам заявил ее автору, что он переродился; почему Петко Славейков сказал, что именно книга Паисия возвратила его к жизни и борьбе за свободу народа; почему еще позднее именно она, пройдя через руки более 60 переписчиков и тысячи читателей, вдохновила народного поэта Ивана Вазова на написание одной из его самых лучших поэм, посвященных забытым тогда болгарской буржуазией титанам болгарского Возрождения.

Страстно и бескомпромиссно критикуя эксплуататоров и богатых греческих торговцев — шовинистов, Паисий высказывает важную мысль о дружбе балканских народов, об обеспечении их свободы путем коллективного отпора всякому посягательству на их независимость и суверенитет.

Позднее эти мысли Паисия были развиты Ботевым, Левским и Каравеловым, пришедшим к мысли, что болгарская революция направлена против султана, феодалов и всех угнетателей и эксплуататоров, от которых страдали не только болгарские, но и турецкие народные массы.

Особенно велика заслуга Паисия в том, что он, во-первых, хотя и без достаточного научного обоснования, доказал родство между болгарскими и русскими, и, во-вторых, со всей присущей ему страстностью, популяризировал это положение, был идеологом, пропагандистом и агитатором болгаро-русской дружбы.

В наши дни дружба болгарского и советского народов развивается на качественно новой основе и приобретает все больший размах и значение. Поэтому Паисия Хилендарского — рабочие, крестьяне-кооператоры, народная

интеллигенция, коммунисты и беспартийные в Народной Республике Болгарии, планомерно и все более успешно строящие социализм, защищающие в тесном содружестве со странами социалистического лагеря ее свободу и суверенитет, развивающие новую социалистическую культуру и науку, социалистический патриотизм и интернационализм и особенно дружбу с великим советским народом, всем этим по существу воздвигают самый величественный и действительно нерукотворный памятник родоначальнику болгарского Возрождения Паисию Хилендарскому и его бессмертной «Истории славяно-болгарской».

Д. Г. Песчаный

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ
СССР И НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИИ**

(На примере Краснодарского края)

В Программе КПСС подчеркивается, что строительство коммунизма в СССР облегчает и ускоряет движение к коммунизму всей мировой системы социализма, создает все более благоприятные возможности для углубления экономического и культурного сотрудничества СССР с другими социалистическими странами, для оказания этим странам помощи и поддержки¹. Подтверждением этому служит необъятная летопись плодотворного советско-болгарского сотрудничества.

Советский Союз, имеющий высокоразвитую социалистическую промышленность и занимающий ведущее место во многих областях мировой науки и техники, играет исключительно важную роль в оказании экономической и технической помощи Народной Республике Болгарии. На восьмом съезде компартии Болгарии первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков указывал, что СССР предоставил Болгарии кредиты на общую сумму 1,2 млрд. рублей, которые вложены в 73 уже построенные предприятия и цеха и в 32 предприятия, находящихся в процессе стройки.

По линии научно-технической помощи Советский Союз безвозмездно передал НРБ 2160 комплектов технической документации, свыше 3300 советских ученых и специалистов делились своим опытом и знаниями с болгарскими специалистами, участвовали в строительстве социализма в Болгарии². Болгарские экономисты подсчитали, что только техническая документация, переданная из СССР Болгарии в послевоенный период, стоила бы на Западе более 30 млн. левов³. Благодаря этой помощи в кратчайшие сроки созданы такие отрасли болгарской промышленности, как черная и цветная металлургия, машиностроение, производство сельскохозяйственных машин, энергооборудования, радиоаппаратуры, химических удобрений, насосов, мотоциклов, велосипедов и др. В свою очередь Народная Республика Болгария передает Советскому Союзу свой ценный опыт в области сельского хозяйства, консервной и эфиромасличной промышленности.

Одной из замечательных страниц и конкретным примером многогранных советско-болгарских связей, раскрывающих подлинно братский характер этого сотрудничества являются экономические связи Болгарии с «жемчужиной России» — Краснодарским краем.

¹ Программа КПСС. М., 1961, стр. 132—133.

² «Правда», 6 ноября 1962 г.

³ «Экономическая газета», 18 марта 1961 г.

Исследователи неоднократно касались данного вопроса в общесоюзном плане, но не было попытки представить эти связи, их преломление на одном из конкретных примеров локального характера⁴.

Многие промышленные предприятия Краснодарского края, помогая скорейшей индустриализации братской страны и выполняя задачу специализации и кооперирования производства в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), экспортировали свою продукцию в Болгарию: Краснодарский завод им. Седина — металлоорежущие карусельные станки, многошпиндельные полуавтоматы, Майкопский завод им. Фрунзе — алмазно-расточные станки, Ейский «Молот» — плоскочечатные полуавтоматические машины для типографий. Различные типы новейших электроизмерительных приборов, мощные компрессоры и запасные части к ним, универсальные испытательные машины, малогабаритные электродвигатели, грузовые железнодорожные дрезины, топливозаправщики, части для сельскохозяйственных машин, а также автоматические весы, твердомеры, специальные насосы идут из Советского Союза в социалистическую Болгарию. Наблюдается тенденция к росту экспорта: в 1952 г. экспортировали в эту страну свою продукцию лишь три предприятия края, в 1957 г. — восемь, а в 1961 г. — одиннадцать.

Болгария в начале 50-х годов не поставляла промышленного оборудования и машин, а во второй половине 50-х годов стала экспортировать в Советский Союз, в том числе и в Краснодарский край, мощные электрокары с подъемной платформой, автоматические машины для резки яблок, специальные насосы, а также сырье для табачных фабрик, мебель, обувь, изделия легкой промышленности, фасоль, консервированные овощи и фрукты, черенки винограда и др.

* * *

В советско-болгарских экономических связях значительный удельный вес имеет быстро растущее в последние годы научно-техническое сотрудничество Краснодарского края и Болгарии. Благоприятствуют этому сходные природно-климатические условия, специализация сельского хозяйства, высокоразвитая пищевая, особенно консервная, промышленность.

В последние годы Болгарии послана из края техническая документация на производство компрессоров, описание режимов ферментации, применяемых для различных листовых табаков. Для нефтепроектной организации «Заводпроект» НРБ подготовлено и отправлено институтом «Краснодарнефтепроект» шесть комплектов технической документации по вопросам проектирования нефтепроводов, нефтебаз, механизации процессов производства. Лишь один из этих комплектов — проект нефтяного плантоподъемника, дал экономию болгарскому учреждению на проектировании более 5 тыс. руб.

В свою очередь из Болгарии получена техническая документация на производство барабанных сушилок для яблочных выжимок при получении пектинового концентрата. В крае организован выпуск этих сушилок для консервных заводов. В 1958—1959 гг. краю присланы 33 образца выпускаемых в Болгарии консервов и техническая документация на некоторые из них. В результате изучения болгарских образцов в Краснодарском крае в соответствии с сырьевыми возможностями было освоено производство новых видов консервов: «Баклажаны по-болгарски», «Перец болгар-

⁴ Данная статья ограничивается периодом последних лет (1958—1961) и не ставит своей задачей рассмотрение экономических отношений, имеющих общесоюзный масштаб.

ский маринованный», пектиновый концентрат, конфитюры из вишни, черешни, сливы, алычи и др. В 1960 г. предприятиями края было выработано 474 тысячи условных банок этих высококачественных консервов.

Частыми гостями в Краснодарском крае стали специалисты различных областей промышленности Болгарии. В 1958 г. группа руководящих работников и специалистов молодой цементной промышленности НРБ изучала на предприятиях Новороссийского цементного комбината организацию производства и эксплуатацию оборудования. Болгары заказали техническую документацию для своих заводов, получили консультации по всем интересовавшим их вопросам и просили отвечать на письма. Установившиеся производственные связи советских и болгарских цементников крепнут. Несколько лет ведут, например, переписку директор завода «Пролетарий» Г. Вебер и инженер министерства рудных и ископаемых богатств Болгарии Кою Иванов. В 1961 г. два болгарских инженера вновь посетили цементный завод «Пролетарий», чтобы ознакомиться с работой печей «Леполь», а в 1962 г. специалисты НРБ на заводе «Октябрь» изучали технологию получения цемента высоких марок.

В 1957 г. двадцать болгарских нефтяников посетили нефтепромыслы Краснодарского края, изучали процессы бурения, георазведку и состояние противопожарной охраны. Инженер Софийской нефтепроектной организации Т. Новаков в 1960 г. познакомился с опытом проектирования нефтяных объектов и деятельностью института «Краснодарнефтепроект».

Большой интерес проявляют болгарские специалисты к достижениям эфиромасличной промышленности Краснодарского края. В 1961 г. в течение месяца на Усть-Лабинском эфирокомбинате они изучали технологию получения эфирного кориандрового масла, а в 1962 г. на ряде других предприятий — способы извлечения экстракта из дубового мха, а также новейшие методы производства розового и эфирного масел, специальную аппаратуру.

В конце 1961 г. начальник отдела экспортной организации «Болгартабак» Т. Йовов ознакомился с ферментационным производством и исследованиями в технологическом и сырьевом отделах Всесоюзного института табака и махорки (ВИТИМ) и на табачных фабриках.

Специалисты Краснодарского края неоднократно выезжали в Болгарию для оказания научно-технической помощи. Немало ценных советов дал болгарским виноделам командированный в 1958 г. в братскую страну главный специалист Краснодарского совнархоза И. С. Попов. Изучив работу винзаводов, научных учреждений, технологию производства местных вин, И. С. Попов познакомил болгарских специалистов с новейшими приемами, режимами, технологическим оборудованием, применяемым в СССР, с отсутствовавшими в болгарской практике техникохимическим и микробиологическим контролем в виноделии, а также механизацией трудоемких процессов производства. Применение этих рекомендаций содействует значительному улучшению качества столовых и десертных вин, сокращению потерь сырья. Болгарские виноделы в письмах советуются, консультируются с И. С. Поповым.

Профессор Краснодарского института пищевой промышленности, лауреат Ленинской премии, один из авторов метода ускоренной шампанизации вин, Г. Г. Агабальянц в 1959 г. также выезжал в Болгарию для оказания научно-технической помощи и чтения лекций о новейших достижениях советской науки в технологии виноделия.

В свою очередь в Краснодарском крае широко изучается передовой опыт болгарской промышленности. Инженер-химик управления пищевой промышленности совнархоза В. И. Власова в 1958 г. познакомилась с достижениями консервной промышленности, технологией переработки

плодов и овощей, оборудованием консервных заводов в Болгарии. Она выступила с рядом ценных рекомендаций для промышленности края. Краснодарский научно-исследовательский институт пищевой промышленности с 1957 г. изучает рецептуру и качество консервов, вырабатываемых болгарской промышленностью. Только в 1959 г. проанализировано 30 образцов, что позволило внедрить в производство новые виды высококачественной продукции.

Это сотрудничество, показанное лишь на некоторых примерах, имеет тенденцию к быстрому росту. Оно дает возможность нашим странам сокращать сроки освоения производства новых видов продукции, ускорять научно-технический прогресс, а также более рационально использовать квалифицированные кадры, экономить значительные материальные средства.

* * *

Одним из важнейших путей ускоренного решения народно-хозяйственных задач является быстро растущее научно-техническое сотрудничество братских стран в области сельского хозяйства.

Применительно к Краснодарскому краю оно выражается в интенсивном обмене опытом социалистического строительства в деревне, достижениями сельскохозяйственной науки и практики. В последние годы появляются все новые формы сотрудничества: взаимный обмен образцами семян лучших сельскохозяйственных культур, организация международного сортоиспытания их, поездки специалистов для изучения передового опыта и оказание помощи, стажировка специалистов в научных учреждениях у видных ученых, участие в научных конференциях, семинарах и т. п.

По решению Постоянной комиссии по сельскому хозяйству стран-участниц СЭВ между его членами с 1957 г. организовано регулярное сотрудничество по сортоиспытанию сельскохозяйственных растений, по обмену семенами, а также информацией о селекции и семеноводстве. Ранее эта форма сотрудничества носила эпизодический характер.

В числе предложенных Советским Союзом культур для сортоиспытания в Болгарии многие были выведены в Краснодарском крае. Среди них замечательные сорта озимой пшеницы выдающегося селекционера лауреата Ленинской премии академика П. П. Лукьяненко «Новоукраинка — 83 и 84», «Скороспелка — 3», «Безостная — 4» и непревзойденная «Безостная — 1»; сорта гибридной кукурузы «ВИР — 42», «ВИР — 156», «ВИР — 25» и «Краснодарская 1/49». Рекомендованы кубанские сорта озимого ячменя «Краснодарский — 2929»; риса «Дубовский — 129», «ВРОС — 213»; лучшие в мире высокомасличные семена подсолнечника «ВНИИМК — 6540», «ВНИИМК — 8883», «ВНИИМК — 8931», «Передовик», «Смена», созданные выдающимся селекционером лауреатом Ленинской премии академиком В. С. Пустовойтом, а также многие сорта овощных и технических культур.

В Народную Республику Болгарию с 1958 по март 1962 г. Краснодарский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (КНИИСХ) неоднократно отправлял элитные и суперэлитные семена: трех сортов озимой пшеницы, семи сортов гибридной кукурузы, озимого ячменя, овса, конопли и др. Всесоюзный научно-исследовательский институт масличных и эфиромасличных культур (ВНИИМЭК) в этот же период послал в НРБ семена четырех сортов подсолнечника, арахиса и других культур. Всесоюзный институт табака и махорки (ВИТИМ) направил туда же свыше 7 кг семян 14 культурных и 18 диких видов табака. Кубанская рисовая опытная станция высылала семена трех сортов риса. Двенадцати болгарским выпускникам Тимирязевской сельскохозяйственной академии,

посетившим ВНИИМЭМК в 1960 г., послано по 10 кг семян лучших сортов подсолнечника. Такие же семена получали от ВНИИМЭМК государственная комиссия по сортоиспытанию министерства земледелия и лесов Болгарии, научные учреждения, организация «Сортовые семена», отдельные ученые, специалисты.

Некоторые краснодарские сорта сельскохозяйственных культур, испытанные на болгарской земле, дали наилучшие показатели: гибридная кукуруза «ВИР — 42», озимая пшеница «Безостная — 1», «Безостная — 4», подсолнечник. В 1958 г. в Болгарии с помощью СССР было произведено 4430 т семян гибрида кукурузы ВИР — 42.

В мае 1962 г. во время посещения Н. С. Хрущевым Добруджанского сельскохозяйственного научно-исследовательского института директор этого учреждения К. Еников, обращаясь к высокому гостю, отмечал, что в Добрудже, житнице Болгарии, хорошо зарекомендовали себя и получают широкое распространение советский сорт озимой пшеницы «Безостная — 1» и гибрид кукурузы «ВИР — 42» и что в последние годы институт размножает сорт «Безостная — 1», превосходящий все болгарские сорта и наиболее перспективный для Северной Болгарии.

На основе некоторых краснодарских сортов в Болгарии ведется большая селекционная работа. Созданный на базе «ВИР — 42» (в качестве материнской линии) новый гибрид кукурузы «ВИР — 42» × «Чипран — 96» давал за последние пять лет урожай 363 кг сухого зерна с декара или на 94 кг больше местного районированного. Он особенно ценен для южной и юго-восточной Болгарии. Второй новый гибрид «Чипран — 87 × ВИР — 42» (последний в качестве отцовской линии) с высокой засухоустойчивостью, пригодный для Восточной Болгарии, дал урожай выше районированного на 33%. Этими новыми гибридами в 1961 г. в Болгарии было засеяно 90% площадей кукурузы.

Самыми высококачественными семенами подсолнечника, выведенными в Краснодарском крае, в последние годы засеваются в НРБ основные площади под эту культуру.

В свою очередь Болгария отправляет в СССР и, в частности, краснодарским научно-исследовательским институтам, опытным станциям, краевой госкомиссии по сортоиспытанию сельскохозяйственных растений и карантинным питомникам сотни местных образцов семян пшеницы, ячменя, озимой ржи, кукурузы, подсолнечника, томатов, перца, свеклы и многих других культур, а также саженцы фруктовых деревьев, корневища роз, черенки винограда, луковичы растений... Многие из них испытываются и используются в селекционной работе, в научных учреждениях, на полях Краснодарского края. Из прошедших проверку на государственных сортовых участках Краснодарской госкомиссии по сортоиспытанию в 1958 — 1961 гг. особенно выделились своими хозяйственно-биологическими качествами болгарский сорт помидоров «Изобилье». Он превзошел наиболее урожайные местные сорта «Маяк — 12/20 — 4» и «Советский — 679» по урожайности соответственно на 11,4 и 62 процента, причем средний вес плода этого болгарского сорта больше названных на 56,4 и 34,3 процента.

Значительное распространение в Краснодарском крае имеет болгарский лук-севок. Многие совхозы и колхозы края, получая его через конторы «Сортсемеовощ», засевают этим луком значительные площади. Только в 1958 — 1960 гг. в край прислано 158,5 т лука-севка.

Важное место в изучении достижений братских стран занимает взаимный обмен сельскохозяйственными делегациями. Этот обмен резко возрос за последние годы. Так, если в начале 50-х годов количество делегаций исчислялось единицами, то с 1958 по 1962 г. в Краснодарском крае побывало около двадцати делегаций. Болгары знакомились с работой государст-

венных сельскохозяйственных органов края, посещали известные научные центры, имеющие значительные успехи: ВНИИМЭМК, КНИИСХ, ВИТИМ, Кубанский институт испытания тракторов и сельхозмашин, Северо-Кавказский зональный научно-исследовательский институт садоводства и виноградарства, Кубанскую опытную рисовую станцию, Сочинскую станцию субтропических и южных плодовых культур. Они осматривали передовые хозяйства края: совхозы «Кубань», «Кубанец» Тимашевского района, им. В. И. Ленина Анапского района, «Хуторок» Ново-Кубанского района, «Сад-Гигант» и рисосовхоз Славянского района, колхозы «Кубань» и им. Жданова Усть-Лабинского района, «Россия» и «40 лет Октября» Тимашевского района и многие другие.

Ведущие ученые, создатели многих новых сортов растений, руководители колхозов, совхозов, новаторы производства проводили беседы с членами делегаций по теоретическим и практическим вопросам селекции, семеноводства, агротехники сельскохозяйственных культур, по вопросам развития животноводства, комплексной механизации производства, снижения затрат на единицу продукции и многим другим проблемам.

В 1957 г. большая группа специалистов, ученых, руководителей и членов кооперативов во главе с министром сельского хозяйства Болгарии С. Тодоровым, находясь в СССР, посетила Краснодарский край. Члены делегации встречались с руководителями крайкома КПСС, замечательными селекционерами П. П. Лукьяненко, В. С. Пустовойтом, передовиками сельскохозяйственного производства, ознакомились с работой научных учреждений, многих хозяйств.

В 1959-1960 гг. четыре государственно-партийных делегации НРБ изучали в крае вопросы руководства сельскохозяйственным производством, претворения в жизнь решений партии. Одна из них, например, состояла из работников Центрального и окружных комитетов БКП, министерства сельского хозяйства, редакторов газет, председателей кооперативов. Зарубежных друзей интересовали формы политической работы на селе, организация и оплата труда, вопросы селекции новых сортов озимой пшеницы, наземное силосование, а также организация беспривязного содержания скота, оригинальный кормораздатчик на самоходном шасси и др. По заявлению руководителя этой делегации Г. П. Стоичкова, болгары почерпнули много ценного и полезного и лучшие достижения края будут испытывать и внедрять у себя на родине. От имени группы болгарских ученых, побывавшей в крае и, в частности, во ВНИИМЭМК, профессор Р. Георгиев писал в книге отзывов: «Достижения института по всем культурам и особенно подсолнечнику... превзошли все достижения других стран. Это стало возможным только в условиях Советской власти, создавшей условия для развития науки, и благодаря упорному исследовательскому труду советских ученых. Обогащенные знаниями в институте, мы будем внедрять их в сельское хозяйство Болгарии, чтобы скорее планостроительство социализма».

Наряду с общим знакомством болгарские ученые, специалисты все чаще приезжают для более глубокого изучения определенных проблем. По вопросам селекции у академика П. П. Лукьяненко были агроном Т. П. Тодоров в 1958 г., профессор Т. Т. Пенев в 1960 г., профессор К. П. Киряков и многие другие.

В край направлялись болгарские специалисты для прохождения стажерской практики под руководством ведущих ученых. В 1958 г. более двадцати дней в ВНИИМЭМК изучала селекцию и агротехнику подсолнечника, арахиса и клецелины старший ассистент кафедры растениеводства Пловдивского сельскохозяйственного института В. Колбова. В 1959 г. около трех месяцев в этом же институте находился директор Казанлыкской опытной станции эфиромасличных и лекарственных растений В. Стайков. Он по-

знакомился с достижениями кубанских ученых и в свою очередь поделился в статье знаниями о ценном болгарском способе размножения роз.

В ВНИИМЭМК проходили стажерскую практику также В. Д. Топалов, преподаватель кафедры растениеводства Пловдивского сельскохозяйственного института, агроном М. И. Димитрова и др. Директор болгарской сельскохозяйственной опытной станции из г. Павликен, стажировавшийся в институте сорок шесть дней, написал в книге отзывов: «Я перенесу опыт, полученный в институте, в Болгарию на благо социалистического сельского хозяйства».

Отмеченная многосторонность вопросов, интересовавших болгарских специалистов, свидетельствует о том, что они изучали опыт и достижения почти всех основных отраслей сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае.

В то же время специалисты сельского хозяйства Краснодарского края, посещая Болгарию, также изучают лучшие достижения, передовой опыт. Так, агроном-семеновод Крымского консервного комбината И. Г. Худолеев в 1957 г. в составе делегации специалистов сельского хозяйства СССР выезжал в Болгарию для изучения опыта и достижений в области овощеводства. Советские специалисты посетили около тридцати научно-исследовательских институтов, опытных станций, госхозов, кооперативов, консервных заводов. Они познакомились с агротехникой выращивания ранних томатов, баклажанов, перца, почерпнули много ценного из опыта болгарских овощеводов для советских коллег. Этот опыт дает возможность многим колхозам Краснодарского края выращивать более высокие урожаи ранних томатов, сладкого перца и других овощей.

В 1961 г. Болгарию посетил бригадир садово-виноградарской бригады племсовхоза «Венцы — Заря» Г. А. Демидов. Он также изучал там передовой опыт.

Сотрудничество СССР и НРБ в области сельского хозяйства, как подтверждает пример Краснодарского края, дает возможность братским странам взаимовыгодно использовать достижения, помогает ученым выводить новые эффективные сорта сельскохозяйственных культур, с меньшими затратами сил и средств внедрять их с учетом местных условий в производство, ускорять темпы развития этой области народного хозяйства.

* * *

Важной вехой в укреплении братских советско-болгарских связей явилось пребывание 980 болгарских юношей и девушек в течение трех лет в Краснодарском крае. По соглашению правительств Советского Союза и Народной Республики Болгарии посланцы Димитровского коммунистического союза молодежи прибыли в нашу страну, чтобы рука об руку с советскими людьми принять активное участие в строительстве промышленных предприятий Краснодарского края, чтобы, закаляясь в труде, учиться строить социализм и коммунизм.

Партийные и государственные органы, профсоюзные и комсомольские организации края уделяли большое внимание устройству болгарской молодежи. Крайком КПСС специально обсуждал вопрос «О работе среди граждан Народной Республики Болгарии, прибывающих на строительство сахарных заводов края», и обязал Совет народного хозяйства и Управление строительства, Краевой Совет профсоюзов, Крайком ВЛКСМ, отделы здравоохранения, культуры, торговли крайисполкома, местные партийные организации уделять повседневное внимание производственному обучению, организации труда и культурно-бытовому обслуживанию болгарских рабочих.

Готовясь к встрече болгарских друзей, профсоюз работников пищевой промышленности Краснодарского края приобрел для них библиотеки, радиоприемники, телевизоры, спортивный инвентарь.

В июле 1957 г. молодые болгары начали свои трудовые будни на ударных объектах: около 500 человек на строительстве Ново-Кубанского, 280 — Усть-Лабинского и около 200 — Гиагинского (Адыгейского) сахарных заводов. На Усть-Лабинской стройке болгары составляли восьмую часть всех рабочих, а на Ново-Кубанском — еще больше.

Большинство болгарской молодежи не имело специальностей. Советские рабочие и инженеры пришли им на помощь. Обучение шло в индивидуальном и бригадном порядке, путем прикрепления их к наиболее квалифицированным и опытным мастерам, инженерно-техническим работникам строек. Так, на строительстве Усть-Лабинского сахарного завода опытный бригадир арматурщиков А. Чечетов обучил мастерству пятнадцать болгарских юношей, свой многолетний опыт передал новичкам знатный бригадир кровельщиков Г. Горлов. Бригадир электромонтажников на строительстве Ново-Кубанского сахарного завода В. Сергеев, обучивший немало болгарских юношей, отмечает их энтузиазм, большую жажду знаний, упорный и добросовестный труд.

Находясь в Краснодарском крае, болгары обогащались передовым опытом, знакомились с новейшей техникой и технологией производства. «Русские товарищи, — писал болгарский рабочий С. Стайков, — охотно приняли нас в свою рабочую семью, проявили полное дружелюбие, с готовностью помогали во всем. Работа в Советском Союзе помогла нам перенять и накопить богатый производственный опыт».

Для посланцев комсомола Болгарии были созданы специальные курсы трактористов, шоферов и других профессий.

В результате упорной учебы и помощи советских друзей 713 болгарских рабочих из 980 приобрели специальности монтажников, кровельщиков, каменщиков, штукатуров, маляров, бетонщиков, арматурщиков. 415 из них освоили по две-три профессии, а 109 — окончили курсы механизаторов. «У нас в Болгарии, — говорили они, — одной из самых почетных является профессия строителя. Мы получили эту профессию в Советском Союзе и безмерно гордимся этим».

Болгарские юноши и девушки, освоив новые специальности, стали замечательными мастерами своего дела. Многие из них выполняли в смену до двух и более норм. Лучшие из них были назначены бригадирами и звеньевыми.

После успешного завершения строительства Усть-Лабинского, Ново-Кубанского и Гиагинского сахарных заводов молодые болгары направились на возведение новых ударных объектов Краснодарского края, где ощущалась серьезная нехватка квалифицированных рабочих. Они оставили добрую славу на строительстве Успенского, Малороссийского, Павловского, Тбилисского, Лабинского, Курганского и Динского сахарных заводов, а также на стройках многих промышленных объектов и культурных учреждений Краснодара, Новороссийска, Армавира, Геленджика. И в том, что в Краснодарском крае в короткий срок выросла самая мощная в Советском Союзе сахарная промышленность — 13 новых заводов, выработавших 21 млн. пудов сахара в 1961 г., есть заслуга и молодых посланцев Народной Республики Болгарии.

Работая совместно с советскими людьми, члены Димитровского союза молодежи учились жить и работать по-коммунистически. «Наши юноши и девушки, — писал в газете «Советская Кубань» руководитель болгарской группы Н. Николов, — в Советском Союзе получили не только профессии. Самым важным и ценным для них стало то, что они учились у советских

братьев строить новое общество. Большим счастьем для них явилось то, что они были не только очевидцами, но и активными участниками соревнования за почетное звание бригад и ударников коммунистического труда». Вместе с советскими людьми активно включились в соревнование за звание бригад коммунистического труда 19 болгарских производственных коллективов. Восемь из них, которыми руководили товарищи К. Дончев, И. Михайлов, Н. Аврамов, Д. Марковски, Я. Хубенов, И. Иванов, И. Недков, Г. Джибирски, завоевали это высокое звание. «Здесь, на Кубанской земле, которая стала для нас как бы второй Родиной, — говорила на митинге советско-болгарской дружбы Янка Робива, — мы впервые услышали пламенный клич: «работать и жить по-коммунистически». Мы посвятим всю свою жизнь этой благородной цели».

За годы пребывания в Советском Союзе болгарские юноши и девушки закалились в труде, учились упорству, смелости, преодолению трудностей. Десятки лучших из них влились в ряды Коммунистической партии Болгарии. Высоко оценили советские люди, партийные, государственные органы, общественные организации Российской Федерации и Краснодарского края работу болгарских братьев. За доблестный труд, за активное участие в строительстве сахарных заводов и ряда промышленных объектов Краснодарского края каждый третий болгарский рабочий был награжден: Знаком «Отличник социалистического соревнования РСФСР» 85 человек, почетными грамотами Краснодарского Крайкома КПСС, Крайисполкома, совнархоза, Крайкома союза строителей и Крайкома комсомола — 260 человек.

Признанием больших заслуг болгарских строителей, работавших в Краснодарском крае, явилось присвоение им Центральным комитетом Демитровского коммунистического союза молодежи высокого звания «образцового бригадного коллектива имени города Краснодара».

В Советском Союзе болгарским комсомольцам были предоставлены широкие возможности для повышения своего образования. Сотни их, работая, начали учиться. В течение трех лет 246 болгар обучалось в вечерних и заочных школах, различных техникумах, педагогических училищах. Многие стали студентами заочных отделений сельскохозяйственного, педагогического, всесоюзных инженерно-строительного и юридического институтов, а также слушателями университетов марксизма-ленинизма. Многие увезли в Болгарию дипломы об окончании учебных заведений Краснодарского края.

«Две специальности и законченное среднее образование за три года, — говорил И. Денев, — это очень хорошо! И это можно было сделать только с помощью друзей».

Болгарские юноши и девушки принимали активное участие в общественной жизни. Во многих городах и районах края они выступали с докладами о Болгарии, концертами художественной самодеятельности, провели сотни вечеров советско-болгарской дружбы. Их голоса много раз звучали по Краснодарскому радио и телевидению. Они давали возможность советским людям еще лучше узнать болгарский народ, его богатую и древнюю историю, культуру.

В то же время посланцы братской страны близко познакомились с жизнью колхозов, совхозов, предприятий и культурных учреждений Краснодарского края, совершили экскурсии в Москву, Ленинград, Харьков, Волгоград. Тысячи новых друзей, родных и близких появилось у них за время жизни среди советских людей. По единодушным отзывам болгар, яркими, замечательными, незабываемыми страницами вошли в их жизнь три года, проведенные в Советском Союзе. «Здесь на кубанской земле, — говорил болгарский коммунист Н. Николов, — был внесен новый замечательный вклад

в укрепление болгаро-советской дружбы». В июле 1960 г. трудящиеся Краснодарского края тепло проводили на родину своих близких и дорогих друзей.

Но и после возвращения в Болгарию свыше двухсот человек продолжали заочное обучение в высших и средних специальных учебных заведениях Краснодарского края. Они приезжали в край на учебно-экзаменационные сессии, государственные экзамены. А сорок болгар, студентов старших курсов, по решению правительства НРБ, остались в Краснодарском крае для завершения образования. Они создали комплексную строительную бригаду и, обучаясь заочно, работали в строительном-монтажном управлении № 9 г. Краснодара.

Пример Краснодарского края подтверждает взаимную пользу и важность развития многостороннего сотрудничества Советского Союза и Народной Республики Болгарии.

С. И. Баскаков

НЕРУШИМАЯ БОЛГАРО-СОВЕТСКАЯ ДРУЖБА

(К пятинадцатилетию договора о дружбе,
сотрудничестве и взаимопомощи)

Болгаро-советская дружба имеет глубокие исторические корни, уходящие в далекое прошлое. В основе ее лежала общность языка и чувство кровной связи братских народов, общность их письменности и культуры. Позднее она крепла и расширялась на основе близости идейных и революционных традиций.

После Великой Октябрьской социалистической революции идеи братской дружбы наших народов были подхвачены новыми общественными силами — силами революционного преобразования мира, болгарскими коммунистами. Особенно велика в этом роль выдающихся деятелей — марксистов — Д. Благоева, Г. Киркова, В. Коларова, Х. Кабакчиева и др.

Сразу же после Октябрьской революции ЦК партии тесных социалистов распространил «Воззвание к рабочим и мелким собственникам в городах и селах». В этом документе говорилось: «В этот решительный момент болгарский пролетариат, как наиболее сознательная часть болгарского народа, должен поднять свой голос и по примеру своих русских братьев первым решительно и смело подняться на борьбу. Эта борьба, несмотря на все трудности и препятствия, неизбежно завершится полной победой народа над его угнетателями и эксплуататорами, полной победой демократии над монархией, революционного социализма над капитализмом, над политическим и экономическим рабством! Заря социализма и свободы взошла!»¹.

Революция в России показала трудящимся Болгарии верный путь, для которого они могут уничтожить господство капитала. В знак солидарности с Великим Октябрем по всей Болгарии начались массовые митинги и демонстрации, выражавшие чувства симпатии к пролетариату России, чувство гордости за своих русских братьев. 2 декабря 1917 г. в Софии по инициативе ЦК партии тесных социалистов был созван многолюдный митинг. 40 тыс. софийских трудящихся направили горячее приветствие революционным рабочим России и заявили о своей полной солидарности с ними и поддержке Октябрьской революции. В резолюции, принятой на митинге, говорилось, что болгарские рабочие считают дело русского пролетариата своим собственным делом и готовы приложить все усилия для его полного торжества².

Одним из ярких примеров прямого воздействия идей Октябрьской революции на болгарское революционное движение было Владейское восстание солдат, провозгласившее Радомирскую республику в сентябре 1918 г. Это

¹ «БКП в резолюции и решения...», т. 1. София, 1957, стр. 458.

² «Материали по история на БКП». София, 1954, стр. 135—136.

восстание имело огромное значение для всего последующего развития Болгарии и явилось первой попыткой болгарских трудящихся последовать примеру своих русских братьев в освобождении страны от буржуазно-монархического господства. Владайское восстание, в котором участвовало около 15 тыс. организованных и неорганизованных солдат³, смертельно напугало болгарскую буржуазию. Она почувствовала, что над ее головой нависла реальная угроза. Восстание напугало и государства Антанты, которые боялись, что оно может перерасти в революцию. Поэтому в срочном порядке с Болгарией было заключено перемирие.

В. И. Ленин исключительно высоко оценивал значение этого солдатского восстания. «Возьмите Болгарию — указывал он — казалось бы, что такая страна, как Болгария, колоссу англо-американского империализма ведь страшна быть не могла. Однако революция в этой маленькой, слабой, совершенно беспомощной стране заставила англо-американцев потерять голову...»⁴.

Октябрьская революция оказала также решающее влияние на большевизацию партии тесных социалистов. Они приняли предложение В. И. Ленина о создании III Коммунистического Интернационала и явились участниками его основания. «В отличие от партий многих стран, — говорил Г. Димитров на V съезде БКП, — наша партия вошла в Коммунистический Интернационал единым целым. Более того. Она приняла участие в его основании под руководством большевистской партии и бессмертного Ленина»⁵. В мае 1919 г. на I съезде партия тесняков была названа Болгарской коммунистической партией (тесных социалистов) [БКП т. с.]

Когда международная и внутренняя реакция попытались потопить в крови завоевания Великого Октября, братский болгарский народ поднялся на защиту молодой Советской республики. По всей Болгарии начались массовые митинги и демонстрации под лозунгом «Руки прочь от Советской России!» Только за два года (1919—1920) в Болгарии произошло около 250 стачек, а за один 1919 г. — 146 стачек, в которых участвовало более 76 тыс. человек⁶. Многие из этих стачек были проникнуты идеями интернациональной солидарности с русским пролетариатом.

В трудный для Советской России голодный 1921 год в Болгарии развернулась большая кампания по сбору средств в помощь голодающему братскому населению Советского Поволжья. В воззвании комитета Общего рабочего профессионального Союза Болгарии ко всему трудовому народу, опубликованном в газете «Рабочнически вестник» 30 декабря 1921 г., говорилось: «Не забывайте голодающих русских братьев, борцов за освобождение всего трудящегося человечества, сделайте все необходимое, чтобы облегчить их крайне тяжелое положение»⁷. В условиях невероятных трудностей и лишений трудящиеся Болгарии с необыкновенным энтузиазмом собрали деньги и отправили в Советскую Россию 200 вагонов пшеницы.

Под знаменем братской солидарности с народами Советской России проходили и многие последующие революционные выступления болгарского пролетариата. В сентябре 1923 г. рабочие и крестьяне под руководством своей коммунистической партии выступили на борьбу против военно-фашистского переворота в стране. Главная цель этого героического выступления болгарского народа состояла в свержении фашистской диктатуры и

³ «Исторически преглед», кн. I, 1950, стр. 44.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 138.

⁵ Георги Димитров. Съч., т. 14, стр. 235.

⁶ В. Хаджиниколов и др. «Стачните борби на работническата класа в България». София, 1960, стр. 197.

⁷ Сб. «За нерушима българо-съветска дружба». София, 1951, стр. 62.

в установлении, по примеру своих русских братьев, рабоче-крестьянского правительства⁸. Несмотря на то, что восстание было жестоко подавлено, оно имело огромное значение для дальнейшего политического и общественного развития Болгарии. Г. Димитров охарактеризовал его как «болгарский 1905 год». Без сентябрьского восстания 1923 г., указывал он, «...не было бы возможно ни создание могучего Отечественного фронта, ни историческая победа 9 сентября 1944 года»⁹.

В честь великой победы пролетариата в России и в знак солидарности с братским советским народом трудящиеся Болгарии в условиях жесточайших гонений и преследований со стороны фашизма в течение более 25 лет ежегодно организовывали и проводили празднование дня Октябрьской революции. Отмечая годовщину Октября, они спланировали свои ряды, готовились к решительному штурму угнетателей. «Товарищи рабочие! — говорилось в одном из воззваний Независимых рабочих профсоюзов. — Встретим 7 ноября активизацией борьбы против эксплуатации и безработицы. Достоинно отметим дело советских рабочих и крестьян и приблизим день нашего освобождения»¹⁰.

Организирующей силой братской солидарности и дружбы болгарского народа с народами Советского Союза являлась Болгарская коммунистическая партия. В самые трудные моменты, когда правящая верхушка эксплуататорских классов предавала и продавала национальные интересы страны, пыталась силой оружия, жесточайшими пытками и преследованиями вытравить из сознания болгарского народа чувства дружбы и братства к народам Советского Союза, оклеветать завоевания Великого Октября и поссорить наши народы, она беспощадно разоблачала гибельный характер буржуазного государства, учила трудовой болгарский народ, что дружба с СССР является единственной гарантией свободы и независимости Болгарии, призывала трудящиеся массы самоотверженно защищать первую в мире страну социализма. В обращении ЦК-БКП в апреле 1929 г. указывалось: «Внешняя и внутренняя политика финансового капитала подчинены единой цели. Поэтому борьба против капитала и фашистской диктатуры не может быть отделена от борьбы против войны и защиты Советского Союза. Болгарские капиталисты и их фашистское государство готовят войну против международного отечества — Советского Союза — для того, чтобы обеспечить свое классовое господство, которое приносит им огромные прибыли, богатство и роскошь». Задача всего болгарского народа состоит в том, чтобы усилить борьбу против милитаризма и подготовки войны, вести решительную и бесстрашную борьбу в защиту Советского Союза»¹¹.

Большая заслуга в укреплении и развитии болгаро-советской дружбы принадлежит выдающемуся деятелю болгарского и международного коммунистического и рабочего движения Георгию Михайловичу Димитрову. Вся его жизнь и деятельность тесно связаны с русским революционным движением. Он был преданным и верным другом Советского Союза, в котором видел воплощение лучшей человеческой мысли — прообраз социалистического общества. Отношение к Советскому Союзу Г. М. Димитров считал основным критерием для определения, кто друг и кто враг дела рабочего класса и социализма. «Пробным камнем для проверки искренности и честности каждого деятеля рабочего движения, — писал он, — каждой рабочей партии и организации трудящихся, каждого демократа капиталистических стран является их отношение к великой стране социализма.

⁸ «БКП в резолюции...», т. 2, стр. 278.

⁹ Георги Димитров. Соч., т. 11, стр. 252.

¹⁰ ЦДИА, ф. 370, оп. 1, д. 548, л. 1.

¹¹ «Нелегалии позиви на БКП». София, 1954, стр. 76, 77.

Нельзя бороться на деле против фашизма, если всесторонне не помогают укреплению важнейшей опоры в этой борьбе — Советскому Союзу»¹².

Эти замечательные слова Г. Димитрова с исключительной силой звучат в наши дни, помогая разоблачению тех правых социалистов, которые на словах выступают якобы за интересы рабочего класса, а на деле поддерживают империалистов в эксплуатации трудящихся масс, в гонке вооружений, подготовке и развязывании новой войны против Советского Союза. Эти убеждения болгарского коммуниста разоблачают также тех современных ревизионистов и раскольников, которые мешают делу укрепления могущества и монолитности социалистического лагеря.

Георгий Димитров искренне любил советский народ, восхищался его трудолюбием; верил в торжество и непобедимость социалистического строя в СССР. Он исключительно высоко ценил дружбу между советским и болгарским народами и видел в ней силу, способную обеспечить национальную независимость и процветание своей Родины. «Болгаро-советская дружба, — подчеркивал Г. Димитров, — должна проникнуть до глубины души болгарского народа, она должна стать его плотью и кровью»¹³. Своей повседневной и кропотливой работой, братской любовью и преданностью к нашей стране и нашему народу он заложил основы вечной советско-болгарской дружбы. «Нет и не может быть, — писал Г. Димитров, — здравомыслящего болгарина, любящего свою родину, который не был бы убежден, что искренняя дружба с Советским Союзом является не менее необходимой для национальной независимости и процветания Болгарии, чем солнце и воздух для всякого живого существа»¹⁴.

Братская дружба народов Советского Союза и Болгарии нашла свое яркое проявление в их совместной борьбе против наступления фашизма. В памяти человечества сохранились исторические события, разыгравшиеся в 1933 г. в связи с Лейпцигским процессом, когда фашистские власти Германии, ведя наступление на рабочее и коммунистическое движение, пытались оправдать варварский террор и жестокие преследования революционного пролетариата. Обвинение Г. Димитрова и его товарищей в поджоге здания Рейхстага — это чудовищная провокация, вызвавшая бурю негодования прогрессивного человечества всего мира и особенно трудящихся Советского Союза.

В борьбе против фашистского террора крепла и закалялась революционная дружба наших народов, приумножались традиции совместной борьбы против врагов мира, демократии и социализма. Накануне второй мировой войны народные массы Болгарии, возглавляемые коммунистами, развернули широкую деятельность против разнузданной антисоветской пропаганды и военных приготовлений. ЦК БКП призывал народ усилить бдительность, расширить движение за сохранение мира и укрепление дружбы с СССР. Все искренние друзья Советского Союза активно популяризировали среди населения действительную жизнь своих советских братьев, разоблачали клевету монархо-фашистской пропаганды. Народные массы требовали установления нормальных дипломатических отношений с СССР, настаивали на допущении в Болгарию советской научной, политической и художественной литературы, кинофильмов и т. п., добивались организации обмена рабочими и крестьянскими делегациями.

Эта борьба, как известно, увенчалась успехом. В 1934 г. под давлением народных масс были установлены дипломатические отношения Болгарии

¹² Георги Димитров. Соч., т. 10, стр. 392.

¹³ Георги Димитров. Соч., т. 11, стр. 273.

¹⁴ Георги Димитров. Речи, доклады, статьи, т. 3, 1947, стр. 19.

с СССР. По инициативе и под руководством коммунистической партии в сентябре 1934 г. в Софии был создан «Союз друзей СССР». Примеру Софии последовал ряд других городов и сел страны. Общества болгаро-советской дружбы возникли в 1939—1940 гг. в городах Видине, Сливене, Позарджике, Враце и др. Они пропагандировали достижения социалистического строительства в СССР, призывали болгарских патриотов поддерживать и укреплять братскую дружбу с народами Советского Союза.

В 1940 г. болгарские коммунисты возглавили движение трудящихся в поддержку предложения СССР о заключении пакта о дружбе и взаимной помощи. В таком договоре они видели прочные и единственно возможные в тех условиях гарантии мира и безопасности своей родины. 340 тыс. болгарских граждан поставили свои подписи под обращением к Народному собранию и правительству с требованием о заключении договора дружбы с Советским Союзом.¹⁵ И хотя правящая клика Болгарии отклонила предложение Советского правительства о заключении договора, сама борьба болгарских коммунистов способствовала разоблачению политики монархо-фашистского правительства.

Новым этапом развития болгаро-советской дружбы явились годы второй мировой войны, когда весть о гитлеровской агрессии против Советского Союза всколыхнула широкие массы болгарского населения. Это послужило как бы сигналом к вооруженному выступлению многих болгарских патриотов против немецких оккупантов. В первый же день вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз ЦК БКП принял обращение, в котором призывал болгарский народ рассматривать борьбу Советского Союза против немецких захватчиков как свою собственную, как борьбу против общего врага. Летом 1942 г. по инициативе БКП был создан Отечественный фронт, под знаменем которого сплотился весь свободолюбивый болгарский народ. По всей стране стали активно действовать боевые группы и партизанские отряды. В вооруженной борьбе участвовало более 250 тыс. бойцов и их помощников (ятаки). Партизаны уничтожали воинские эшелоны, склады с оружием и боеприпасами, громили штабы гитлеровских оккупантов, нападали на немецкие гарнизоны, сурово карали гитлеровских прислужников.

С чувством большого восторга встретили болгарские трудящиеся известие о приближении Советской Армии к границам Болгарии. 6 сентября 1944 г. Главный штаб повстанческой армии опубликовал воззвание к советским воинам, в котором говорилось: «Мы ждем вас, братья красноармейцы! В своих сердцах мы горячо приветствуем ваши победы. Костями тысяч наших товарищей и нашей кровью мы выразили свое братство... Мы с радостью и удовлетворением ожидаем и приветствуем вас — добро пожаловать к нашим границам». Под мощным ударом объединенных в Отечественный фронт народных масс, при решающей помощи Советской Армии 9 сентября 1944 г. в Болгарии была свергнута ненавистная монархо-фашистская диктатура и установлена власть трудящихся города и деревни. Перед трудящимися Болгарии открылась новая эра — эра революционных социально-политических, экономических и культурных преобразований, эра социализма.

Началась организованная совместная борьба болгарского и советского народов против общего врага — гитлеровской Германии, которая еще больше скрепила узы братской дружбы.

¹⁵ «10 години «Отечествен фронт, 1942—1952». София, 1953, стр. 10.

* * *

После победы 9 сентября 1944 г. и установления народно-демократической власти, основой нерушимой дружбы и братства наших народов стала марксистско-ленинская идеология. Нынешнее болгаро-советское единство обусловлено общностью жизненных интересов и целей наших народов. Это дружба основывается на новых, коммунистических отношениях между братскими социалистическими странами. Она достигла подлинного расцвета и превратилась в могущественную движущую силу общественно-го и экономического развития. «Болгаро-советская дружба,— говорил Тодор Живков,— чиста как слеза, как воды горного озера и вечна как вечны горы Болгарии. Она в сердце и уме, во всем существе болгарского народа. Она является решающей, движущей силой Народной Республики Болгарии, идущей по пути социализма и коммунизма»¹⁶. Братская дружба советского и болгарского народа проявляется в политических, экономических и культурных отношениях между нашими народами и странами, в бескорыстной взаимной помощи и взаимосвязях, способствующих совместно-му продвижению вперед.

С первых дней возникновения народной власти в Болгарии СССР, несмотря на огромный ущерб, вызванный разрушениями в годы второй мировой войны, начал оказывать активную помощь братскому болгарскому народу. На выгодных условиях СССР предоставил Болгарии долгосрочные кредиты в виде поставок продовольственных и сырьевых товаров, машин и оборудования, различной сельскохозяйственной техники. В Болгарии с помощью СССР были построены заводы, фабрики и электростанции.

Исторически сложившаяся дружба двух братских народов была скреплена подписанием 18 марта 1948 г. в Москве Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ, который был встречен с искренней радостью и большим восторгом всем болгарским народом.

За период с 1947 по 1961 г. Болгария получила от СССР долгосрочные кредиты на общую сумму более 1,2 млрд. руб.¹⁷ в новом масштабе цен. Эти кредиты сыграли важную роль в индустриализации страны и социалистической перестройке сельского хозяйства, в создании материально-технической базы социализма в Болгарии. За годы народной власти в Болгарии с помощью Советского Союза было построено или еще строится 105 крупных объектов (из них 73 объекта уже вступили в строй)¹⁸. В настоящее время по советским проектам и на основе советского оборудования в Болгарии строятся такие крупные промышленные предприятия, как Кремиковский металлургический комбинат, который при вводе в эксплуатацию его первой очереди будет давать один миллион тонн проката в год, теплоэлектроцентраль «Марица-Восток» с производством электроэнергии 500 тыс. квт в год и другие гидроэлектроцентраль с общей мощностью 1 100 тыс. квт в год, завод азотных удобрений в Старой Загоре мощностью в 440 тыс. т удобрений в год, нефтеперерабатывающий завод в Бургасе, рассчитанный на переработку 2 млн. т нефти в год и т. д. Общая стоимость объектов, которые ныне строятся с помощью Советского Союза, составляет около 1,8 млрд. левов¹⁹ (в новом масштабе цен).

Кроме материальной помощи, БКП использует огромный опыт СССР в строительстве социализма. «Наша партия,— заявил на ноябрьском Пленуме ЦК БКП 1961 г. Т. Живков,— всегда считала и считает своей жизненной и самой насущной потребностью шагать в ногу с великой Коммунистической партией Советского Союза — передовым отрядом международно-

¹⁶ «Отечествен фронт», 12 мая 1962 г.

¹⁷ «Работническо дело», 15 сентября 1962 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

го движения, учиться ее мировому историческому опыту, следовать по ее пути. В этом наша партия видела и видит главное условие, залог победы коммунизма в Народной Республике Болгарии»²⁰.

Использование опыта социалистического строительства в СССР осуществляется путем посещения нашей страны болгарскими делегациями рабочих, инженерно-технических работников, ученых, деятелей культуры. С этой же целью организуются и проводятся совместные промышленные и другие выставки. Советские специалисты помогают своим болгарским друзьям в строительстве современных заводов, фабрик и электростанций. Многочисленные делегации крестьян-кооператоров используют опыт колхозного и совхозного строительства в СССР.

Неоценимую помощь братскому болгарскому народу оказывает Советский Союз в подготовке кадров квалифицированных специалистов. За время с 1944 по 1961 г. в Болгарию побывало 3300 советских специалистов, которые помогали в освоении новейшей техники. За это же время в СССР прошли производственно-техническое обучение по различным специальностям 4500 болгарских рабочих и инженерно-технических работников.

Советский Союз разрабатывает и отправляет в Болгарию различные технические проекты промышленных предприятий и сооружений. С 1951 по 1962 г. СССР передал Болгарию в безвозмездное пользование 3015 комплектов технической документации по различным вопросам промышленности, строительства, сельского хозяйства²¹.

Помощь советского народа не является односторонним актом. Братский народ со своей стороны также оказывает помощь Советскому Союзу в успешном строительстве коммунизма. Болгарские специалисты по различным отраслям народного хозяйства, науки и техники часто посещают Советский Союз и знакомят наших рабочих, колхозников, ученых, инженеров и техников со своим опытом. Большой интерес для советских людей представляют достижения болгарских специалистов в области пищевой и консервной промышленности, выращивании технических и овощных культур, в некоторых вопросах жилищного строительства, медицины. По ряду областей науки и техники Болгария передает Советскому Союзу свою техническую документацию, обменивается научной информацией. Так, за время с 1950 по 1962 г. Болгария передала Советскому Союзу 212 комплектов технической документации²². В Болгарию выезжают наши колхозники, которые обмениваются передовым опытом с членами трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ), заимствуют у них передовые методы в сельскохозяйственном производстве.

Между нашими народами и странами установилось самое тесное сотрудничество в области развития гуманитарных наук, литературы, кино и искусства. Эти связи находят свое проявление во взаимных поездках научных работников, писателей и артистов, в совместном производстве кинофильмов и выпуске различной политической и художественной литературы, обмене многочисленными культурными делегациями.

В Болгарии ежегодно проводятся месячники болгаро-советской дружбы, на празднование которых выезжают советские делегации. Во время этих торжеств устанавливаются личные связи и контакты, демонстрируются советские и болгарские фильмы, проводятся совместные концерты, организуются лекции, доклады об успехах строительства социализма и коммунизма в наших странах. Эти взаимные связи еще больше сближают наши народы, укрепляют их дружбу.

²⁰ «Работническо дело», 2 декабря 1961 г.

²¹ «Работническо дело», 23 декабря 1962 г.

²² Там же.

С целью обмена опытом в области партийного руководства и государственного строительства практикуется взаимный обмен делегациями партийных и советских работников.

За последние годы распространилась новая форма братского сотрудничества — установление непосредственных связей между отдельными округами Болгарии и областями, республиками Советского Союза. Установление таких дружественных связей позволяет полнее использовать личные контакты, шире обмениваться опытом работы отдельных предприятий, колхозов, научно-исследовательских организаций и учреждений. В настоящее время 11 округов Болгарии (из 30) установили прямые контакты с 11 областями Советского Союза.

Между СССР и Болгарией существуют самые тесные торговые связи. Болгария поставляет в нашу страну большое количество овощей, фруктов, продуктов животноводства, а также различную технику для сельского хозяйства и промышленности. Более 50% экспорта и импорта Болгарии из общего ее внешнеторгового баланса падает на долю Советского Союза²³.

Болгаро-советская дружба находит свое выражение в общей борьбе наших народов против опасности новой мировой войны. Народы обеих стран вместе со всем прогрессивным человечеством мира выступают против гонки вооружения, за запрещение атомного и водородного оружия. Они вместе борются за освобождение колониальных и угнетенных народов, за мир, демократию и социализм. Общность целей и задач наших народов обеспечивают им полное взаимопонимание по всем вопросам внутренней и внешней политики. «Нам приятно отметить, — заявил Н. С. Хрущев, — что между нашими партиями и правительствами по всем вопросам всегда существовало и существует полное взаимопонимание и единство взглядов... Отношения между нашими народами и партиями были и есть и навсегда останутся самыми лучшими, подлинно братскими»²⁴.

Исторически сложившаяся дружба двух братских народов, скрепленная кровью их лучших сынов и дочерей, сегодня крепка, как никогда, она прочна и незыблема. В мире нет такой силы, которая могла бы поколебать или разрушить эту дружбу. Ярким примером нерушимости болгаро-советской дружбы явилось посещение Болгарии советской партийно-правительственной делегацией во главе с Н. С. Хрущевым в мае 1962 г. Прибытие в Болгарию советских посланцев вылилось во всенародный праздник болгарских трудящихся. Всюду, где находилась советская делегация, она встречала самые горячие, самые радужные и искренние чувства братского народа.

На дорогах и площадях, в парках и скверах, в производственных кооперативах и на предприятиях — всюду царил огромное оживление, раздавались полные искренности и счастья возгласы «Вечна дружба!», «Дружба — мир — коммунизм!».

«Трудно найти слова, — говорил Н. С. Хрущев после этой поездки, — чтобы передать ту теплоту и любовь, которыми трудящиеся Болгарии и ее руководители окружили нашу делегацию в дни пребывания на прекрасной болгарской земле»²⁵.

Такая дружба возможна только в условиях социалистического строя, который открывает безграничные просторы для искреннего братства, взаимной бескорыстной помощи и поддержки.

Посещение Болгарии Советской партийно-правительственной делегацией явилось новой страницей в истории болгаро-советской дружбы, яркой

²³ «Работническо дело», 15 сентября 1962 г.

²⁴ «Известия», 14 мая 1962 г.

²⁵ «Правда», 26 мая 1962 г.

демонстрацией единства и сплоченности наших народов. Подписанная Совместная декларация выражает полное единство взглядов двух правительств и двух партий по всем рассмотренным политическим, экономическим и идеологическим вопросам, выражает глубокую уверенность народов СССР и Болгарии, что социалистические страны, которые становятся все более могущественными, выиграют мирное соревнование с капитализмом, что коммунизм является будущностью всего человечества.

Советские люди высоко ценят дружбу с братским болгарским народом. Можно с уверенностью сказать, что как в Болгарии нет ни одного «болгарина и болгарки, в чьем сердце не горела бы живительная искра болгаро-советской дружбы» (Т. Живков), так и в Советском Союзе нет ни одного человека, который не питал бы чувств сердечной дружбы и глубокого уважения к своим болгарским братьям. На митинге в Софии 19 мая 1962 г. Н. С. Хрущев заявил: «Мы, советские люди, очень дорожим дружбой с болгарским народом и Болгарской коммунистической партией. Можете быть уверены, дорогие товарищи, что в лице Советского Союза болгарский народ всегда будет иметь верного и надежного друга»²⁶.

Одним из решающих факторов социально-политического и экономического расцвета Болгарии является нерушимая дружба между нашими странами и народами. В недавнем прошлом капиталистическая Болгария была сырьевым придатком империалистических держав и ввозила все виды машин и технического оборудования. Сегодня социалистическая Болгария значительно опередила своих соседей — Грецию и Турцию, удовлетворяет основную часть своих потребностей в машинах и уже стала вывозить промышленную продукцию на внешний рынок. Эта продукция за годы народной власти увеличилась в общей сложности в 16 раз, а производство средств производства в 30 раз. Промышленность занимает ныне ведущее место в народном хозяйстве Болгарии. Из совокупного общественного продукта, произведенного в 1961 г., на долю промышленности приходится 60 %. Только за 21 день социалистическая промышленность страны производит столько продукции, сколько давала прежняя Болгария за весь 1939 год²⁷.

Быстро развивается легкая и пищевая промышленность. Производство средств потребления за годы народной власти увеличилось в девять раз²⁸. По уровню потребления на душу населения таких продуктов, как мясо, молоко, яйца Болгария перегнала Грецию, Турцию и Италию. Победа кооперативного строя превратила Болгарию в страну крупного механизированного социалистического земледелия. Сегодня 99 % обрабатываемой земельной площади²⁹ принадлежит крупным кооперативным хозяйствам. В сельском хозяйстве страны работают около 48 тыс. тракторов (в 15-кратном исчислении), 8 тыс. комбайнов, 12 тыс. грузовых автомашин и много другой сельскохозяйственной техники³⁰.

Наступившие глубокие экономические изменения привели к коренным переменам в классовой структуре общества. Господствующим классом, руководящей силой в системе народно-демократического строя стал рабочий класс. Его союзником является класс крестьян-кооператоров. Нерушимый союз между этими двумя дружескими классами является непоколебимой основой народно-демократического строя в Болгарии. Кровно связана с делом социализма и народная интеллигенция. Дальнейшие успехи во всех областях экономики и культуры еще более укрепят союз и единство рабочего класса, крестьян-кооператоров и народной интеллигенции.

²⁶ «Известия», 20 мая 1962 г.

²⁷ «Работническо дело», 6 ноября 1962 г.

²⁸ Там же.

²⁹ «Работническо дело», 13 мая 1962 г.

³⁰ Там же.

Руководящим принципом политики БКП является непрерывное повышение материального благосостояния трудящихся. Эта политика достаточно отчетливо проявляется и чувствуется в жизни и быте каждого болгарского гражданина. Почти 80 % национального дохода, который за годы народной власти возрос почти в 2,8 раза, ежегодно расходуется на народное потребление³¹. Среднегодовая номинальная заработная плата рабочих и служащих к 1960 г. возросла против 1952 г. более чем на 30 %, а реальная заработная плата за это время увеличилась на 81 %. В 1960 г. партия и правительство провели ряд новых мероприятий по повышению уровня жизни трудящихся. Минимальная заработная плата рабочих и служащих была повышена с 400 левов до 500 левов (в старом масштабе цен) в месяц или на 25 %³². За последние годы значительно возросли реальные доходы крестьян-кооператоров, повысилась их материальная заинтересованность. Выдача на трудодень в целом по стране составляет 17 левов. Члены кооперативов многих ТКЗХ получают на трудодень по 25 левов (в старом масштабе цен). Сегодня болгарская деревня переживает бурный процесс строительства общественных зданий и жилищ. Каждая третья крестьянская семья уже вселилась в новый дом.

В результате осуществления культурной революции Болгария превратилась в страну сплошной грамотности. По данным ООН, Болгария стоит на одном из первых мест в мире по количеству специалистов со средним и высшим образованием. Советские люди радуются успехам братского болгарского народа, видят в этих успехах реальные результаты животворной дружбы народов, объединенных в едином социалистическом лагере.

Сегодня братский болгарский народ переживает огромный трудовой и политический подъем. По всей стране развернулось социалистическое соревнование за претворение в жизнь решений и мероприятий VIII съезда БКП, на котором был принят перспективный план развития страны до 1980 г., намечена грандиозная программа завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму. Для осуществления этой задачи предусматривается увеличение общественного продукта к 1970 г. в 2,4 раза и к 1980 г. — не менее чем в 5 раз по сравнению с 1960 г., а национального дохода — соответственно в 2,3 раза и почти в 5 раз. Поставлена задача увеличить объем промышленной продукции в 1970 г. почти в 3 раза и к 1980 г. — почти в 7 раз по сравнению с 1960 г. Производство средств производства в 1980 г. предполагается увеличить в 9—9,5 раза по сравнению с 1960 г., а производство предметов потребления — более чем в 5 раз.

Сельское хозяйство должно увеличить свое производство к 1980 г. почти в 2,5 раза по сравнению с 1960 г. На полях Болгарии в 1980 г. будет работать около 180 тыс. тракторов (в переводе на пятнадцатисильные)³³. Программа предусматривает значительное повышение материального и культурного уровня народа.

Великая цель болгарского народа будет несомненно достигнута. Гарантацией осуществления этой цели является сам болгарский народ, который проявляет исключительный трудовой героизм в деле скорейшего достижения своей заветной мечты — построения коммунистического общества. Гарантацией претворения в жизнь такого плана является и то, что Болгария в этой исторической битве за коммунизм выступает в самой тесной и нерушимой дружбе и братском сотрудничестве с Советским Союзом и всеми странами социализма.

³¹ «Статистический ежегодник на НРБ». София, 1959, стр. 68—69; Ат. Димитров и Павел Писарев. Цифры и факты. София, 1962, стр. 13.

³² «Работническо дело», 30 декабря 1961 г.

³³ Там же, 16 сентября 1962 г.

С. А. Никитин

ВОСТОЧНЫЙ КРИЗИС 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА В НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В ряде событий, который начинается с Восточного кризиса 1875 г. и завершается освобождением Болгарии, освобождение болгарского народа является едва ли не наиболее крупным событием европейской истории второй половины XIX в. В самом деле, какую большую территорию охватило национально-освободительное движение подвластных Турции народов! Вся Европейская Турция находилась в борьбе и брожении. Все крупнейшие европейские державы были в той или иной степени вовлечены в дипломатическую схватку. И, наконец, какие крупные для того времени военные силы были двинуты в дело, прежде чем вооруженное столкновение, упорное единоборство, завершилось русской победой. А какие глубокие и значительные последствия — освобождение Болгарии, признание независимости Сербии, Черногории, Румынии, ликвидация турецкого владычества в Боснии и Герцеговине! Русско-турецкая война по существу завершилась распадом или разделом старой Турции. Недаром Ленин определял суть всех событий на Балканском полуострове словами «делают Турцию».

Так что, если даже говорить только о международном значении событий, то и оно чрезвычайно велико. А если же учесть то обстоятельство, что Болгарии война принесла и национальное освобождение и оказала чрезвычайно важное влияние на внутреннее ее развитие, то размеры тех великих изменений, о каких идет речь, предстанут в неизмеримо большем величии.

Ведь в ходе русско-турецкой войны произошло не только освобождение Болгарии из-под турецкого ига, но было воссоздано болгарское государство, а главное, что дало ему базу для последующего развития, — в Болгарии было покончено с турецким феодальным землевладением, она превратилась в страну преимущественно крестьянского землевладения. Это в свою очередь дало мощный толчок развитию в ней капиталистических отношений. И как быстро пошло развитие в этом направлении! В 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мир, а в 1891 г. на Бузлуджанском конгрессе была основана болгарская социал-демократическая партия. Пусть она на первых порах, как отмечал Д. Благоев, была «чисто интеллигентской»¹, создание ее свидетельствовало о тех процессах перестройки общественного уклада страны, которые повели вскоре и к появлению великой революционной силы — пролетариата.

Историк должен говорить о фактах. Но иногда и ему, чтобы понять значение события, оценить перспективу, полезно для сравнения подумать и о возможных вариантах развития событий. Легко понять, что Болгария,

¹ Д. Благоев. Принос към историята на социализма в България, стр. 149.

растоптанная турецкими ордами в апреле 1876 г., вероятно, боролась бы еще не одно десятилетие — подобно тому, как боролось население смежных с Болгарией территорий за свое освобождение, если бы Россия не начала войну, если бы она не принесла в жертву на болгарской земле сотни тысяч своих сыновей, и их кровь, их жизнью не добыла свободы болгарскому народу.

Нельзя забывать и о той важной роли, какую в судьбах страны, в судьбах нового государства сыграло русское гражданское управление, которое вместе с представителями самого болгарского народа заложило фундамент государственного бытия Болгарии.

Не могу не отметить еще один момент. Мы обычно говорим, что, несмотря на субъективные цели, которые преследовало царское правительство, объективно оно вело освободительную войну, войну прогрессивную, так как результатом войны была ликвидация национального угнетения и слом задерживавших экономическое развитие Болгарии феодальных отношений. Эта формула правильная. Но и понимать ее нужно правильно в отношении тех целей, какие преследовала Россия.

Русская политика на Ближнем Востоке всегда исходила из предвидения близкого распада Турции. Но руководители внешней политики России были реально мыслящими людьми, они умели видеть действительное соотношение сил, они не забыли уроков Крымской кампании и считались с возможностью возникновения новой европейской коалиции. Поэтому в период русско-турецкой войны русское правительство не помышляло ни о каких территориальных приобретениях на Балканском полуострове.

С точки зрения руководства русской внешней политики оптимальным вариантом исхода войны было высвобождение из-под турецкого владычества максимальной территории, образование большого славянского, т. е. болгарского государства. И хотя такое стремление связано с дальнейшими расчетами и предполагавшейся перспективой развития событий, такой вариант в наибольшей степени соответствовал освободительным стремлениям болгарского народа. Но известно, что планы русского правительства не осуществились полностью в силу противодействия западных держав, все еще пытавшихся по разным мотивам поддерживать разлагающуюся Турецкую империю и сдерживать освободительные стремления подвластных ей народов.

Хотя событиям периода 1875—1879 гг. посвящено очень много исследований, многое до сих пор не рассмотрено, по ряду вопросов существуют ошибочные старые точки зрения или неверные новые. Приведу несколько примеров из литературы последнего времени.

В книге известного итальянского историка и философа, являющегося одним из вождей современной буржуазной исторической мысли — Бенедетто Кроче, в его «Истории Европы в XIX в.», которая получила на западе чрезвычайно широкое распространение и популяризируется ЮНЕСКО, о рассматриваемых событиях говорится так: «Европейский концерт» не оказался на высоте цивилизаторской миссии в Европе... и он показал себя бес-
 сильным в отношении Турции, несмотря на негодование, возбужденное в 1876 г. во всей Европе зверствами в Болгарии...»² Бросив эту фразу, автор более не возвращается к вопросу, и читатель этой книги так и не узнает, что то, что не сделал «европейский концерт», сделала Россия. Там нет ни слова об освобождении Болгарии.

² Benedetto Croce. Histoire de l'Europe au dix-neuvième siècle. Paris, 1959 стр. 323.

В пользующейся широкой известностью Кембриджской истории нового времени³ интересующие нас события показаны в традиционном аспекте буржуазной историографии. О болгарях, босняках упоминается вскользь в связи с восстаниями, но и об этих восстаниях говорится с ошибками. Так апрельское восстание отнесено к июню (стр. 545). В дальнейшем о южных славянах не упоминается, и все внимание посвящено дипломатической борьбе великих держав. Такой подход является проявлением пренебрежения к малым народам и их истории. Подобная трактовка встречается и в других более специальных работах. В огромной по размеру книге (почти 1000 стр.) американского профессора греческого происхождения Ставрианоса «Балканы после 1453 г.» проведена та же точка зрения, что и в «Кембриджской истории». Более трех страниц посвящено бесплодной Константинопольской конференции 1876 г., русско-турецкой войне уделено две, а Сан-Стефанскому договору меньше полутора страниц. В книге нет ни слова о героизме русских войск, о борьбе самого болгарского народа за освобождение во время войны, о воссоздании болгарского государства⁴.

Не буду множить число таких примеров, достаточно и приведенных, чтобы видеть, что события 1875—1878 гг. интересуют западных авторов преимущественно с позиции показа роли западных держав. Действительное же развитие событий привлекает их внимание значительно меньше. Вот почему та работа, которую Институт славяноведения ведет совместно с Институтом истории БАН по изданию материалов «Освобождение Болгарии от турецкого ига», приобретает особо важное значение.

Необходимо напомнить и о том, что делалось вопреки желаниям «концерта держав», стремившегося и на Константинопольской конференции и на Берлинском конгрессе ограничить государственную территорию Болгарии, сузить ее государственные права. Значение указанной совместной работы не только в том, что она исправляет промахи и искажения старой буржуазной историографии, но и противопоставляет также правильную точку зрения современным искажениям и замалчиваниям.

Надо сказать, что публикуемые документы вносят не мало нового в понимание развития событий, исправляют ошибочные представления и в среде историков-марксистов. Уже удалось рассеять державшееся у части историков мнение, будто в период, предшествующий войне, можно говорить отдельно об освободительной борьбе в Сербии, Боснии, Болгарии и др., что не было реальных связей, воздействия одного движения на другое. Документы показали роль русской и болгарской общественности в событиях и до войны и во время ее. Публикуемые материалы дают картину освободительной борьбы болгарского народа не только в апреле 1876 г., но и в процессе русско-турецкой войны, они показывают разные формы, в каких проявлялась деятельность болгарского народа, боровшегося бок о бок с русской армией не только в составе болгарского ополчения, но и в других формированиях. Публикация по-новому рисует картину складывания государственности на освобожденной земле — показывает не только усилия русского гражданского управления, но и деятельность созданных болгарским населением новых выборных органов.

Эти и другие вопросы, которые будут еще освещены в публикации, разрешены там в своих основных чертах. Не все детали отображены, не все документы включены в издание. Задача историков поэтому заключается не только в издании документов, но и в исследовательской разработке тех вопросов, которые отображаются документами.

³ «The new Cambridge modern history», v. XI. Cambridge, 1962.

⁴ L. S. Stavrianos. The Balkans since 1453. N. Y., 1961, стр. 403—412.

А. А. Улунян

ПОМОЩЬ БОЛГАРСКОГО НАРОДА РУССКОЙ АРМИИ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877—1878 гг.

Накануне русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в странах Балканского полуострова, в том числе и в Болгарии, усилилась национально-освободительная борьба.

Варварское подавление турецким правительством Сентябрьского восстания 1875 г. и Апрельского — 1876 г. вызвали массовые протесты русского народа, а также передовых людей Запада. Русские активно помогали подпольному населению. Но и болгарский народ, невзирая на тяжелые потери, понесенные в неудавшихся восстаниях, не сложил оружия. Когда в июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции, добровольцы, среди которых были и участники восстаний, начали стекаться в Сербию. Известные воеводы, в числе которых были П. Хитов, Ф. Тотю, Х. Македонский и другие, спешно формировали четы. Здесь была организована Русско-болгарская бригада. Добровольцы, входящие в нее, впоследствии составили ядро болгарского ополчения — первой регулярной части новой болгарской армии.

Однако в сербско-турецкой войне превосходство турок было явное, и, лишь благодаря вмешательству России осенью 1876 г. Сербия была спасена от полного разгрома и оккупации.

Все попытки России урегулировать мирным путем напряженную обстановку на Балканах встречали противодействие со стороны турецкого правительства. 12 апреля 1877 г. Россия вынуждена была объявить Турции войну.

Учитывая сложившуюся обстановку накануне войны и стремление болгар непосредственно участвовать в военных действиях, русское правительство решило создать болгарское ополчение.

По первоначальным планам царского правительства болгарскому ополчению предназначалась вспомогательная роль в тылу действующей армии. Правительство учитывало отсутствие у болгар привычки к регулярной военной службе, но в то же время опасалось, что национально-освободительное движение болгар может принять нежелательный царизму резкий национальный и социальный характер. Это высказал в своих записках бывший начальник штаба болгарского ополчения подполковник Е. Е. Рынкевич. «Мысль о сформировании ополчения, — писал он, — имела двоякую цель: во-первых, *направить деятельность тех болгар (курсив наш. — А. У.),* которые возьмутся за оружие с намерением принять участие в борьбе с мусульманами, и тем *регулировать народное восстание (курсив наш. — А. У.),* согласно законам и обычаям войны, и, во-вторых, создать боевой кадр для будущего войска болгарского государства»¹.

¹ Е. Е. Рынкевич. Записки о болгарском ополчении. — «Военный сборник», 1902, № 4, стр. 57.

Не будем здесь подробно останавливаться на вопросах создания болгарского ополчения и его роли в военных действиях,² хотя это бесспорно является одной из ярких страниц русско-болгарского боевого содружества и относится к одному из видов помощи болгар русской армии. В то же время это свидетельствует и о стремлении болгарского народа принять непосредственное участие в освобождении своей родины.

С каким нетерпением и желанием болгары ждали своих освободителей, можно судить по воспоминаниям полковника П. Д. Паренсова. «Болгары, до нельзя интересовавшиеся будущим, — писал он за несколько месяцев до начала войны, — часто спрашивали, сколько у нас в Бессарабии войск и неужели только 120 тысяч, как говорят газеты. При этом всегда просили передать (как будто я мог что-нибудь сделать!), чтобы увеличили число войск, прибавляя, что «корму всякого дадим и достанем, а особенно перейдя Дунай: будете как дома»³. Действительно, в дальнейшем, по мере продвижения в глубь страны, русские войска чувствовали внимание и заботу болгарского народа, который оказывал разностороннюю посильную помощь освободительной армии.

Вопросу об оказании экономической помощи болгарским населением и роли болгар в русской разведке в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. посвящены статьи болгарских историков В. Хаджиниколова и Г. Тодорова⁴. Но они в основном написаны на основании мемуарной литературы и «Сборника материалов по истории русско-турецкой войны».

В наших советских архивах обнаружены новые документы, освещающие эти вопросы. Неопубликованные архивные материалы помогут исследователям более точно и полно представить масштабы и характер помощи; они дают возможность проследить, с какой самоотверженностью и любовью болгарский народ стремился сделать все, что могло оказаться полезным и нужным русской армии для успешного наступления.

Перед тем как перейти непосредственно к материалам, показывающим деятельность болгарских патриотов, в частности в области информации русского командования об обстановке на территории, занятой турецкими войсками, мы должны отметить видную роль полковников Генерального штаба П. Д. Паренсова, впоследствии первого болгарского военного министра в 1879—1880 гг.; и Н. Д. Артамонова. Эти высокообразованные русские офицеры, обладавшие организаторскими способностями, с широким военным кругозором, инициативные и не лишенные смелости, вложили много сил и энергии в дело организации русской разведки на Балканском театре военных действий.

Чтобы со всей ясностью представить, с какими трудностями приходилось встречаться Паренсову и Артамонову в добывании сведений о вражеской армии, необходимо иметь в виду слабую деятельность в этой области главного командования действующей армии накануне войны. Когда

² См. И. С. Иванов. Болгарское ополчение и его формирование в 1875—1879 гг. Заметки и воспоминания. СПб., 1889; В. Д. Конобеев. Русско-болгарское боевое содружество в войне 1877—1878 гг. — «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 42—64; П. К. Фортунатов. Боевой русско-болгарский союз в войне 1877—1878 гг. Сб. статей «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953, стр. 47—70; Ат. Бендерев. История на Българското опълчение и освобождението на България 1877—1878 г. София, 1930; С. Кисов. Българското опълчение в Освободителната Руско-турска война 1877—1878. Действието на 3-я дружина от Българското опълчение. Вспомогателство на подпоручика от същата дружина. София, 1897.

³ П. Д. Паренсов. Из прошлого, ч. I, СПб., 1901, стр. 23.

⁴ В. Хаджиниколов. Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през Руско-турската война от 1877—1878 г. — Сб. «Освобождението на България от турско иго». София, 1953, стр. 256—307; Г. Тодоров. Ролята на българите в руското разузнаване през освободителната руско-турска война 1877—1878 г. — «Известия на Институт за история», т. 9. София, 1960, стр. 3—56.

войска начали прибывать в Румынию, начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии в беседе с Паренсовым выразил недовольство работой штаба действующей армии и, в частности, заметил «что следовало бы раздать войскам картинки, изображающие румынские и турецкие войска, а то могут произойти недоразумения и наши войска, чего доброго, примут союзников за врагов».

«Это замечание было вполне справедливо, — писал Паренсов, — но оно меня чрезвычайно удивило, так как я давным-давно послал в Кишинев рисунки румынских и турецких войск, с предложением напечатать их красками и раздать нашим войскам. Очевидно, что и это где-то пропало. Впоследствии я навел справки, — вспоминает Паренсов, — и узнал, что рисунки были получены в Кишиневе еще зимой, во время болезни великого князя и что тогда, не предполагая, что война будет, Левицкий не нашел нужным распространить их в войсках, а решил сделать из них альбом для поднесения великому князю по его выздоровлении»⁵.

В своих донесениях штабу действующей армии Паренсов еще до начала войны отмечал скудость выделенных ему для работы средств и просил увеличить субсидии. Русский консул в Рущуке Кожевников жаловался Паренсову, что его пакеты (т. е. донесения) целыми неделями лежат в Бухаресте. Паренсов подтверждает, «что пакеты действительно лежали долго, но в Бухарест не был виноват: не было ни курьеров, ни денег для их найма и вся корреспонденция ожидала „оказии“»⁶.

О «постоянной агентуре с аккуратным периодическим получением сведений нечего было думать, — писал Паренсов, — приходилось ограничиваться посылкой в разные места отдельных лиц и вести дело хотя и добросовестно, но строго говоря — неудовлетворительно»⁷.

Паренсов прибыл в Бухарест для налаживания связей с болгарами, находившимися в Румынии еще в декабре 1876 г. При помощи Евлогия Георгиева Паренсову был представлен Г. Д. Начович, коммерческий агент Е. Георгиева в Вене. В дальнейшем Начович явился одним из активных помощников Паренсова, а впоследствии Артамонова. О полезной бескорыстной помощи Начовича мы можем судить по словам Паренсова, который писал: «...что за все время служения мне и нашей армии в деле собирания сведений Начович ни одного разу не только не взял денег, в смысле награды за труды, но даже в частых разъездах своих брал только деньги, необходимые для уплаты железной дороги (так в тексте. — А. У.) или за экипаж. Таким образом, я могу сказать, что деятельность Начовича была в высшей степени полезна и вполне бескорыстна»⁸.

После объявления войны потребность в новых сведениях возросла, но было упущено время, которое нельзя было возместить ни за какие деньги. Вызвав к себе Паренсова, Левицкий выразил недовольство, «что за последнее время мало поступает сведений...»⁹ Паренсов пишет далее: «Левицкий до того расхотелся, что сказал мне: «Тратьте, какие хотите деньги, 20, 30 тысяч, но чтобы были сведения!» А когда я старался доказать, что теперь и деньгами ничего не сделать, Левицкий начал кричать: «Как нельзя! постройте по всему берегу Дуная, на высоких местах, вышки для наблюдения за правым берегом, и чтобы вам оттуда подавали сигналы!» Я с испугом и грустью посмотрел на эту бедную, совсем уже отуманенную голову. Отвечать не стоило»¹⁰.

⁵ П. Д. Паренсов. Указ. соч., стр. 236—237.

⁶ Там же, стр. 217.

⁷ Там же, стр. 114.

⁸ Там же, стр. 113—114.

⁹ Там же, стр. 250.

¹⁰ Там же, стр. 250.

В таких трудных условиях приходилось работать Паренсову и Артамонову. Однако благодаря энергии и находчивости им удалось сплотить вокруг себя болгарских патриотов и с их помощью снабжать армию нужной информацией. Уже во второй половине апреля 1877 г. Паренсов в рапорте Непокойчицкому сообщает об известном болгарском воеводе П. Хитове: «Получив достоверные сведения о пользе, которую может принести нашим войскам болгарин Панайот Хитов своим знанием проходов Балкан и удостоверившись об его хорошем поведении, я решился выписать Хитова из Белграда: он находится в настоящее время здесь вместе с двумя другими болгарами — Начовичем и Черковским, которые в течение всей зимы были главными моими агентами и по своим знаниям, образованию, бескорыстию и усердию вполне заслуживают нашего внимания»¹¹.

Подготовка к форсированию Дуная требовала уточнения численности и расположения турецких сил вдоль правого берега. Это ответственное задание было выполнено с помощью болгар¹²⁻¹³. К моменту переправы русское командование располагало сравнительно точными данными; тогда появилась новая спешная задача: собрать проводников, хорошо знающих окрестности Никополя, Систова, Плевны, Тырново. В своем письме Паренсову от 26 мая 1877 г. Артамонов сообщал, что вопрос о переправе решен и просил направлять людей к нему в Плоешти «для получения от них необходимых сведений»¹⁴. В этом же письме говорилось, что Начович, Черковский и Панайот Хитов будут находиться в Главной квартире и окажут содействие и помощь в подборе проводников.

Русские войска успешно форсировали Дунай в ночь с 14 на 15 июня 1877 г. Огромная армия в четверть миллиона человек имела незначительные потери (800 человек)¹⁵. Болгары и здесь внесли свою лепту помощи. В первой партии понтонов, на которых переправлялись войска, имелось несколько болгарских лодманов, хорошо знавших подходы к правому берегу¹⁶.

Заняв плацдарм, русская армия начала продвижение вперед. В болгарских селениях войска радушно встречались местными жителями: «Женщины выходили с цветами, а мужчины выражали свое сочувствие низкими поклонами. На всех перекрестках развевались русские национальные флаги...»¹⁷. Радостно встречавшее русские войска болгарское население начинало активно содействовать русской армии. Одним из предметов забот русского командования было обеспечение воинских частей проводниками и переводчиками. В мае 1877 г. Непокойчицкий извещал командира 4-й кавалерийской дивизии о приказе главнокомандующего иметь при войсках людей, знающих местные языки. Было утверждено специальное положение относительно оплаты и приема на службу переводчиков и проводников. Кандидатуры на эти должности должны были представлять Паренсов или штаб-офицер над вожатыми полковник Артамонов¹⁸. Проводники оказывали существенную помощь войскам. Так, командир 7-го драгунского полка сообщал, что благодаря опытному болгарину Николаю эскадрону удалось разгромить скопище башибузуков в количестве 250

¹¹ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. Военно-ученого архива (в дальнейшем — ЦГВИА, ф. ВУА), д. 8269, л. 101.

¹²⁻¹³ См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7425, л. 12—13; д. 8305, лл. 115—116.

¹⁴ Там же, д. 8269, л. 128.

¹⁵ Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, стр. 126.

¹⁶ См. Г. Тодоров. Указ, соч., стр. 17.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7105, л. 165 об.

¹⁸ Там же, д. 7130, лл. 30—31 об.

человек¹⁹. Капитан Скарковский из 36-го пехотного Орловского полка писал: «Только одному болгарину отряд был обязан назначением прекращенных проводников, а 5-го и 11-го июля тем, что был сыт и не терпел жажды. Болгарин этот распорядился таким образом, что отряду постоянно в изобилии доставлялись хлеб, баранина и вино, также вода, которую здесь добывать очень трудно. За чем бы не обратились к нему, все исполнялось с охотою и немедленно»²⁰.

Передовой отряд генерала Гурко начал продвигаться на юг страны с целью освобождения Тырново и занятия проходов в Балканах. В донесении одного из командиров подразделений, от 15-го июля 1877 г. генералу Гурко приводятся сведения, доставленные болгарским населением о передвижениях вражеских частей. Выдав себя за башибузуков, болгары вступили в разговоры с турецкими солдатами и от них узнали о переброске войск из Черногории под командой Сулеймана-паши. «Турки говорили, что их около 40 тыс., но по расчетам болгар их тысяч 20, которые стоят теперь у Карабунара, где укрепляются. Кроме этих 20 тысяч у Тырново-Сеймели стоят 6 тыс. человек хороших войск, где производятся постоянные учения... Орудий в обоих лагерях 10 малого калибра (вероятно, горные)»²¹.

Информация командиров воинских частей болгарским населением принимала массовый характер. Из разных пунктов поступали новые сведения о положении и передислокациях турецких войск. Болгарин Иван Илиев сообщает полковнику Артамонову, что между «Разградом и Шумлою 13 августа собралось много войск, чтобы отразить наступление русских, шедших от Аяслыра; при этом турки высказывали опасение, что будет беда, если русские займут шоссе и железную дорогу между Разградом и Шумлою... В Разграде было много черкесов, часть которых пошла к Шумле, а часть в Рушук»²².

В сообщении от 18 августа об обстановке в Рушук болгарин Трифон Илиев упоминает саперные работы турок, которые из «Левент-Табии и из укреплений около Куле ведут подземные галереи и закладывают мины»²³, что касается войск, то их в Рушук около 10—12 тыс.²⁴ Интересно сообщение бежавших из Плевны болгар о моральном духе турецкой армии. Они передавали, что все старания Осман-паши ободрить войска и поднять их боевой дух не давали результатов. Настроение турок падало. Учащались случаи дезертирства: бывали дни, когда бежало до 50 человек²⁵.

Мы привели всего несколько из имеющихся в нашем распоряжении документов, показывающих активность болгарского населения в предоставлении русской армии сведений о противнике. Несомненно, что такого рода сообщения, поступавшие со всех уголков Болгарии помогали русской армии в ее боевых операциях.

Помощь болгарского народа своим освободителям выражалась и в организации партизанских отрядов (чет) и милиции. Еще до форсирования Дуная 4 июня 1877 г. полковник Паренсов в записке на имя Непокойчицкого отмечал необходимость вооружения болгарского населения освобождаемых областей и образования из жителей городской и сельской стражи, которая при помощи и руководстве русских инструкторов имела бы

¹⁹ Там же, д. 8358, лл. 191—192 об.

²⁰ Там же, д. 8021, л. 37 об.

²¹ ЦГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 102, л. 9—9 об.

²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7076, л. 19.

²³ Там же, л. 18.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, д. 8137, л. 72 об.

возможность защищать жителей от нападения башибузуков и охраняла бы запасы продовольствия и фуража для армии²⁶.

Большую роль в организации чет в период войны сыграл известный воевода П. Хитров. Соратник и сподвижник выдающихся болгарских революционеров Г. Раковского и В. Левского, П. Хитов пользовался славой храброго и опытного воеводы. Не один раз в прошлом приходилось П. Хитову водить гайдутские четы по Старой Планине. Походы чет под его руководством снискали ему широкую популярность среди болгарского народа.

В наших архивах обнаружены новые неопубликованные письма болгарского воеводы, относящиеся к периоду русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Письма, адресованные полковнику Артамонову, относятся к июлю 1877 г. Касаясь организации чет и желания болгар вооружиться, П. Хитов 17 июля пишет из г. Елены: «...Я имел разговор с жителями Елены и Беброва насчет, сформирования чет: они изъявили желание образовать четы, только просят, чтобы дали и оружие и патроны... Они желают подать прошение великому князю, чтобы получить его одобрение... И я придерживаюсь того же мнения, дать оружие, потому что турки могут легко напасть на них и этим принудят наши войска отступить, а затем приступят к поголовному истреблению населения»²⁷.

Как горячо было желание болгар с оружием в руках бороться с врагом, мы видим в другом письме, которое П. Хитов буквально на следующий день 18 июля отправил по просьбе жителей г. Елены полковнику Артамонову. «Жители Елены просили меня отправить их в штаб, для чего и даю им настоящее письмо, чтобы явились к Вам и обсудили дело формирования чет»²⁸. Не проходит и трех дней, как П. Хитов в письме от 21 июля из Жумалина спрашивает: «...Я писал Вам из Елены о четах, если последовало разрешение, прошу Вас пришлите мне письмо сюда, чтобы составить четы. Я буду ожидать пока придут мои люди, которых отправил известить Вас»²⁹.

Разрешение на составление чет последовало, о чем мы узнаем из рапорта Артамонова Непокойчицкому. П. Хитов успел уже организовать несколько чет. «1) Чета из 55 человек под начальством Иордана Непцова, расположенная от Черешовдяла до д. Кринковцы; 2) под начальством Дойчо Койева — охраняет пространство от д. Мерян до д. Минковцы и состоит из 120 человек, и 3) из 100 человек под начальством другого Койева стережет тропинки от Мийковцы до Папратлива. Сам Папайот с 30 человеками деятельно занимается формированием новых чет; желающих много, но оружия нет»³⁰. В этом же рапорте Артамонов хвалит действия чет, подчеркивая их помощь русским войскам. «В казе Елены мало русских войск, и четы своим расположением прикрыли дороги из Котела, Сливно и Твардицы к сел. Беброва и Елена».

Но у реакционных царских чиновников вызывал беспокойство социальный состав чет и милиции, комплектовавшихся главным образом из неимущих слоев болгарского населения — крестьян и ремесленников. Известно письмо Черкасского Непокойчицкому от 21 августа 1877 г., в котором он рекомендовал ни в коем случае не набирать четы «из болгарских проходимцев в Румынии»³¹, имея в виду эмигрировавших

²⁶ См. там же, д. 7465, ч. 2, лл. 19—20.

²⁷ Там же, д. 7468, ч. 2, лл. 59—60.

²⁸ Там же, д. 7468, ч. 2, л. 61.

²⁹ Там же, д. 7468, ч. 2, л. 95 об.

³⁰ Там же, д. 7459, ч. 2, л. 318 об.

³¹ Там же, д. 7430, лл. 33—36.

в Румынию представителей болгарского национально-освободительного движения. Черкасский также сетовал на то, что четам разрешалось действовать впереди русских войск. Его интересовал, вызывавший серьезные его опасения вопрос о предводителях чет, их назначении и контроле за действиями со стороны русских военных властей. Однако военные власти лучше понимали положение. В ответе на письмо Черкасского Непокойчицкий успокаивал его, говоря, что «вредная сторона деятельности чет уменьшается, по возможности, осмотрительностью в выборе начальников и другими соответственными случая мерами»³². Действия же чет впереди расположения русских войск Непокойчицкий признавал желательными и необходимыми, так как это облегчало разведывательную службу русских войск и затрудняло действия турок³³.

Болгарский народ принимал участие в боях с противником не только в ополчении и партизанских отрядах, четах. Известны случаи поступления болгарской молодежи в качестве добровольцев в русские воинские части. В своем рапорте от 15 августа командир 37-го Донского казачьего полка доносил командиру 12-го армейского корпуса, что им принят в полк болгарин Дима Тодоров, «заявивший желание служить добровольцем»³⁴. Полковник Леонтьев сообщал, что состоявшие при 7-ом Драгунском полку болгарские добровольцы вместе с русскими солдатами участвовали в бою и захватили обоз противника³⁵.

Успешному наступлению русских войск способствовала также помощь болгарского населения в ремонте и постройке шоссейных дорог. Грунтовые дороги часто размывало и заносило снегом, в особенности горные перевалы и тропы. В письме от 6 июля из Парувца П. Хитов доносил Артамонову, что ремонт дороги продвигается с трудом, ввиду отсутствия людей. Но тут же добавлял: «Как бы то ни было, но я выведу женщин для работы на дороге»³⁶. В письме от 9 июля он сообщал, что «дорога через Хаин-боаз нехороша. Мы стараемся исправить ее по мере возможности»³⁷. Однако, невзирая на трудности, Хитову удалось организовать работу по исправлению дороги, о чем полковник Свищевский 13 июля сообщал Артамонову, подчеркивая усердие и старание Хитова, и просил сообщить об этом начальству для поощрения³⁸.

Во время упорных боев под Шипкой с превосходящими силами противника болгарское население всячески старалось помочь русским. Около 3 тыс. человек вышло на прокладку дороги, женщины подбирали раненых. В Габрове местные жители открыли больницу на 200 коек³⁹.

Зимой приходилось вести особенно тяжелую борьбу со стихией, но население не считалось с трудностями и старалось обеспечить проход воинских частей через горные перевалы, занесенные снегом. Когда в декабре 1877 г. колонна генерала Дандевилля оказалась в тяжелом положении при подходе к горному перевалу, то несколько сотен болгар проложили путь через глубокие снега и провели отряд⁴⁰. Корреспондент газеты «Daily News» вынужден был признать активное участие населения в оказании помощи русским частям. Он отмечал, что: «при нем до 1 тыс.

³² Там же, л. 37 об.

³³ Там же.

³⁴ Там же, д. 7076, л. 17.

³⁵ Там же, д. 8358, л. 331.

³⁶ Там же, д. 7468, ч. 2, лл. 27—28.

³⁷ Там же, л. 67 об.

³⁸ Там же, д. 7130, л. 27.

³⁹ Центральный государственный архив Октябрьской революции (в дальнейшем — ЦГАОР), ф. 730, оп. 1, д. 123, л. 92 об.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 485, д. 208, лл. 66—67 об.

жителей и мальчиков габровских разносили под градом пуль воду нашим войскам и даже застрельщикам передовой цепи, а также и уносили раненых с полным самоотвержением»⁴¹. Болгарское население участвовало в починке телеграфных линий⁴², постройке укреплений для русской армии в районе сел Батин, Бела⁴³. Кроме этой помощи болгарское население снабжало передовые русские части продовольствием и фуражом. Оторвавшись от своих тылов, войсковые части покупали у населения продукты питания, однако часто жители безвозмездно предоставляли в распоряжение воинских подразделений скот и фураж. Так, в донесении командира Павловского полка от 25 декабря 1877 г. говорится, что болгары обеспечили полк мясом, хлебом и сухарями⁴⁴. Жители Систовского и Тырновского санджаков поставляли для армии пшеницу и рожь⁴⁵.

Можно привести пример и другого вида помощи — предоставление транспортных средств. В одном из донесений командира русской части говорится, что жители острова Лети оказали особенно большую помощь, предоставив подводы («они доставляли отряду почти ежедневно и при этом безвозмездно»)⁴⁶.

Приведенные выше факты показывают, с какой самоотверженностью болгарский народ участвовал в борьбе со своими поработителями. Он видел в русских солдатах долгожданных освободителей, и это вынуждены были признать даже иностранные корреспонденты. Корреспондент английской газеты «Таймс» писал: «Невозможно ни на минуту сомневаться в том, что русские здесь желанные гости, бедные люди буквально плакали от радости и бросались на шею своим освободителям, утопавшим в цветах»⁴⁷.

Бескорыстная помощь болгарского народа и непосредственное участие болгарских патриотов в деле освобождения своей страны получили высокую оценку русского командования в приказах о награждении орденами, медалями и деньгами. В числе награжденных орденами были П. Хитов, Н. Кабакчиев, Г. Начович, О. Панов, Икономов, Ангел Сокачев, Петр Мишайков и много других патриотов, проявивших смелость и отвагу в войне.

Изложенные нами неопубликованные материалы раскрывают многообразные формы участия болгарского народа в освобождении своей родины совместно с русскими войсками и вскрывают несостоятельность утверждений западной историографии о безучастном отношении болгарского народа к освобождению своей страны.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 730-п, оп. 1, д. 123, л. 161.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32, 340, л. 18.

⁴³ Там же, д. 8175, лл. 18—19.

⁴⁴ Там же, д. 7259, лл. 233—234 об.

⁴⁵ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем — ОР ГВЛ), ф. 327/1, л. 55, д. 23.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 32, 497, лл. 51—52.

⁴⁷ Т. Синклер. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. СПб., 1878, стр. 107.

В. М. Хевролина

ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА К ВОЙНЕ И ОСВОБОЖДЕНИЮ БОЛГАРИИ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА

(документальные материалы Центрального государственного
архива Октябрьской революции)

Вопрос об отношении различных классов русского общества к русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и освобождению Болгарии от турецкого ига почти не изучен. Специальные исследования, посвященные отношению русского общества к национально-освободительной борьбе славян Балканского полуострова хронологически ограничены началом 1877 г. и не охватывают периода войны¹. В исследованиях, посвященных истории войны, эти вопросы также не освещаются². А между тем они представляют большой интерес, в особенности отношение к войне трудящихся классов России.

Не ставя своей задачей полное освещение проблемы, мы расскажем о некоторых документальных источниках, могущих служить для изучения этой страницы истории русско-болгарских связей.

В архивных фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР), в отделе фондов истории революционного движения имеется три комплекса фондов:

1. Материалы органов политического розыска и судебно-следственных учреждений (III отделение и др.).

2. Материалы Московского славянского общества.

3. Материалы личных фондов: а) государственных деятелей России (Н. П. Игнатьев, А. С. Ионин, Т. И. Филиппов и др.); б) деятелей революционной народнической эмиграции (П. Л. Лавров, В. Н. Смирнов, Н. К. Судзиловский и др.).

К материалам 1-й группы относятся политические обзоры и донесения начальников губернских жандармских управлений в III отделение, агентурные сведения, докладные записки III отделения царю, переписка с министерством внутренних дел, анонимные письма, перлюстрированная переписка, документы, взятые при обысках и арестах, и др. Эти материалы в целом правдиво характеризуют внутреннее положение страны во время войны и настроения населения различных областей. Однако они имеют ряд особенностей, которые надо учитывать при их изучении.

¹ С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. М., 1964; Он же. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг.; Т. Г. Снытко. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. — В сб. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957.

² Н. И. Беляев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг., М., 1956; П. К. Фортунатов. Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950.

Во-первых, в документах сравнительно немного внимания уделяется настроениям трудящихся классов страны. Если из них можно почерпнуть некоторые сведения об отношении к войне крестьянства, то отношение к войне рабочего класса не освещено совершенно. Это объясняется тем, что, говоря о настроении населения той или иной губернии, жандармы охватывали все его группы в целом — как крестьянство, так и рабочих, мещан, мелкую городскую буржуазию.

В некоторых документах чувствуется стремление преуменьшить размах революционной пропаганды, которую якобы военные события отодвинули на задний план, в то же время часто встречаются преувеличения касательно единодушия и сплочения всех классов общества во время войны и верности их «царю и отечеству».

Материалы 2-й группы — фонд Московского славянского общества. — за период войны очень бедны; отрывочны и о деятельности общества сообщают только единичные факты.

Из личных фондов для рассматриваемого вопроса представляют интерес материалы народников-эмигрантов — П. Л. Лаврова и особенно В. Н. Смирнова, секретаря редакции «Вперед». В переписке этих деятелей мы находим отражение взглядов группы «Вперед» на события и характер войны, внутреннее и международное положение России, национально-освободительное движение народов Балканского полуострова. К сожалению, взгляды других групп народничества в материалах ЦГАОР не отражены, сведения о них можно почерпнуть лишь из периодических изданий этих групп.

Как известно, национально-освободительная борьба народов Балканского полуострова в 1875—1876 гг. вызвала в России горячую симпатию, и народное движение сочувствия охватило всю страну. Трудящиеся массы выступали за «правое дело» южных славян, подвергавшихся тяжелому гнету турецких завоевателей.

Объявление войны Турции, имевшей целью освобождение болгар от многовекового рабства, как официально было заявлено в манифесте царя и обращении главнокомандующего к войскам, тем более было сочувственно встречено широкими массами населения России. Этот факт подтверждается многочисленными донесениями начальников губернских жандармских управлений (ГЖУ). Чтение манифеста об объявлении войны проходило при большом стечении народа и встречалось криками «Ура!». «Сочувствие всех классов общества к войне громадное», — доносит помощник начальника Владимирского ГЖУ³. «В настоящем году настроение народа самое патриотическое, у всех одна цель, одна мысль, одно желание — чтобы государю удалось совершить освобождение славян», — пишет помощник начальника Саратовского ГЖУ в Царицынском и Камышинском уездах⁴. Помощник начальника Лифляндского ГЖУ сравнивает популярность войны среди населения с Отечественной войной 1812 г.⁵ Русский народ воспринял войну как освободительную, войну против многовековых угнетателей своих братьев болгар.

Показателем такого отношения населения к войне являются массовые жертвования на нужды армии, исходившие как от учреждений, так и от частных лиц. Почин был сделан населением Москвы. Уже 12 апреля 1877 г. общее собрание гласных Московской городской думы вынесло решение о предоставлении на санитарные нужды армии 1 млн. руб. и об устройстве госпиталя на 1000 кроватей. 1 млн. руб. в помощь семьям

³ ЦГАОР, ф. 109-п, 3 экзп., 1877 г., д. 125, л. 23.

⁴ Там же, д. 35, л. 39 об.

⁵ Там же, д. 37, л. 67.

убитых и раненых жертвовало московское купечество. Вместе с пожертвованиями земства, мещанского и ремесленного сословий это составило сумму в 2467 тыс. руб.⁶ Примерно такая же сумма была пожертвована Петербургом. Крупные пожертвования в пользу Красного Креста сделали Тамбовская, Курская, Вятская, Рязанская городские думы и др.⁷

Активно жертвовали в пользу Красного Креста и частные лица. Документы единодушно отмечают, что большие пожертвования делались трудящимися массами, в особенности крестьянством.

Несмотря на тяжелое экономическое положение, неурожай и голод в целом ряде губерний (Воронежской, Симбирской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской, Тверской, Новгородской, Виленской, Смоленской и др.), крестьянство, горячо относившееся к идее освобождения славян от турецкого ига, все же находило возможность вносить пожертвования деньгами, вещами и продовольствием. Помощник начальника Московского ГЖУ отмечает в своем донесении: «Крестьянское сословие, зная, что настоящая война ведется для освобождения родственных и одноверных русскому народу славян из-под ига турок и считая это делом святым, при всех своих скудных средствах делает значительные пожертвования»⁸.

Вот один из многочисленных примеров крестьянских пожертвований, отраженных в материалах архива: крестьяне 14 волостей Режицкого уезда Витебской губ. только в октябре-ноябре 1877 г. пожертвовали для армии 150 полушубков, 23 шубы, 220 овчин, 135 пар варежек, 250 пудов сухарей, 114 пудов муки и 609 руб. В Витебской же губ. крестьяне на основании решений сходов отделяли часть запасных мирских капиталов на нужды армии⁹.

Следует отметить, что во многих губерниях суммы, предоставленные крестьянами, значительно превышали пожертвования имущих классов — помещиков, купечества, духовенства. Начальник Тульского ГЖУ пишет, что пожертвования от крестьян поступают «безостановочно и составляют едва ли не больше пожертвованного другими классами»¹⁰. Во Владимирской губернии, где богатое купечество почти ничего не давало в пользу Красного Креста, «почти всякий бедняк-крестьянин уделяет последнюю копейку»¹¹. В Режицком уезде Витебской губ. пожертвования крестьян составили 3785 руб., а дворян и духовенства — 550 руб.¹²

Помимо пожертвований деньгами и вещами, в среде крестьян широко была распространена такая форма помощи, как безвозмездная перевозка призывников на сборные пункты и помощь семьям солдат (обработка земель, выдача хлеба из общественных амбаров, выплата выкупных платежей и др.)¹³.

Пожертвования учреждений и частных лиц на нужды Красного Креста поступали непрерывным потоком все время войны и к концу 1877 г. составили значительную сумму — около 10 млн. руб.¹⁴

Кроме сбора пожертвований, русская общественность много сил и внимания уделяла организации лазаретов, госпиталей, санитарных поездов и отрядов. Материалы архива, например, сообщают об организации в

⁶ ЦГАОР, ф. 109-п, 1 эксп., 1877 г., д. 25, л. 51.

⁷ Там же, лл. 23, 58, 75, 102.

⁸ Там же, 3 эксп., 1877 г., д. 20, л. 189 об.

⁹ Там же, д. 75, лл. 86, 93.

¹⁰ Там же, д. 102, л. 34.

¹¹ Там же, д. 125, лл. 22, 23.

¹² Там же, д. 75, л. 91.

¹³ Там же, лл. 98, 99.

¹⁴ «Вестник народной помощи», 19 декабря 1877 г., № 29, стр. 9.

Дерпте на средства студентов Дерптского университета двух санитарных отрядов во главе с профессорами Рейером и Бергманом¹⁵. Последний отряд работал в Дунайской армии — на Зимницкой переправе, а затем в Тырнове и Плевне. Санитарные отряды были созданы также в Москве, Вятке и других городах¹⁶. В Калуге на средства служащих Рязско-Вяземской железной дороги был сооружен санитарный поезд на 24 вагона¹⁷, в Воронеже открыт госпиталь на 350 кроватей¹⁸. В каждом городе создавались госпитали, лазареты.

Сочувствие населения войне за освобождение болгар проявилось также в стремлении молодежи вступать добровольцами в действующую армию, чтобы отправиться на театр военных действий. В фонде Московского славянского общества есть несколько прошений студентов о желании отправиться в армию¹⁹. Этот факт отмечается неоднократно в донесениях начальников ГЖУ. В действующую армию стремились попасть и многие солдаты, призванные в 1877 г. Например, помощник начальника Саратовского ГЖУ отмечает в декабре 1877 г.: «Во время бывшего последнего рекрутского набора призываемые к отбытию воинской повинности все шли в солдаты с удовольствием и многие даже просились об отправлении их сейчас же на войну в Турцию»²⁰. Как сообщает начальник Лифляндского ГЖУ, когда из полков 29-й пехотной дивизии, расквартированной в Риге, потребовалось 200 стрелков в действующую армию, то «каждый солдат хотел непременно сам отправиться на войну... Многие со слезами на глазах, доказывая, что они по службе старше выбранных, умоляли отправить их на театр военных действий»²¹.

Русская общественность уделяла много средств в помощь болгарскому населению, разоренному войной, на освобождаемых русскими войсками территориях Болгарии. Об этом свидетельствуют материалы Московского славянского общества. В фонде общества хранятся телеграммы агента общества в Болгарии А. А. Нарышкина о его поездках по стране и помощи болгарским беженцам из-за Балкан в августе — сентябре 1877 г. В частности, в них говорится, что Нарышкин организовал приюты для сирот в Габрове и Тырнове, оказывал беженцам материальную помощь²². Он же организовал отправку болгарских детей-сирот в Россию, где они были тепло приняты и размещены в Москве и Ярославле²³.

По материалам III отделения можно проследить, как относились к войне и освобождению Болгарии различные народности России. Большинство народов страны также встретили войну сочувственно, активно участвовали в сборе пожертвований. Материалы говорят о значительных пожертвованиях эстонского, латышского населения²⁴, киргизы Внутренней Букеевской орды пожертвовали 7 тыс. руб., 500 лошадей, 500 полунубков, несколько кибиток²⁵. Но не всюду в Российской империи в равной мере поняли характер войны. Это относится главным образом к некоторым слоям населения мусульманского вероисповедания Кавказа и Поволжья. Большую роль здесь сыграла агитация турецких эмиссаров. В ряде

¹⁵ ЦГАОР, ф. 109-и, 3 эксп., 1877 г., д. 37, л. 72.

¹⁶ Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 25, лл. 37, 118.

¹⁷ Там же, д. 25, продолж. 1, л. 26.

¹⁸ Там же, д. 25, л. 203.

¹⁹ Там же, ф. 1750-и, д. 311, лл. 13—14; д. 89, л. 49.

²⁰ Там же, ф. 109-и, 3 эксп., 1877 г., д. 35, л. 40.

²¹ Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 35, л. 59.

²² Там же, ф. 1750-и, д. 329, лл. 31, 32.

²³ Там же, д. 65, лл. 160, 195.

²⁴ Там же, ф. 109-и, 3 эксп., 1877 г., д. 37, лл. 67, 68, 73; 1 эксп., 1877 г., д. 75, л. 87.

²⁵ Там же, д. 35, л. 41 об.

мест эта агитация имела среди отдельных групп некоторый успех (Дагестан, Чечня, Абхазия)²⁶.

О популярности войны свидетельствует и жадный интерес русского общества к событиям на фронтах. Агентурная записка III отделения говорит, что в Петербурге «на газеты публика ежедневно накидывается с лихорадочной торопливостью и некоторые редакции печатают свои издания десятками тысяч экземпляров»²⁷. «Все население поглощено военными действиями, — пишет помощник начальника Саратовского ГЖУ, — каждый из жителей заканчивает свой дневной труд, чтобы вечером всецело отдаться чтению телеграмм и газет»²⁸. Документы свидетельствуют об огромном интересе к военным событиям трудящихся масс. «Простой народ, не имея возможности так следить за всеми событиями, как следит интеллигентная часть общества, интересуется всем, однако, не менее последней, и если не может прочесть, то не упускает случая расспросить всякого, кто может рассказать ему хоть что-нибудь относительно военных действий», — пишет помощник начальника Черниговского ГЖУ²⁹.

С целью распространения газет в народе и возбуждения в нем «интереса к политическим и военным событиям» редакции ряда газет обратились в июне 1877 г. к земским управам с предложением высылать остающиеся нераспроданными экземпляры и продавать их по дешевой цене в деревнях. Однако правительство, не заинтересованное в распространении газет в народе, специальным циркуляром земским управам запретило принять это предложение.

Со второй половины лета 1877 г. в отношении русского общества к войне наблюдаются перемены. По-прежнему сочувствуя целям войны — освобождению братских народов, русское общество начинает высказывать недовольство действиями военного командования, а также и внутренней политической правительством.

Военные неудачи (отступление отряда Гурко из-за Балкан, штурмы Плевны, снятие осады Карса), явившиеся следствием бездарности командования, вызвали глубокое возмущение всех слоев русского общества, которое еще более усугублялось доходящими до него сведениями о недостатках снабжения, продовольствия, казнокрадстве интендантов и др. Общество открыто негодовало против действий главнокомандующего — брата царя. Эти настроения так описываются в донесении начальника Симбирского ГЖУ: «Никогда еще общество так открыто не высказывало свои суждения относительно неудачных действий наших войск в Европейской и Азиатской Турции... Слышится ропот, что высшие начальники плохо действуют, теряют много людей без всякой надобности, что интенданство делает страшные злоупотребления, не доставляя своевременно продовольствия, отчего солдаты терпят недостатки в пище, что оружие у нас плохо, что артиллерийское ведомство не доставляет своевременно снарядов для войска, а потому нашим приходится бездействовать»³⁰.

В адрес царя и III отделения присылались многочисленные письма с требованием сменить военачальников — главнокомандующего, Непокойчицкого, Левицкого и др.³¹ Анонимное письмо, поступившее в канцелярию московского губернатора, говорит: «Долой безголовых главнокомандующих, которые погубили сотни тысяч наших братьев и отцов и лучших сы-

²⁶ ЦГАОР, ф. 109-п, 3 эксп., д. 75, лл. 86—89; д. 170, л. 16; 1 эксп., 1877 г., д. 25, лл. 206, 293, 353; д. 84, продолж. 3, лл. 314, 331; продолж. 4, л. 124.

²⁷ Там же, д. 25, л. 364.

²⁸ Там же, 3 эксп., 1877 г., д. 35, л. 35.

²⁹ Там же, д. 122, лл. 40, 41.

³⁰ Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, л. 91.

³¹ Там же, 3 эксп., 1877 г., д. 20, л. 107, 108; 1 эксп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, л. 100.

нов нашего отечества! Доколе же будут безнаказанны эти душегубства? Казнить всех подлецов Генерального штаба расстреливанием. Да здравствует революция, равенство и свобода! Долой подлецов, которые губят человечество и Россию!»³² До III отделения дошли сведения, что в квартире Аксакова обсуждается адрес, где «в самых резких выражениях высказывается несостоятельность военного министра и главнокомандующего» и требуется их смещение³³. Эти сведения проникли и в иностранную печать³⁴.

Недовольство русского общества в это время усугублялось также осложнившимся экономическим положением страны, испытывавшей последствия тягот войны. Донесения в III отделение отмечают повсеместно застой в торговле и промышленности, вызванный войной, безработицу в городах, в особенности в Петербурге и центральном районе, рост недоимок крестьян, вздорожание продуктов. Во многих губерниях к этому добавились неурожай и падеж скота³⁵. И без того бедственное положение трудящихся масс было осложнено проведением призыва ратников Государственного ополчения в июле — августе. Государственное ополчение созывалось в случае войны из запасных и лиц, не проходивших службы, и предназначалось для пополнения резервных частей. По указу Александра II от 10 июля 1877 г. подлежало призыву 188600 человек в европейских губерниях России. При призыве в ополчение не учитывались льготы по семейному положению, забирались даже единственные кормильцы семьи.

Материалы III отделения рисуют тяжелую картину проведения призыва. В Коломенском уезде, например, было призвано 247 льготных из общего количества 268 человек. В Бронницком уезде — 252 льготных. В этих двух уездах 560 крестьянских семей осталось без средств к существованию³⁶. В Варшавской губ. призывались даже те, которые имели освобождение от службы навсегда³⁷. По свидетельству комиссии, учрежденной на время отсутствия царя, льготные составляли 40—50 и более процентов общего числа ратников³⁸. Крестьяне массами обращались к губернаторам с прошениями об освобождении льготных ратников³⁹. Повсюду слышались ропот и недовольство, а иногда и прямые угрозы в адрес царя и правительства. Крестьянин местечка Леплявого, Полтавской губ. Додорожко заявил, например: «Мы восстанем против нашего царя»⁴⁰. Массовое недовольство населения вынудило правительство распустить льготных ратников по домам.

Война способствовала оживлению либерально-буржуазного движения. Широкие круги русской демократической интеллигенции и дворянско-буржуазного либерального общества связывали с войной надежды на преобразования в России, считая, что правительство, провозгласившее лозунг освобождения славянских народов, осуществит и ряд политических уступок в собственной стране. Недовольство русского общества, вызванное неудачами русских войск и грубыми ошибками военного командования, еще более способствовало развитию либерально-буржуазного движения. Материалы архива свидетельствуют о том, что с первых же дней войны в обществе стали усиленно распространяться слухи о введении после

³² Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, л. 104—105.

³³ Там же, л. 95.

³⁴ «Общее дело», 1877, № 5, стр. 15.

³⁵ ЦГАОР, ф. 109-н, 3 эксп., 1877 г., д. 20, лл. 170—172, 196—198, 200; д. 76, лл. 44—51; д. 125, л. 21; д. 35, л. 40; д. 113, л. 65 и др.

³⁶ Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 35, лл. 44—45.

³⁷ Там же, л. 17.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1210, оп. 16, д. 2, лл. 18—25.

³⁹ ЦГАОР, ф. 109-н, 1 эксп., 1877 г., д. 35, л. 22.

⁴⁰ Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, л. 185.

войны конституции⁴¹. В частности, начальник Новгородского ГЖУ уже 20 апреля 1877 г. доносил, что ходят слухи о поручении царем П. А. Валуеву составить проект конституции⁴². В сентябре 1877 г. в ряде городов юга России были расклеены прокламации с ложными сообщениями о созыве комиссии под руководством А. М. Горчакова для подготовки представительного собрания, задача которого «будет состоять в отыскании новых финансовых источников для покрытия нужд военного времени, а также в выработке конституционных форм должностующих смягчить ныне существующий государственный порядок»⁴³. Однако конституционные мечтания общества оказались обманутыми.

К характеристике земского движения, охватившего к концу войны значительную часть земств южной и центральной России, но оставшегося еще слабым и неформальным политическим течением, можно привести еще один яркий факт: составление левыми гласными черниговского земства в январе 1878 г. адреса царю с поздравлением по случаю заключения перемирия и просьбой об освобождении революционеров, осужденных по процессу 193-х⁴⁴. Авторами адреса являлись известные левые земские деятели И. И. Петрункевич и А. П. Карпинский. Адрес был отклонен правым большинством собрания. Этот факт также свидетельствует о надеждах либеральных кругов на смягчение политического режима в стране после войны.

Чрезвычайно интересен вопрос об отношении к войне и освобождению Болгарии революционного народничества. В литературе он совершенно не исследован, а в материалах архива содержатся некоторые сведения, к сожалению, неполные и отрывочные.

Как известно, народничество не смогло понять характера войны, объективно сыгравшей прогрессивную роль. Основная часть народничества относилась к войне отрицательно, считая, что первоначальной задачей является освобождение русского народа из-под гнета буржуазии и помещиков и что правительство, угнетающее своих подданных, не может нести свободу другим народам. Эта мысль высказывалась ткачевцами, лавристами и другими группами народников. В частности, В. Н. Смирнов в своих письмах неоднократно указывал, что война ведется русским царизмом в своекорыстных, захватнических целях, из-за «подлых» расчетов «каких-нибудь Александров, Францев-Иосифов и прочей компании»⁴⁵, называет войну подлой и мерзкой бойней⁴⁶. Эти же взгляды разделял известный народник Н. К. Судзиловский⁴⁷.

Народники совершенно не понимали характера деятельности русского гражданского управления в Болгарии, его социально-экономических мероприятий. Они считали, что управление действует только в интересах эксплуататорских классов и насаждает в Болгарии «русские» порядки. Так, Смирнов называет Болгарию будущей Болгарской губернией, Черкасского — губернатором⁴⁸. В письме к жене от 10/22 июля 1877 г. он пишет: «Булгария уже становится русскою: законы на русском языке, в школах введено преподавание русского языка, чиновники русские, на обеднях упоминается в молитвах... имя русского царя — освободителя... Подлое лицемерие и никаких протестов со стороны русской прессы, кричавшей

⁴¹ ЦГАОР, ф. 109-н, 3 эксп., 1877 г., д. 76, лл. 44—51.

⁴² Там же, 1 эксп., 1877 г., д. 25, л. 59.

⁴³ ЦГИА УССР, ф. 67, оп. 1, д. 104, л. 3; там же, ф. 112-н, оп. 1, д. 477, л. 7; ф. 109-н, 3 эксп., д. 262, л. 1.

⁴⁴ Там же, 3 эксп., 1878 г., д. 91, л. 5.

⁴⁵ Там же, 1737-н, д. 98, л. 55.

⁴⁶ Там же, д. 98, лл. 55, 111.

⁴⁷ Там же, ф. 5905, оп. 1, д. 303.

⁴⁸ Там же, ф. 1737-н, д. 98, лл. 121, 273.

о бескорыстии русских. Я жду, что скоро болгар будут уже ссылать в Сибирь на основании русских уголовных законов»⁴⁹. По поводу аграрных преобразований в Болгарии Смирнов писал, что целью их является передача земель турецких помещиков болгарским помещикам⁵⁰.

Однако сочувствие, высказываемое войне со стороны широких народных масс, заставляло некоторых представителей народничества задуматься и занять более осторожную позицию в вопросе об отношении к войне. Тот же Смирнов, высказывавший в частной переписке отрицательное отношение к войне, не решился опубликовать статью о войне, боясь, что ее появление произведет нежелательное впечатление на русское общество и «скомпрометирует партию». В письме к Р. Х. Идельсон от 28 ноября 1877 г. он писал «Статьи о войне окончательно не будет. В иное время молчание — золото... По такому щекотливому вопросу, как война, нужно писать на основании точных сведений о настроении... Лекарство нужно будет искать не в помещении в «Сборнике» нашей рискованной статьи, а в том, чтобы ехать в Россию и стараться превратить «силы напряжения» (недовольство) в «живую силу» — в революционную работу»⁵¹.

Ошибаясь в оценке объективного характера войны, народники справедливо указывали на тяжелые последствия ее для страны. После войны, писал Смирнов, Россия будет поставлена лицом к лицу с самым страшным экономическим кризисом⁵².

Как эмигранты, так и народники, работавшие в России, стремились использовать войну для развертывания революционного движения. Часть народников, находившихся внутри страны, считала, что война — самое удобное время для совершения революционного переворота, так как основные силы армии находились за границей. В архиве имеются материалы о народнике Н. Ф. Вишневецком, работавшем слесарем Харьковских железнодорожных мастерских и проводившем там активную работу среди рабочих. Вишневецкий утверждал, что когда начнется война с Турцией и войска будут удалены из России, последует революционный переворот⁵³. Аналогичную пропаганду вел среди рабочих в Херсонской губ. В. О. Маркер, который (как писал товарищ министра внутренних дел Маков шефу жандармов Мезенцеву) «в разговорах порицает нашу армию и тем поселяет в простом народе панику и недоверие к доблести нашего войска»⁵⁴. О развитии революционной пропаганды во время войны говорят донесения начальников ГЖУ, которые указывают, что малейшее недовольство населения используется «злонамеренными элементами» с целью посеять в народе недоверие к правительству⁵⁵.

С этой целью отдельные группы народников распространяли даже ложные сведения; известен факт расклейки в Киеве 20 июня 1877 г. прокламации под видом телеграммы «Правительственного вестника» о потерях русских войск при Зимницкой переправе и столкновении их с австрийскими отрядами⁵⁶. Эта прокламация была расклеена группой киевских народников (Вл. Дебагорий-Мокриевич и др.). Прокламации о созыве представительного собрания для выработки конституции также расклеивались народниками. Они были обнаружены в Киеве при обыске у народника В. Е. Малавского⁵⁷. Полиция сбилась с ног, разыскивая авторов, были

⁴⁹ Там же, л. 285.

⁵⁰ Там же, л. 255.

⁵¹ Там же, л. 63.

⁵² Там же, л. 183.

⁵³ Там же, ф. 112-п, оп. 1, д. 435, лл. 7—8.

⁵⁴ Там же, ф. 109-п, 1 экзп., 1877 г., д. 25, л. 329.

⁵⁵ Там же, 3 экзп., 1877 г., д. 35, л. 33.

⁵⁶ Там же, ф. 109-п, 1 экзп., 1877 г., д. 25, л. 264.

⁵⁷ Там же, ф. 112-п, оп. 1, д. 477, лл. 4—5.

обследованы все типографии Киева, допрошено более 100 типографских рабочих, но ничего найти не удалось⁵⁸. Мезенцев указывал, что пропагандисты достают секретные документы и распространяют их в России и за границей. Так, например, известный нам уже циркуляр о запрещении распространять в народе газеты был разослан народниками в земские управы многих губерний в сентябре 1877 г. с надписью: «Вот как ревностно исполняет русское правительство свою просветительную миссию»⁵⁹.

Народники проводили большую пропагандистскую работу в армии, находящейся на территории Румынии и Болгарии, а также на Кавказе. С этой целью туда направлялось большое количество революционной литературы. В. Н. Смирнов в своих письмах указывает на отправку литературы в Потю, Плоешти, Сулин, Адрианополе, Тульчу и др.⁶⁰. Интересно, что в казармах русских солдат в Адрианополе в январе 1878 г. была обнаружена революционная литература⁶¹. Народник В. Иванов-Семенов писал П. Л. Лаврову в мае 1878 г. из Берлина: «До нас доходят очень утешительные слухи относительно воинства. Там теперь с жадностью читаются и распространяются очень бойко иностранные издания». Собираясь поехать в Румынию для пропагандистской работы в русской армии, он пишет, что «при искреннем отношении к делу можно быть там полезным»⁶².

Революционная агитация в русской армии, находящейся на Балканах, способствовала распространению передовых идей среди части солдат и офицеров. Многие из них вывозили революционную литературу при возвращении в Россию⁶³. Материалы архива сообщают очень интересный факт, относящийся к более позднему времени: в мае 1879 г. в Киевской губ. большие крестьянские волнения были вызваны слухами о переделе земли, которые распространялись солдатами, возвращавшимися из действующей армии⁶⁴.

Материалы архива освещают также еще один очень интересный вопрос — отношение русского общества к окончанию войны и заключению мира. Изменение положения на театре военных действий в конце ноября 1877 г. и победы, одержанные русскими войсками, вызвали единодушный восторг русского общества. Весть о взятии Плевны и Карса распространилась с молниеносной быстротой, это событие отмечалось как национальный праздник.⁶⁵ Успешное продвижение армии по территории Болгарии, освобождение болгарских городов и сел с радостью приветствовалось всеми слоями русского общества. «Обсуждение внешней политики стало настолько популярно, — пишет начальник Тамбовского ГЖУ, — что отодвигает на задний план все другие вопросы»⁶⁶.

Однако заключение Адрианопольского перемирия 19 января 1878 г. произвело на русское общество двойственное впечатление. С одной стороны, русский народ приветствовал окончание войны, с другой — понимал, что цель войны — освобождение народов Балканского полуострова от турецкого ига — достигнута неполностью. Основные вопросы — создание Болгарского государства и др. — не были решены проектом оснований мира и ставились на обсуждение конгресса европейских держав.

⁵⁸ ЦГАОР, ф. 119-п, 1 эксп., 1877 г., д. 25, л. 338.

⁵⁹ Там же, секр. арх., оп. 1, д. 2226, л. 65.

⁶⁰ Там же, ф. 1737-п, д. 98, лл. 28—31, 68, 69.

⁶¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 7859, ч. 2, л. 10.

⁶² ЦГАОР, ф. 1762-п, оп. 4, д. 195, лл. 7—9.

⁶³ Там же, ф. 109-п, 3 эксп., 1878 г., д. 67, л. 25.

⁶⁴ Там же, 3 эксп., 1879 г., д. 60, лл. 73—74.

⁶⁵ Там же, ф. 109-п, 1 эксп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, лл. 254, 257, 258, 260, 262, 263, 299, 344 и др.

⁶⁶ ЦГАОР, 3 эксп., 1877 г., д. 76, л. 44.

держав. Материалы архива отмечают боязнь общества, опасавшегося, что громадные жертвы, понесенные русским народом в борьбе за освобождение Болгарии, останутся напрасными и завоевания русских войск будут сведены на нет давлением великих держав⁶⁷. Вот что свидетельствует агентурное донесение из Москвы 16 января 1878 года: «Народ ожидал если не изгнания турок из Европы, то по крайней мере полной эмансипации балканских славян от турецкой зависимости; поэтому напечатанные в газетах сообщенные из Лондона условия мира, предложенные будто бы нашим правительством Турции, считаются здесь весьма неудовлетворительными и несоответствующими громадным жертвам, принесенным Россией»⁶⁸. Донесение из Нижнего Новгорода: «Всюду слышится одно, что ежели правительство даст возможность оправиться туркам или заключить несоответствующий мир, то она обманет надежды народа и не выполнит своего обещания»⁶⁹.

Такое настроение русского общества выражено и в переписке отдельных его представителей. Характерно в этом отношении письмо Ф. Ф. Воропонова, чиновника Министерства путей сообщения, И. С. Аксакову от 12 января 1878 г. Говоря о возможности оставления части территории Болгарии под турецким владычеством, Воропонов писал: «Неужели нам придется увидеть подобный исход после пролития рек русской крови, после финансового и экономического истощения нашего государства, после возбуждения лучших надежд в живой части нашего общества и народа, после того как за переходом через Дунай от имени России объявлено было болгарскому народу о коренном изменении его положения навсегда! Не за Карс и Батум лилась русская кровь и разорялась масса людей! Видь на Карс или Эрзерум не могли так оживлять лучших людей наших, как оживлялись их надежды настоящею войною»⁷⁰.

Такое настроение общества отразилось и на отношении к Сан-Стефанскому миру. Все понимали, что предстоит еще упорная борьба за осуществление его условий.

В настоящем обзоре мы упомянули не все документальные материалы ЦГАОР об отношении русского общества к войне, а только те, которые освещают наиболее важные вопросы темы. Хранящиеся здесь документы представляют большой интерес для исследователей, занимающихся проблемами внутренней и внешней политики России второй половины 70-х годов XIX столетия и освобождения Болгарии от турецкого ига. Изучение и публикация их помогут дальнейшей разработке этих проблем.

⁶⁷ Там же, 1 экзп., 1877 г., д. 25, продолж. 1, лл. 43, 45.

⁶⁸ Там же, продолж. 2, л. 32.

⁶⁹ Там же, л. 45.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 109-н, секр. арх., оп. 4, д. 485, л. 7.

И. Г. Сенкевич

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ САН-СТЕФАНО И БЕРЛИНСКИМ КОНГРЕССОМ

Темой настоящей статьи являются малоизученные и почти неизвестные события, связанные с заключением и осуществлением Сан-Стефанского мирного договора.

Известно, что по Сан-Стефанскому договору Македония включалась в состав будущего Болгарского княжества¹. На ее территорию, так же как на территорию других частей будущего княжества, предполагалось ввести русские войска и установить новую местную администрацию под руководством русского гражданского управления. Известно также и то, что Берлинский конгресс по требованию западноевропейских держав и прежде всего Австро-Венгрии и Англии оставил Македонию под властью Турецкой империи². Население Македонии еще в течение почти 35 лет страдало под феодально-бюрократическим турецким гнетом и добилось освобождения лишь в 1912 г. во время Балканской войны.

Между заключением Сан-Стефанского мирного договора 3 марта 1878 г. и Берлинским конгрессом, открывшимся 13 июня 1878 г., прошло около трех с половиной месяцев. Однако новое гражданское управление не было введено за это время в Македонии. Что же помешало введению новой администрации в Македонии, где в результате побед русской армии во время войны 1877—1878 гг. турецкая администрация была деморализована и фактически распалась? Какова должна была быть новая система местного управления, которую планировало ввести русское гражданское управление? Кто должен был возглавить все преобразования в Македонии?

В исторической научной литературе³, в публикациях⁴ и мемуарах⁵ этим вопросам уделено крайне мало места. Современные югославские и советские авторы не останавливаются на этом вопросе.

¹ «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг.», вып. 1. СПб., 1903, стр. 151—170.

² «История Болгарии», т. 1. М., 1954, стр. 329—332.

³ Дино Г. Кьосев. История на македонското национално революционно движение. София, 1954; Български патриарх Кирил. Съпротивата срещу Берлинския договор. Кресненското въстание. София. Издание на Българската Академия на науките. 1955, и др.

⁴ См. «Сборник материалов по гражданскому управлению...»; Н. Р. Овсянкий. Русское управление в Болгарии в 1877—1879 гг. СПб., 1906—1907, т. I, II; Муратов. Документи за дейността на русите по уредбата на гражданското управление в България от 1877—1879 год. София, 1905 и др.

⁵ Д. Г. Анучин. Берлинский конгресс 1878 г. — «Русская старина», т. 149, 1912; Н. П. Игнатъев. Записки — «Исторический вестник», 1914, январь — ноябрь; Д. Скалон. Мои воспоминания 1877—1878. СПб., 1913 и др.

Только в работе Н. Р. Овсяного «Гражданское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг.»⁶ есть лишь глухое упоминание о предполагавшейся в марте 1878 г. посылке в Македонию 70 русских офицеров во главе с губернатором (имя его не указано). «Тотчас по подписании Сан-Стефанского договора, — пишет Н. Р. Овсяный, — русским гражданским управлением было предложено ввести в Македонии те же порядки, которые были введены в Северной Болгарии. С этой целью был назначен в конце февраля губернатор для Македонии и 70 офицеров для занятия административных мест в этой области; а по военному ведомству делались приготовления к занятию Македонии отдельным кавалерийским отрядом и предполагалось осуществить мысль о формировании местных чет. Вести об этом, конечно, не могли не дойти до македонцев и не возбудить в них радостной надежды на скорое окончание мусульманского ига». О дальнейшей судьбе этого плана и о его подробностях у Овсяного не сказано ничего⁷.

Но в одной из русских публицистических книг, изданной в 1878 г. и принадлежащей перу русского журналиста — корреспондента газеты «Новое время» в Турции А. Н. Молчанова, «Между миром и конгрессом» (СПб., 1878) в качестве кандидата на пост русского губернатора в Македонии назван Михаил Александрович Хитрово⁸. Таким образом, это единственное пока обнаруженное нами указание современника привело к М. А. Хитрово, русскому дипломату, деятельность которого еще не изучена и мало отражена в исторических исследованиях.

В книге профессора С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.», М., 1960 и его статье «Южнославянские связи русской печати 60-х годов XIX в.»⁹ отражен ранний период деятельности М. А. Хитрово, показаны связи Хитрово с руководителями национально-освободительного движения южных славян.

М. А. Хитрово служил русским консулом в Македонии в 1861—1864 гг.¹⁰, затем был переведен на пост генерального консула в Константинополь (Стамбул). До русско-турецкой войны 1877—78 гг. он прослужил в Турецкой империи в общей сложности 17 лет. М. А. Хитрово был убежденным борцом за освобождение балканских народов от турецкого ига, поддерживал тесные связи со славянофилами. Еще до русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он выступал в русской печати, был известен как публицист и поэт. Биография М. А. Хитрово включена в собрание биографий русских литературных деятелей Венгера. В этом собрании биографий М. А. Хитрово характеризуется как человек большой эрудиции и высокой культуры, «остроумный собеседник, коллекционер-нумизмат, поэт-лирик и сатирик»¹¹.

⁶ Н. Р. Овсяный. Указ. соч., т. II, стр. 49.

⁷ Эта версия о предполагавшейся посылке 70 русских офицеров в Македонию повторяется и у Муратова (см. указ. соч., стр. 10—11) и в кн. Български патриарх Кирил. Съпротивата..., стр. 63.

⁸ Книга А. Н. Молчанова написана в форме своеобразной хроники событий, состоящей из отдельных корреспонденций. 5 (17) апреля 1878 г. А. Н. Молчанов писал: «Третьего дня получена из С.-Петербурга бумага, предписывающая понудить турецкое правительство к сдаче еще не занятых русскими войсками частей будущей Болгарии. Надо полагать, что будущий премьер Мегмет-Рушид-паша поспешит исполнить это законное требование русской власти. Тогда М. А. Хитрово с двумя кавалерийскими полками немедленно двинется от Филиппополя к Кавале. Г-ну Хитрову поручено и введение русского управления в тех провинциях» (А. Н. Молчанов, Между миром и конгрессом. СПб., 1878, стр. 181).

⁹ «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. VI. 1952, стр. 89—122.

¹⁰ Об этом периоде дипломатической деятельности М. А. Хитрово см. предисловие И. Г. Сенкевич к публикации «Новые материалы о южных славянах (из рукописного наследия М. А. Хитрово. «Славянский архив», 1963, стр. 237—252).

¹¹ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (далее — Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР), 1-ое собрание биографий Венгера, № 2868.

Во время войны Хитрово занимал пост чиновника особых поручений при главнокомандующем русской армией и, хотя не был введен в штат дипломатической канцелярии русской армии, состоял при канцелярии, которой заведовал А. И. Нелидов. Хитрово принимал деятельное участие в формировании болгарских и македонских добровольческих отрядов (чет), в организации помощи русской армии со стороны местного населения. «Деятельность моя,— писал М. А. Хитрово о периоде русско-турецкой войны 1877—1878 гг.,— была самого фантастического свойства. Я исполнял некоторые отдельные поручения, собирал болгарские четы и пр.»¹²

Хитрово, большому знатоку Македонии, хорошо знакомому с местными условиями, поддерживавшему в течение войны связи с населением, предполагалось поручить введение новой администрации в этой области.

В материалах Архива внешней политики России, связанных со служебной деятельностью М. Хитрово, и личном архиве М. Хитрово, хранящемся в Рукописном фонде Института русской литературы АН СССР, удалось найти документы о планах введения русского гражданского управления в Македонии и о предполагавшейся посылке М. Хитрово в Македонию после подписания Сан-Стефанского мирного договора. К числу этих документов относятся: переписка русского министерства иностранных дел с русским представителем в Турции А. И. Нелидовым¹³, донесения бывшего русского посла в Турции Н. П. Игнатьева в МИД России, рисующие позицию австрийского правительства после Сан-Стефанского мира в вопросе о Македонии и др. Но главное место по своему значению для разрешения поставленных в данной статье вопросов среди этих документов занимает «Записка о Македонии», хранящаяся в фонде «СПб. Главный архив, Политический отдел» Архива внешней политики России¹⁴.

«Записка о Македонии» была составлена Хитрово по поручению Н. К. Гирса в июне 1879 г., т. е. уже спустя более года после заключения Сан-Стефанского мирного договора. В ней он описывает историю подготовки к введению русского гражданского управления в Македонии, излагает в подробностях план административных преобразований.

Проект введения гражданского управления в еще не занятых русскими войсками частях будущего Болгарского княжества и в том числе в Македонии, существовал еще при князе Черкасском, заведовавшем гражданской частью при главнокомандующем русской армией во время войны 1877—1878 гг. В частности, в одном из документов об организации русского гражданского управления, составленном Черкасским, предусматривалось «назначить в санджаки Нишский, Призренский и Приштинский, Ускюбский и Битольский (с Касториею и Охридско) непременно губернаторов из лиц военных; а во-вторых, следует поручить губернаторам, во избежание столкновений, возможно более щадить местные обычаи...»¹⁵.

¹² Рукописный отдел ИРЛИ АН СССР, ф. 325 (Частный архив М. А. Хитрово), д. 84, лл. 3—4. Письмо М. А. Хитрово к И. С. Аксакову от 15 июля 1878 г. из Сан-Стефано.

¹³ С 7 апреля по 14 мая 1878 г. А. И. Нелидов занимал должность поверенного в делах России в Константинополе.— «Исторический вестник», 1914, май, стр. 431.

¹⁴ Архив внешней политики России, ф. СПб. Главный архив (далее — АВПР, ф. СПб. ГА), Политический отдел, д. 2, 1879 г. Черновик документа хранится в АВПР, ф. «Посольство в Константинополе», д. 2494; там же находится и неполная рукописная копия этого документа.

¹⁵ Н. Р. Овсянник. Указ. соч., т. I, стр. 289. Относительно введения русских войск в Македонию князь Черкасский писал в мае 1877 г. в записке по восточному вопросу, поданной русскому военному министру: «В Дольной Болгарии (или Македонской), соответствующей вилайету Салоник, большей части вилайета Битольского (или Монастырского) и части Скопского (или Ускюбского), мусульмане тоже значительно уступают христианам, а турок совсем мало, и они прижились небольшими

Тотчас же после подписания договора М. Хитрово получил приказ о командировании его в Македонию, как пишет он в своей записке, «для принятия первых мер к умиротворению края, к предупреждению столкновений между христианами и мусульманами, к учреждению местного самоуправления»¹⁶. Предполагалось обратиться к населению Македонии со специальной прокламацией. Текст прокламации был составлен Хитрово и напечатан в Одессе на четырех языках: русском, болгарском, греческом и турецком¹⁷.

«Жители западной Румелии, — говорилось в прокламации, — более счастливые нежели братья ваши Придунайской и Прибалканской Болгарии, вы не испытали ужасов войны. Без жертв и страданий вы приобщаетесь ныне к благам того славного мира, который победоносное русское оружие благоизволением святого промысла божия приуготовало и для вас [...]

Без различия вероисповеданий и народностей стремитесь все к водворению и охранению в освобожденной родине вашей порядка, тишины, спокойствия и безопасности[...]

В ожидании властей, имеющих прибыть к вам для водворения и учреждения дальнейших подробностей вашего будущего самоуправления, заботьтесь о сохранении строгого порядка в среде вашей, забудьте все распри и раздоры и живите в мире и тишине[...]

Приказ о командировании М. Хитрово был составлен Д. Г. Анучиным, заведовавшим гражданской частью при главнокомандующем с 3 марта 1878 г. после смерти князя Черкасского¹⁸. В приказе, датированном 26 февраля (10 марта) 1878 г., было сказано, что «по приказу главнокомандующего М. Хитрово командировается в отходящие к Болгарии части Солунского и Битольского вилайета для приема их именем его величества и обеспечения там порядка впредь до введения гражданского управления...

Было бы настоятельно необходимо: просить турецкое правительство послать местным гражданским властям приказание оказывать свое содействие г. Хитрово и придать ему своего чиновника: получить согласие на подобное предложение, кажется, будет нетрудно ввиду того, что Турецкое правительство само заинтересовано сохранением спокойствия в тех округах, которые лежат за демаркационной линией и не заняты нашими войсками — и обеспечением целостности имущества, принадлежащего как ему, так и различным учреждениям»¹⁹.

Для осуществления этих задач со стороны гражданского управления в помощь М. Хитрово были выделены 25 офицеров. Два полка русской кавалерии были назначены в военный конвой. Вслед за офицерами рус-

участками только к р. Быстрице (ниже Касторийского и Островского озер) к Солунскому перешейку и к средней части Родопа. Дольняя Болгария обширнее Загорья; но так как мусульманское ее население в значительной мере состоит из болгар же с частями албанцев, сербов и др., то для занятия ее может быть достаточно одной пехотной бригады с тремя полками казаков, служба которых отчасти облегчится Солунь-Митровицкой железной дорогой» (там же, стр. 180—182).

¹⁶ АВВР, ф. СПб, ГА, Политический отдел, д. 2, 1879, л. 9.

¹⁷ В личном архиве М. Хитрово (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 325, д. 86) хранятся черновики этой прокламации — текст на французском и русском языках. Здесь же находятся и три экземпляра прокламации (русский текст), напечатанной типографским способом. В книге В. Везенкова «Македония и причины Балканской войны» (М., 1913, стр. 33) опубликован текст этой прокламации. В. Везенков — сын Стояна Везенкова, известного македонского деятеля, находившегося во время войны 1877—1878 гг. при М. Хитрово. Возможно, что в распоряжении В. Везенкова имелись экземпляры этой прокламации, полученные от отца С. Везенкова.

¹⁸ Н. Р. Овсянник. Указ. соч., т. I, стр. 112—«Русская старина», т. 149, 1912, стр. 39.

¹⁹ АВВР, ф. СПб, ГА, V-A, д. 1, л. 427.

ского гражданского управления предполагалось послать в Битоль (Монастырь), центр Западной Македонии, оккупационную пехотную дивизию.

Вскоре после назначения М. Хитрово в Македонии стало известно о планах выступления в эту область русских войск. «Весть о скором моем прибытии с войском разнеслась по Македонии[...] с неизмеримой быстротой. Это был тот момент нравственной победы, когда, как во франко-германскую войну, единичные уланы берут города. Я вполне убежден, что должныествовавшие меня сопровождать два полка кавалерии были бы тогда приняты опьяненным народонаселением за несметное войско. Надо было ковать железо пока оно горячо.

В самых отдаленных городах Македонии христиане уже разукрашали дома свои русскими флагами для моей встречи. Мусульмане не только не препятствовали этим приготовлениям, но даже сами относились к ним почти сочувственно»²⁰, — писал Хитрово.

Готовясь к поездке в Македонию, Хитрово предполагал прежде всего восстановить спокойствие в крае, предотвратить религиозные и национальные столкновения. Большое значение он придавал тому, чтобы помешать переселению коренного населения — мусульман албанцев и славян, так как такое переселение привело бы к ненужным жертвам, страданиям, к нарушению хозяйственной жизни в Македонии.

«Македония и Албания, сравнительно с Болгарией, Румелией и Фракией представляют ту особенность, что тамошние мусульмане, весьма впрочем числительные, являются материалом совершенно иного рода. Там почти вовсе нет пришлых мусульман — турок. Тамошние мусульмане: или албанцы, весьма мало проникнутые духом ислама; или потуреченные местные болгаре (помаки), способные на вспышки фанатизма, свойственные всем неофитам, но не имеющие серьезной и прочной подкладки [...]

Вот почему в Македонии я считал особенно важным удержать мусульманское население на местах и предупредить обуйавшее весь мусульманский элемент в Европейской Турции, стремление к эмиграции»²¹.

В своих планах М. Хитрово стремился учесть особенность Македонии, где сохранялась старая феодальная знать, влияние которой основывалось не на исламе и не на близости к турецким властям. Это были остатки старой мусульманской славянской и албанской знати (в западных районах со смешанным албано-славянским населением), возглавлявшей в XVIII — начале XIX в. народную борьбу против турецкого правительства.

На эту знать, пользовавшуюся традиционным уважением местного населения, М. Хитрово предполагал в первое время опираться в своей деятельности. М. Хитрово отнюдь не был сторонником сохранения старых порядков в Македонии. Но старался, чтобы процесс ломки был менее болезненным и не привел к кровавым столкновениям. М. Хитрово и предполагал сначала использовать материальную заинтересованность феодальной знати и опереться на ее поддержку. А затем с «крайней осмотрительностью и осторожностью» приступить к «искоренению влияния местных беев».

Вот что писал М. Хитрово в своей записке: «Вследствие всех вышеизложенных соображений, я решился не чуждаться мусульманского элемента, не отталкивать его от себя, а, напротив, призвать его к деятельности и заинтересовать в возрождении края. Несомненно, что местный бей, influential в стране, знающий местные условия и привыкший управлять, мог сделаться (разумеется, под условием удачного выбора и не иначе как

²⁰ АВПр, ф. СПб. ГА, Политический отдел, д. 2, 1879, л. 10.

²¹ Там же, л. 11.

рядом с русской военной оккупацией и под бдительным нашим надзором) орудием в руках наших, конечно, не менее полезным, чем какой-нибудь русский окружной начальник, не подготовленный и не могущий быть подготовленным к деятельности среди обстановки, для него совершенно новой и чуждой.

Ввиду всех этих соображений, я объявил мусульманам, что мы не только не будем делать различия между ними и христианами, но даже готовы допустить их к отпращиванию общественных должностей наравне с христианами, лишь только представляли бы они нам достаточные гарантии благонадежности.

Факты, казалось, готовы были оправдать мои предположения и надежды. Мусульмане, не только частные лица, но даже турецкие чиновники из Порты, осаждали меня просьбами о принятии их в нашу службу в Македонии [...] Разные народно-влиятельные лица из среды константинопольских мусульман писали родственникам и приверженцам своим в Македонию [...], советуя им признать совершившиеся факты, покориться России, искать сближения с христианами и приготовить мне радушный прием²².

По замыслу М. Хитрово, новая администрация в Македонии должна была основываться на принципе местного самоуправления, на привлечении местного населения к участию в ней, на принципах равенства мусульман и христиан. Главной особенностью, отличавшей новое гражданское управление в Македонии, было бы то, что в нем, по замыслу М. Хитрово, приняло бы участие мусульманское славянское население.

Учитывая более низкий уровень социально-экономического развития Македонии, М. Хитрово считал, что все административные преобразования в Македонии будут проходить медленно и постепенно.

Замыслы М. Хитрово не осуществились. Командировка его в Македонию не состоялась. «Возбужденным ею надеждам и ожиданиям, — писал Хитрово, — не суждено было осуществиться. Все это, как и многое другое, утонуло в мутном море дипломатических осложнений...»²³.

Условия Сан-Стефанского мирного договора и, в частности, пункты его о создании Болгарского государства вызвали сопротивление со стороны правительств Англии и Австро-Венгрии. Опасаясь, что Россия при посредстве Болгарии усилит свое влияние на Балканах, укрепится в проливах и получит доступ к Средиземному морю, Англия и Австро-Венгрия потребовали пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора.

Наставшая на пересмотре Сан-Стефанского договора в целом, английское правительство прибегло к военным угрозам России и опубликовало приказ о призыве резервистов. Поддерживаемое Англией турецкое правительство начало стягивать новые войска к Стамбулу. Русская дипломатия сразу же после подписания Сан-Стефанского мирного договора столкнулась с ожесточенным сопротивлением Австро-Венгрии, стремившейся помешать осуществлению условий договора и добиться его пересмотра. Включение Македонии в состав Болгарии противоречило планам Австро-Венгрии, надеявшейся получить выход к Эгейскому морю через Македонию. Австро-венгерское правительство добивалось того, чтобы земли к западу от реки Струмы не были включены в состав Болгарии и остались под властью Турции²⁴.

В начале марта 1878 г. посол России в Вене Е. П. Новиков сообщил в МИД России о несогласии австро-венгерского правительства с условиями

²² Там же, лл. 13—14.

²³ Там же, л. 15.

²⁴ К. Крачунов. Санстефанский мир. Изграждане и разрушаване на Велика България, София, 1932, стр. 110.

Сан-Стефанского мирного договора. В Вену для специальных переговоров был послан в конце марта 1878 г. Н. П. Игнатъев, бывший посол России в Турции и один из авторов Сан-Стефанского мирного договора²⁵.

Требуя пересмотра Сан-Стефанского договора, Австро-Венгрия настаивала в первую очередь на том, чтобы Македония была исключена из состава Болгарского государства. Австро-венгерское правительство, готовящееся к оккупации Боснии и Герцеговины и замышлявшее превратить Македонию в зону своего влияния, старалось принять меры против введения русской администрации в Македонию.

Резюмируя переговоры с австрийским министром иностранных дел, Н. П. Игнатъев писал: «Граф Андраши настаивает прежде всего на: 1) создании провинции Македонии, не связанной с Болгарией, при условии, что мы не будем гарантировать ей тех прав и привилегий, которые получит Восточная Болгария»²⁶.

Находясь в Вене, Н. П. Игнатъев, не зная положения дел в Македонии, в конце марта запросил телеграммой министерство иностранных дел, послан ли М. Хитрово с войсками в Македонию. Н. П. Игнатъев придавал вступлению русских войск в Македонию большое значение, так как это, несомненно, облегчило бы его положение в переговорах с Андраши. Он телеграфировал непосредственно А. И. Нелидову в Дипломатическую канцелярию: «Уезжаю из Вены. Исполнил лишь поручение доставлением объяснений. Положение натянутое. Император желает соглашения более нежели Андраши, который способен увлечься Англией, если она нам объявит войну. Император дал мне честное слово, что еще не прибегал к военным приготовлениям.

Андраши требует уменьшения Черногории, лишая ее Лима и прибрежья, которое хочет взять себе. Болгарию уменьшить, поставив границы Кюстендиль — черту конференции и выделить часть, лежащую к западу от черты, проведенной от Орфанского залива к Вранью[...] Желательно мне знать, в каких местностях Западной Болгарии водворено уже Хитровым новое правление. Если возможно, телеграфируйте в Петербург для сообщения мне»²⁷.

На свой запрос Н. П. Игнатъев получил отрицательный ответ. Посылка Хитрово в Македонию задерживалась.

Известия о враждебном отношении европейских правительств к Сан-Стефанскому договору, военные приготовления Турции, угрожающая позиция Англии — все это заставило русское командование и русское дипломатическое представительство в Турции медлить с отправкой М. Хитрово в Македонию. Возможно, что некоторое значение имела и неблагоприятная дождливая погода, стоявшая в марте 1878 г. на Балканском полуострове, и болезнь М. Хитрово. Эти причины указывал А. И. Нелидов в ответной секретной телеграмме от 22 марта (3 апреля) 1878 г., посланной на запрос Н. П. Игнатъева.

«Посылка Хитрово еще не состоялась по причине его болезни, крайне дождливого времени года и полной неопределенности политического и военного положения, задерживающего исполнение Портою трактата, в особенности относительно спорных границ Болгарии.

Предполагали отправить Хитрово на днях в Битолию помимо турок. В виду австрийских требований, уведомьте, нужно ли»²⁸.

Узнав о том, что посылка Хитрово в Македонию еще не состоялась и что русское представительство в Турции находится в нерешительности,

²⁵ АВВР, ф. СПб. ГА, V-A₁, л. 2, л. 104.

²⁶ АВВР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 67, л. 142.

²⁷ АВВР, ф. СПб. ГА, V-A₁, д. 2, л. 108.

²⁸ АВВР, ф. СПб. ГА, V-A₂, д. 556, л. 4; копия в ф. СПб. ГА, V-A₁, д. 2, л. 111.

Н. П. Игнатьев настойчиво предлагал осуществить эту посылку. «Остается сожалеть, — писал он в МИД России, — что посылка Хитрово не состоялась своевременно, т. е. тотчас после размены ратификаций. Наше положение относительно австрийских требований было бы лучше, если бы мы могли указать на невозможность восстановления турецкой администрации в области, где существует уже христианское самоуправление, нежели быть вынужденными выгонять впоследствии турок[...] Поездка Хитрово должна иметь в виду лишь восстановление спокойствия в крае и туземного самоуправления, а отнюдь не касаться окончательного разграничения Болгарии... Теперь посылка Хитрово может подать повод к недоразумениям, но все-таки лучше поздно нежели никогда»²⁹.

Следуя настойчивым требованиям Н. П. Игнатьева, Н. К. Гирс телеграфировал А. И. Нелидову в ответ на его телеграмму от 22 марта (3 апреля) 1878 г.: «Граф Игнатьев сожалеет, что Хитрово не был своевременно отправлен и считает необходимым отправить его теперь в видах восстановления спокойствия и туземного самоуправления, но не для разграничения»³⁰.

Спустя несколько дней к Нелидову в Сан-Стефано была отправлена еще одна телеграмма, предлагавшая в случае отправки М. Хитрово в Македонию отказаться от объявления составленной Хитрово прокламации: «Граф Игнатьев сообщает, что если у Хитрово составлена какая-нибудь прокламация, то при нынешнем положении дел распространение ее было бы весьма неудобно»³¹.

В это же время М. А. Хитрово, находясь в Сан-Стефано, старался добиться своей немедленной отправки в Македонию. Он убеждал А. И. Нелидова и начальника генерального штаба русской армии Г. А. Непокойчицкого, что для введения шовой администрации в Македонии достаточно будет двух кавалерийских полков и не понадобится пехотная дивизия, которую русское командование не могло взять из-под Стамбула. М. Хитрово рассчитывал, что местное население окажет ему военную поддержку в случае враждебных действий со стороны турецких войск.

А. И. Нелидов продолжал медлить. Его главным доводом против посылки Хитрово был отказ турецкого правительства послать в Македонию своего представителя для содействия деятельности М. Хитрово.

М. А. Хитрово писал в своей «Записке о Македонии»: «В это время начали приходить телеграммы из императорского министерства с запросами, выехал ли я и где нахожусь. Сообщая мне об этом, д. с. с. Нелидов высказывал мнение, что ввиду отказа турок назначить комиссара для передачи мне страны я буду поставлен в Македонии в неловкое положение и что вследствие этого он намерен отвечать министерству, что поездка моя в настоящее время невозможна.

Я возражал д. с. с. Нелидову, что относительно пользы или вреда моей поездки ввиду отказа Порты назначить комиссара и хотя время уже несколько упущено, все-таки еще можно сказать многое pro и contra.

Действительно, положение мое могло сделаться затруднительным, но достаточно ли было этого соображения для того, чтобы отказаться от тех результатов, которые все-таки могли быть достигнуты своевременным фактическим заявлением условий, выговоренных в пользу Македонии по Сан-Стефанскому договору?

Трудно допустить, чтобы в то время турки решились воспротивиться силою вступлению моему в Македонию. Всего вероятнее, они отнеслись

²⁹ АВПР, ф. СПб. ГА, V-A₂, д. 551, л. 6.

³⁰ Там же, д. 556, л. 5.

³¹ Там же, л. 44.

бы ко мне с той пассивной оппозицией, которая проявлялась тогда во всех отношениях к нам турецкого правительства. Родопского восстания в то время еще не существовало и едва ли осуществилось бы оно при своемвременном водворении нового порядка вещей в Македонии. Турецких регулярных сил против себя я бы вероятно не встретил; для действия же против шаек башибузуков двух кавалерийских полков с артиллерией было бы совершенно достаточно, в особенности ввиду тех ресурсов, которые можно было бы тотчас же найти в местных населенных христиан [...] Всего же вероятнее, ни к какой силе прибегать не пришлось бы, так еще живо было в это время впечатление, произведенное нашими победами»³².

16 апреля 1878 г. А. С. Нелидов телеграфировал в Петербург Н. К. Гирсу, товарищу министра иностранных дел: «Не находите ли Вы, что посылка Хитрово в Македонию теперь, без разграничения и прокламации и без содействия турецких властей, могла бы только привести к столкновению с последними и к анархии, не достигнув никакого положительного результата?»

Нам не удалось пока разыскать ответ на эту телеграмму. Но на тексте ее рукой неизвестного чиновника МИД была сделана помета карандашом: «Отвечено письменно 7 апреля, чтобы поступить по моментным соображениям»³³. Этим, по-видимому, и окончилась переписка А. И. Нелидова с министерством иностранных дел в Петербурге о посылке М. Хитрово в Македонию. Видимо, уже в русском представительстве в Константинополе поездка Хитрово в Македонию была окончательно отменена.

В начале мая 1878 г. М. Хитрово был назначен на пост директора Дипломатической канцелярии при главнокомандующем русской армией генерале Тотлебене³⁴.

М. Хитрово писал в своей «Записке»: «Наконец, мне было объявлено, что командировка моя не может состояться, дабы не компрометировать тех результатов, которых достигла в это время дипломатия наша путем переговоров в Константинополе, в Лондоне, в Вене и в Берлине. Вслед за тем великий князь выехал из армии, и я был назначен директором Дипломатической канцелярии при новом главнокомандующем»³⁵.

Сопоставление и изучение документов из архива М. А. Хитрово и русских дипломатических документов периода марта-апреля 1878 г. приводят к выводу: исходной причиной того, что в Македонии не были окончательно уничтожены остатки турецкой феодальной администрации и не было введено гражданское управление, явилось вмешательство Австро-Венгрии и Англии. Под дипломатическим давлением со стороны Австро-Венгрии и Англии русская дипломатия вскоре после подписания Сан-Стефанского мирного договора вынуждена была отказаться от ряда положений этого договора. Одной из этих первых вынужденных уступок, обусловленных категорическим требованием Австро-Венгрии, было то, что план введения русского гражданского управления в Македонии был оставлен.

По решению Берлинского конгресса Македония оставалась под властью Турции. 23-я статья Берлинского договора предусматривала введение на территории Македонии административных реформ. Контроль над введением реформ должна была осуществлять международная комиссия в Филиппополе.

В заключение еще раз об истории самой «Записки о Македонии». Как было уже сказано, ее составил М. А. Хитрово в июне 1879 г. в связи с его

³² АВПР, ф. СПб. ГА, Политический отдел, д. 2, 1879 г., лл. 16—17.

³³ АВПР, ф. СПб. ГА, V-A₂, д. 556, л. 9.

³⁴ АВПР, ф. СПб. ГА, V-A₁, д. 4, л. 67.

³⁵ АВПР, ф. СПб. ГА, Политический отдел, д. 2, 1879 г., л. 18.

назначением вновь, после многолетнего перерыва, на пост русского генерального консула в Македонии.

Кроме описания событий 1878 г. записка содержала и проект деятельности русского консульства в Македонии в 1879 г. Готовясь занять пост консула в Македонии, М. Хитрово считал, что главной его задачей должна быть поддержка всего, что способствует скорейшему осуществлению 23-й статьи Берлинского договора, т. е. содействие проведению административных реформ, введению, пусть скромной, но автономии Македонии.

Казалось, эти планы М. Хитрово были одобрены в МИДе России. Хитрово было приказано ехать в Константинополь, где он должен был получить подробные инструкции. «Я прочел с особым удовольствием доставленную Вами при письме от 16 июня записку о Македонии [...], — писал Н. К. Гирс М. А. Хитрово, — и счел должным подвергнуть ее на Высочайшее воззрение. На основании приведенных Вами данных будет составлена для Вас инструкция [...] В Константинополе Вы получите от посла ближайшие указания»³⁶.

В Константинополе М. Хитрово прожил два месяца, ожидая приказа двинуться к месту службы в Македонию, и, как писал М. А. Хитрово в частном письме к Н. К. Гирсу, «ше имел случая обнаружить со стороны князя Лобанова особенного нетерпения видеть меня на месте в Македонии»³⁷. Лишь в октябре 1879 г. он получил долгожданную инструкцию из Петербурга, но она уже ничем не напоминала о той программе, которую составил в своей записке М. А. Хитрово, стремившийся к скорейшему осуществлению реформ в Македонии, согласно 23-й статье Берлинского договора.

По-видимому, решительный тон «Записки о Македонии» Хитрово, его программа активных действий не гармонизировали с общим духом осторожности, сдержанности и постепенности, который насаждал в русском министерстве иностранных дел Н. К. Гирс, руководивший в 1879 г. внешней политикой России. Одобрив вначале программу Хитрово, Н. К. Гирс вскоре изменил свое отношение к ней.

С глубоким разочарованием и горечью писал М. А. Хитрово в частном письме к Н. К. Гирсу о крушении его надежд и планов способствовать своей деятельностью на посту русского консула в Македонии улучшению положения македонского населения³⁸.

Но эти события уже выходят за рамки статьи о проекте введения русского гражданского управления во главе с М. А. Хитрово в Македонии в 1878 г.

³⁶ АВПР, ф. СПб. ГА, V-A₂, д. 909, л. 289.

³⁷ Там же, л. 291. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский — посол России в Турции в 1878—1879 гг.

³⁸ Там же.

И. В. Козьменко

БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1876—1878 гг.

Апрельское восстание болгарского народа против турецкого господства, его широкий размах, героизм болгарских повстанцев, трагическая судьба восстания, жесточайшая резня, учиненная турецкими властями при подстрекательстве английских дипломатов — получили широкий резонанс на международной арене. Первой откликнулась на эти события Россия¹. Вскоре о них заговорила вся Европа. И с этого времени болгарский вопрос стал одним из главных в европейской политике.

Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев пристально следил за развитием Апрельского восстания; на основе донесений русских консулов Н. Герова и А. Н. Церетелева он составлял свои доклады Александру II. Они отличаются точным освещением событий, сочувственным отношением к болгарам, трезвой и дальновидной оценкой последствий этого восстания. Он писал: «Всеобщий взрыв угрожает охватить его (т. е. Балканский полуостров) полностью, и герцеговинское восстание, так же как и болгарское, вскоре станет лишь эпизодом в великой драме распада Оттоманской империи»².

Донесения русского консула А. И. Церетелева — замечательный источник по истории Апрельского восстания. С необычайной тщательностью и достоверностью рисовал он пережитое восстание и жестокость турок³.

Полной противоположностью были донесения английских консулов послу Англии в Константинополе Эллиоту и донесения последнего министру иностранных дел Дерби. Для них характерна исключительная тенденциозность и антирусская направленность.

Жестокость турок потрясла тогда всех честных людей Англии. Движение в пользу пострадавших болгар охватило всю трудовую и неофициальную Англию. А в угоду протурецки настроенному Эллиоту и английскому правительству — английский вице-консул Кальварт не останавливался даже перед клеветой на самих несчастных болгар и обвинял повстанцев в зверствах над турками⁴. После того как английские корреспонденты Эдвин Пирс и Мак-Гахан опубликовали в июне сообщения о зверствах турок, полученные ими от представителей болгарской колонии в Константинополе и от бывшего русского консула Н. Герова⁵, были

¹ Этот вопрос достаточно исследован болгарскими и нашими историками. Много нового дает совместная публикация в томе I сборника документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1961 (в дальнейшем сокращенно: Сб., т. I).

² Сб., т. I, № 97, стр. 203.

³ Там же, № 114, стр. 231—233; № 116, стр. 236.

⁴ «Априлско въстание», т. I, София, 1954, № 462, стр. 553.

⁵ См. статью: В. Паскалева. «Демократична общественост в Западна Европа и освобождението на България». — Сб. «Освобождението на България от турско иго». София, 1958, стр. 45—46.

сделаны первые запросы в парламенте. Дизраэли отвечал, что ему якобы ничего неизвестно, хотя он уже все знал из допесений Эллиота, правда, крайне недобросовестных и клеветнических в отношении болгар. Последовавшие затем корреспонденции в «Daily News», «Times» и новые сообщения Пирса, статьи в «Spectator», «Economist» и др., резкие выступления ряда общественных и государственных деятелей заставили английское правительство отказаться от методов голого отрицания фактов или осуждения «бунтовщиков» и «бандитов», как называл Дизраэли болгарских повстанцев, и принять какие-то меры по расследованию карательных экспедиций турецких властей. 2 июля 1876 г. Дерби телеграфировал английскому консулу в Адрианополе Дьюки, что по полученным сведениям число жертв в Болгарии достигло 25 тыс. и что он предписывает ему лично посетить места восстания и сообщить правительству и послу в Константинополе Эллиоту правду об этих слухах»⁶.

Была создана Международная комиссия по расследованию турецких зверств, в которую вошли секретарь английского посольства в Константинополе Уолтер Беринг, американский консул в Константинополе Скайлер, русский вице-консул в Пловдиве А. И. Церетелев. Они посетили места восстания. Если англичане пытались приуменьшить зверства турок и размеры жертв, то А. И. Церетелев, а также американцы и немецкий корреспондент Карл Шнейдер, сопровождавшие комиссию, были в негодовании и рисовали страшную правдивую картину истребления болгарского населения, разорения южной Болгарии⁷.

Полный отчет о расследовании турецких зверств был опубликован в русском «Правительственном вестнике» в августе 1876 г.⁸ Эта официальная публикация, разоблачавшая турецкие зверства, была первой реакцией русского правительства на события в Болгарии. Эта публикация нужна была для того, чтобы возбудить внимание к Болгарии со стороны великих держав — поручительниц Парижского трактата 1856 г.

Россия была инициатором постановки болгарского вопроса в общеевропейском масштабе. Но еще в июне, вскоре после того как в Европу хлынули сведения об Апрельском восстании, накануне сербо-турецкой войны, в замке Рейхштадт в Чехии произошло секретное свидание Александра II и Франца-Иосифа, сопровождаемых Горчаковым и Андраши. Рейхштадское соглашение было *первым* международным соглашением, в котором в известной мере предопределялась судьба Болгарии в случае распада Османской империи.

Следует обратить внимание на то, что было написано о Болгарии в записях русской и австрийской стороны, так как в дальнейшем придется иметь дело с неоднократными обвинениями Андраши в том, что якобы русская сторона *нарушила* Рейхштадтское соглашение, когда в «основаниях мира» с Турцией осенью 1877 г. предусматривалось создание автономной вассальной Болгарии. А между тем, даже в австрийской записи говорилось следующее: «Босния, Румелия и Албания смогут стать автономными государствами» (Курсив мой. — И. К.)⁹, т. е. Андраши соглашался на автономию даже для южной Болгарии, против чего он так яростно потом возражал. В русской записи, одобренной австрийской стороной, говорилось более определенно: «Если бы, наконец, последствием успеха христиан явилось полное крушение Османской империи в Европе, *Болгария и*

⁶ «Априльско въстание», т. I, № 444, стр. 509.

⁷ Там же, стр. 527.

⁸ «Правительственный вестник», 1876, № 175, № 182.

⁹ Сб. «Договоры России с другими государствами» (в дальнейшем — Сб. «Договоры»), М., 1952, № 212, стр. 148. Тогда Ю. Болгарию называли Румелией.

Румелия могли бы образовать независимые княжества в их естественных границах»¹⁰.

Тщательное исследование австрийской записки, в которой так резко звучит антисербский мотив, приводит к выводу о том, что основное положение Рейхштадтского соглашения о *необразовании большого славянского государства*, в условиях июля 1876 г., конечно, было направлено *против Сербии* и возможных территориальных приращений к Черногории. Неслучайна фраза в австрийской записки: «За Сербией *не будет признан* статут независимого государства». Обусловленная этим соглашением аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией была также направлена против Сербии и против возможного объединения этих областей с Сербией.

Это подтверждается и фразой из письма Александра II Францу-Иосифу в сентябре 1876 г. «Я принимаю твоё отвращение к образованию *большого сербского государства*. И я, как ты, отрицаю подобную комбинацию» (курсив мой. — И. К.)¹¹. Однако австрийский канцлер несомненно умышленно так неопределенно формулировал мысль о необразовании «большого славянского государства», а Горчаков совершил большой просчет, не добившись более четкого определения того, что имеется в виду под большим славянским государством. Он наивно положился на обещание Андранши послать ему детальное описание предполагавшихся изменений¹². Это позволило Андранши использовать указанную неопределенность как против России, так и против Болгарии, когда болгарский народ был извавлен Россией от турецкого господства, хотя, как мы видим, Рейхштадтское соглашение предусматривало автономию Болгарии по обоим запискам. И когда осенью 1876 г. Андранши так яростно выступил против проекта о создании единой Болгарии, он нарушил Рейхштадтское соглашение. Напомним и о том, что в австро-русской так называемой Будапештской конвенции от 3(15) января 1877 г. вновь подтверждалось, что Болгария может стать независимой. В ст. I этой конвенции было сказано: «Ввиду того, что Болгария находится в условиях, более благоприятствующих деятельности автономных учреждений, они берут на себя обязательство требовать на конференции для этой провинции более широкой автономии, обставленной серьезными гарантиями»¹³. И, наконец, в дополнительной конвенции, по ст. III, которая подтверждала условия Рейхштадтского соглашения и пункт о необразовании большого сплоченного славянского или иного государства, было сказано: «...Болгария, Албания и остальная Румелия могли бы стать независимыми государствами».

Таким образом, Австро-Венгрия подтверждала свое согласие на образование независимой Болгарии и ее позднейшие протесты были нарушением и этого второго соглашения. Но вопрос о судьбе Болгарии уже вскоре после Рейхштадта вызвал ожесточенную борьбу между Россией, с одной стороны, Англией и Австро-Венгрией — с другой.

Расправа турок над болгарам вызвала протест русского правительства. В отличие от правительства западноевропейских держав, оно сделало представление Константинопольскому двору относительно совершенных черкесскими отрядами зверств. Интересно в этом отношении донесение А. И. Нелидова Горчакову от 12 (24) августа 1876 г., где излагается беседа Нелидова с турецкими министрами, которые пытались оправдать свои действия. Причем Нелидов подчеркивал, что доказательства турецких

¹⁰ Сб. «Договоры...», № 212, стр. 46.

¹¹ В. Н. Sumner. Russia and the Balkans, Oxford, 1937, стр. 208.

¹² Там же, стр. 175.

¹³ Сб. «Договоры...», № 23, стр. 150.

министров совпадали с таковыми в письмах английского посла Эллиота, который также оправдывал карателей¹⁴.

Русское правительство очень сочувственно отнеслось к созданию 8 августа 1876 г. в Филлиппополе (Пловдиве) Международного общества помощи Болгарии. Русский вице-консул А. И. Церетелев стал активным его участником¹⁵. При русском посольстве в Константинополе был создан комитет по оказанию помощи болгарам¹⁶.

Русское правительство усмотрело в болгарских событиях удобный повод для того, чтобы вновь поставить перед державами — гарантами Парижского трактата 1856 г. вопрос о реформах в балканских владениях Османской империи, а также о том, что эти преобразования могут быть выполнены у Турции только *принудительными* мерами и в качестве таковых выдвигало предложение о *временной* оккупации Болгарии русскими войсками, а Боснии и Герцеговины — австрийскими. В августе-сентябре 1876 г. оживленные переговоры по этому вопросу завязались с Англией и Австро-Венгрией, особенно в связи с плачевным состоянием сербских войск, которые терпели уже поражение за поражением. Горчаков выдвинул проект созыва конференции по восточному вопросу. Но дабы установить контакт с Англией и польстить самолюбию английских государственных деятелей, русское правительство хотело, чтобы эта конференция была предложена именно английской стороной¹⁷. Программа конференции предусматривала вопрос о перемирии между Сербией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией — с другой, а также меры по действительному улучшению участи Боснии, Герцеговины и Болгарии¹⁸. Английский кабинет согласился предложить державам-поручительницам конференцию по восточному вопросу. Английское правительство намеревалось таким образом несколько повысить свой авторитет, сильно подорванный резко отрицательным отношением к Берлинскому меморандуму России, Германии и Австро-Венгрии, а также оправдательной позицией в отношении турецких жестокостей в Болгарии. Кроме того, оно хотело отвлечь внимание от турецких дел и дать туркам возможность подготовить свои вооруженные силы для войны против России¹⁹.

Английское правительство сначала предложило программу, предусматривавшую перемирие между воюющими странами, а также систему местной или административной автономии для Боснии и Герцеговины, а также для Болгарии. Сообщая об этом Горчакову, Шувалов писал, что Австрия согласилась на эти условия²⁰, Германия также, если согласна Россия. Он указывал, что следует принять эти предложения англичан, не запаздывать с присоединением «отделиться в настоящий момент это значит играть на руку Турции». «Я должен добавить, — писал он, — что *болгары интересуют англичан гораздо более, чем другие славяне*; нельзя допустить, чтобы правительство их покинуло». К этой фразе Александр II сделал помету: «Что вы думаете об этом? Замечание Шувалова заслуживает того, чтобы мы его приняли»²¹. Русское правительство поспешило принять английскую программу, с тем только, чтобы «широкая автономия была обеспечена за провинциями, в том числе и за Болгарией». К нему присоединились Франция и Италия. Австрийское правительство присоединилось

¹⁴ Сб., т. I, № 212, стр. 340.

¹⁵ Там же, т. I, № 228, стр. 356—357.

¹⁶ Там же, т. I, № 257, стр. 383—384.

¹⁷ С. С. Татищев. Император Александр II, т. II. СПб., 1911, стр. 296.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Д. А. Милютин. Дневник, т. II. М., 1949, стр. 88.

²⁰ Шувалов ошибался. Об этом см. ниже.

²¹ Сб., т. I, № 261, стр. 394.

только тогда, когда Дерби заверил Андранши, что слово «автономия» он понимает весьма ограничительно, только как местную и административную, а не политическую в смысле образования вассальных княжеств²². В России не очень верили в эффективность конференции, но наряду с военными мероприятиями, русское правительство сделало все, чтобы выступить на конференции с действительно серьезными проектами преобразований.

Игнатьеву было предписано разработать прежде всего план устройства Болгарии. Он поручил это сделать А. И. Церетелеву, который хорошо знал обстановку в Болгарии. Церетелев разработал основы этого устройства вместе с секретарем американской миссии Юджином Скайлером, который был одним из членов анкетной комиссии по расследованию турецких зверств и дал в своем докладе объективную картину разорения Болгарии и истребления ее населения. Игнатьев писал, что «привлекая к этой академической работе Скайлера, он имел в виду использовать его участие в «благоприятном для наших планов смысле и через него оказать влияние на английских журналистов... особенно на корреспондентов газ. «Daily News» Пирса и Мак-Гахана, и таким образом воздействовать благоприятно на английское общественное мнение»²³.

Было разработано два проекта — проект максимум (Церетелев — Скайлер) и проект минимум (Игнатьев). Первый проект предусматривал для Болгарии административную автономию в границах дунайского и софийского вилайетов, филиппопольского и сливенского санджаков и некоторых районов Македонии. Болгария разделялась на санджаки, объединяющие кантоны, пользующиеся самоуправлением. Предполагалось создание местной полиции. Во главе Болгарии был бы поставлен генерал-губернатор из христиан, назначаемый на пять лет, по соглашению между Портой и державами-гарантами. Наряду с ним создавалось *провинциальное собрание*, при котором учреждалась специальная комиссия, как административный совет при генерал-губернаторе. Проект содержал и параграф о судах гражданских и уголовных. Трибуналы должны были состояться из лиц, наполовину назначаемых генерал-губернатором и частично избранных провинциальным собранием из числа кандидатов, утвержденных генерал-губернатором. Официальным языком должен был стать болгарский, в смешанных кантонах оба языка будут пользоваться одинаковыми правами. Турецкие власти совершенно отстранялись от участия в сборе налогов.

Очень важен был параграф о «Вооруженных силах». Османские войска могли находиться лишь в крепостях и городах, определенных державами и Портой. Для спокойствия в стране должна была быть создана *национальная гвардия*. Контроль за проведением в жизнь этого проекта должен был осуществляться Международной комиссией²⁴.

Проект-максимум был составлен с учетом местных условий и с учетом тех программ, которые были представлены самими болгарскими — членами Болгарского центрального благотворительного общества в Бухаресте, его Руцукским отделением, а также на основе многочисленных петиций болгарского населения, которые были представлены накануне и в период работы Константинопольской конференции.

Сам Игнатьев писал Горчакову, что его проекты содержат развитие почти «всех нынешних чаяний благомыслящих болгар»²⁵. На случай воз-

²² С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 300.

²³ Сб., т. I, № 344, стр. 487.

²⁴ Там же, стр. 489—491.

²⁵ С. А. Никитин. Неопубликованный проект государственного устройства Болгарии. — «Славянский архив», 1959, стр. 126—135.

ражений со стороны Англии сам Игнатъев составил проект-минимум. Этот «Проект организации Болгарии» предусматривал деление Болгарии на две провинции — Рушцука и Софии во главе с генерал-губернаторами, избранными из христиан. Они управляют провинциями с помощью провинциального собрания, избираемого населением. Сохраняется деление на санджаки со своими губернаторами — христианами, или мусульманами, смотря по большинству населения санджака. Проект предусматривал создание местной полиции и милиции, урегулирование вопроса о взимании налогов, местное судопроизводство²⁶.

По существу этот проект-минимум, для успокоения англичан и австрийцев, вводил разделение Болгарии на две провинции, сохраняя прежнее административное деление и таким образом больше мог удовлетворить и турок, и их покровителей, не дразнил их единой и большой автономной Болгарией.

Горчаков в инструкции от 12 ноября 1876 г. предписывал Игнатьеву сначала представить проект-максимум, а в случае сильного сопротивления — минимум. «Это покажет, что мы не стремимся к диктатуре, в чем нас обвиняют». Если будут отвергнуты оба проекта, то Игнатьев должен был закрепить свое мнение протоколом. Далее следовало очень важное заявление русского МИДа: «Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально, и в особенности *тягостной* своим влиянием на наше финансовое положение»²⁷. Если учесть, что это шифрованная, строго секретная телеграмма, то это очень важно для раскрытия позиции русского правительства, как видно, не расположенного к войне и желавшего всё кончить мирным, дипломатическим путем.

Накануне Константинопольской конференции Игнатьев вел длительные переговоры с английским представителем на конференции — Солсбери. Он проявил большую гибкость и предупреждал Петербург против нескромности, дабы не упустить возможность найти общий язык с англичанами, уступив им по ряду пунктов. Так по вопросу о русской оккупации Болгарии он предлагал уступить англичанам, так как это «могло облегчить ставку наших противников на то, чтобы распустить конференцию и поставить нас в оппозицию ко всей Европе, привести к кровавому конфликту между нами и Турцией». Он указывал, что предложения других дипломатов и вводе в Болгарию войск одной из второстепенных держав или соединенного европейского корпуса заслуживает внимания, и принятие его облегчило бы проведение русской программы, тем более, что Солсбери уже отказался от своего проекта²⁸.

Константинопольская конференция, проходившая с 11 (23) декабря 1876 г. по 8 (20) января 1877 г., приняла после долгого обсуждения программу урегулирования на Балканах. Коснемся только того, что относилось к Болгарии. Напомним, что в адрес конференции в целом и ее отдельных участников огромным потоком шли петиции от болгарского населения с просьбой защитить их от произвола турок с требованием полной автономии. Среди них была и программа Болгарского Народного Собора, т. е. собрания БЦБО от 18—22 ноября, в которой говорилось о том, что Болгарское государство должно управляться самостоятельно и независимо и что для претворения этой программы нужна военная иностранная (външна) оккупация Турции²⁹.

²⁶ См. сб., т. I, № 344, стр. 491—495.

²⁷ Там же, т. I, № 352, стр. 511 (подчеркнуто мною. — И. К.).

²⁸ Сб., т. I, стр. 538.

²⁹ Там же, стр. 557.

Англичане и австрийцы выступили против единой Болгарии, упирая на то, что это якобы ущемит суверенитет султана. Игнатъев уступил им, и, по предложению Солсбери, был принят проект меридионального деления Болгарии, с тем, чтобы черноморское побережье, балканские проходы, подступы к Константинополю были в руках турок и греков³⁰. Болгария была отрезана от Эгейского моря. Граница между Западной и Восточной Болгарией проходила по линии Лом — Палажка — Ихтиман — Серес.

Эти границы Болгарии включали в себя большинство болгарского населения. То, что они были одобрены уже международной конференцией, имело огромное значение для болгар.

Турецким войскам, в отличие от русского проекта, разрешено было входить в пределы обеих провинций, правда только в случае войны, или по просьбе генерал-губернаторов.

По вопросу об иностранной оккупации дискуссия окончилась принятием решения об учреждении специальной жандармерии в 2—4 тыс. человек, из бельгийских войск. Обе провинции Болгарии должны были получить внутреннюю автономию, иметь свои провинциальные собрания, милицию из христиан и мусульман.

Проект для Болгарии, принятый конференцией, был большой победой русской дипломатии, особенно Игнатъева, проявившего себя искусным дипломатом, умело использовавшим противоречия даже между самими англичанами (Солсбери — Эллиот), умело находившим пути компромисса, не приносившего большого ущерба главному — определению пути к освобождению Болгарии, к созданию ее автономии, к уничтожению господства Турции.

Принятие этих решений международным форумом имело большое значение для будущей судьбы Болгарии, так как был выработан тот минимум, на основе которого позднее русское правительство разрабатывало условия мира с Турцией, это было отправным пунктом в определении границ Болгарии, ее политического устройства и в дальнейшем, как мы увидим, русская дипломатия и сама Болгария не раз ссылались на авторитет этой международной конференции.

* * *

Перейдем к рассмотрению того, как решались вопросы, относящиеся к Болгарии, в ходе русско-турецкой войны.

Вступление России в войну против Турции вызвало раздражение, тревогу и недовольство Австро-Венгрии и Англии. Первая, связанная условиями Рейхштадта и Будапешта, заявила о своем нейтралитете, но сочла нужным еще раз напомнить о возможности территориальных изменений³¹.

Англия реагировала очень резко. В ноте Дерби от 19 апреля (1 мая) 1877 г. подчеркивалось, что Англия не принимает доводов русского правительства в оправдание этого решительного шага и не считает, что Россия может действовать от имени Европы, когда сама нарушает Парижский трактат и, что Россия не может рассчитывать на содействие Англии³². В ноте Шувалову от 24 апреля (6 мая) 1877 г. Дерби перечислял интересы Англии в районах Суэца, Египта, Константинополя, проливов и Персидского залива и предупреждал против распространения военных действий России на эти территории³³.

³⁰ В. Н. Sumner. Указ. соч., стр. 239.

³¹ Сб., т. II, № 62.

³² Там же, т. II, № 622.

³³ «Slavonic Review», v. V, № 14, december. 1926, стр. 429—430.

Горчаков в своих двух инструкциях Шувалову от 18 мая заверял английское правительство в том, что русский кабинет совершенно не намерен упрямиться интересам Англии в этих районах. Что касается целей войны, то они заключаются в том, чтобы, с одной стороны, положить конец всяким кризисам на Востоке и, с другой стороны, обеспечить христианам и особенно христианам Болгарии, действительную гарантию, против злоупотреблений турецкой администрации³⁴.

В этой же инструкции, одобренной Александром II, Горчаков заявил: «Мы могли бы уже теперь дать заверение в том, что если нейтралитет держав будет сохранен и если Порта запросит мира прежде, чем наши армии перейдут Балканы, мы согласимся не переходить эту линию»³⁵, и что в этом случае Болгария *до Балкан* будет преобразована в вассальную автономную провинцию, под гарантией Европы, а южной Болгарии будет предоставлена «регулярная» администрация.

Видимо, делая это заявление, русское правительство стремилось успокоить раздражение Англии и побудить Порту к принятию русских условий, с тем чтобы не затягивать войну, против развязывания которой оно не раз возражало, ссылаясь на плохое состояние финансов России и страшая образования антирусской коалиции во главе с Англией.

Но это заявление Горчакова о намерении ограничиться предоставлением автономии одной Северной Болгарии вызвало протест Игнатьева и военного министра Милюткина. Они еще ранее в Петербурге заявляли, что деление Болгарии невозможно, что оно противоречило тому, что отстаивали на Константинопольской конференции. А между тем Шувалов уже сообщил об этом Дерби. По настоянию Игнатьева, Милюткина и Черкасского Александр II и Горчаков согласились на изменение инструкций и было решено возможно скорее известить английский кабинет о том, что русский двор, по зрелом размышлении, убедился в том, что нельзя оставлять под владычеством турок население Южной Болгарии, более всего пострадавшее от произвола турок, что сам император убедился в этом и что поэтому Болгария по обе стороны Балкан должна составить единое вассальное автономное государство³⁶. Уже сообщивший Дерби русские условия Шувалов был ошеломлен, внезапно получив 30 мая 1877 г. телеграмму от Горчакова, гласившую: «После зрелого исследования вопроса мы не можем согласиться на разделение Болгарии на две части: она должна быть единой и автономной»³⁷.

Шувалов запросил разъяснений, и Горчаков в письме от 1 июня 1877 г. ответил: «Мы не можем уступить, когда речь идет о единой и автономной Болгарии. Именно часть, расположенная по ту сторону Балкан, больше всего пострадала от турецкой резни, на ней сосредоточено самое многочисленное, трудолюбивое и развитое население. Необходимость оградить эту территорию от турецкого произвола была признана еще Константинопольской конференцией. Мы не ищем разрыва с Англией и доказали это терпением и предельной умеренностью»³⁸. Кстати, Милютин напрасно обвиняет Горчакова в уступчивости: последний действовал с одобрения Александра II, чьи пометки сохранились на полях инструкции Шувалову от 18 мая (см. док. 62)³⁹.

Это изменение условий не вызвало каких-либо протестов со стороны Англии. Ее очевидно временно успокоили заверения относительно проли-

³⁴ Сб., т. II, № 62.

³⁵ Там же, т. II, № 62.

³⁶ Д. А. М и л ю т и н. Указ. соч., т. II, 176.

³⁷ Сб., т. II, № 77.

³⁸ Сб., т. II, № 78.

³⁹ Д. А. М и л ю т и н. Указ. соч., т. II, ст. 179.

вов, Константинополя, Суэца и Египта, хотя она ранее заявляла, что переход линии Балкан она рассматривает тоже как покушение на ее интересы. Солсбери даже заверил королеву, что от автономии Болгарии английские интересы не пострадают⁴⁰. Но одновременно Англия начала зондировать почву для секретных переговоров с Австро-Венгрией. Андраши заявил в июне 1877 г. англичанам, что Австрия не допустит «образования на своих границах независимых государств»⁴¹.

Когда стало ясно, что последний штурм русскими Плевны обеспечит успех, в половине ноября в главной квартире стали думать об определении условий, на основе которых мог бы быть заключен мир с Турцией. Составление этих условий было поручено А. И. Нелидову — тогда директору дипломатической канцелярии при главнокомандующем. Записка А. И. Нелидова была одобрена Горчаковым в Бухаресте и потом утверждена Александром II в Порадимах под Плевной 27 ноября, накануне генерального сражения⁴². Болгария должна была стать автономным княжеством, платящим дань султану. Впервые в отношении Болгарии русские употребили термин «княжество». Проект мирных условий был тут же сообщен Александру II, германскому и австрийскому императорам, при собственноручных письмах. И в этих письмах о Болгарии было сказано следующее:

«I. Болгария приблизительно в границах, признанных Константинопольской конференцией, станет автономной, но зависящей от султана».

Она должна будет иметь национальную администрацию, территориальную милицию. Русский корпус останется в ней на два года для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование местных учреждений: великие державы договорятся о правительстве, которое во всяком случае должно быть христианским⁴³.

В ожидании ответа решили составить краткие «Основания мира», которые должны были быть приняты Портой как предварительное условие перемирия.

В инструкции Александра II главнокомандующим Дунайским и Кавказским фронтами в отношении Болгарии говорилось следующее: «Болгария в границах, определенных в соответствии с принципом большинства болгарского населения и не меньших, чем намеченные Константинопольской конференцией, будет преобразована в автономное с выплатой дани султану, княжество с национальным правительством и местной милицией»⁴⁴.

«Основания мира», сообщенные Германией и Австро-Венгрией, вызвали весьма сухой и неопределенный ответ германского императора⁴⁵. Венский кабинет медлил, выжидая, как развернутся события. Но когда Порта после прорыва Гурко к Пловдиву и Радецкого к Шипке запросила мира, Австро-Венгрия выступила с резким протестом против сообщенных ей «оснований мира». Франц-Иосиф брал под защиту Турцию и выступал против единой, как тогда говорили, «Великой Болгарии», против русской двухгодичной оккупации⁴⁶.

Англия, при известии о том, что Россия отвергает всякое посредничество и что переговоры о перемирии могут вестись Портой только с русским командованием и что последняя должна сначала принять «Основания мира», заявила свой протест и потребовала, чтобы договор России с Портой

⁴⁰ «Slavonic Review», v. V, № 14, стр. 417.

⁴¹ Там же, стр. 432.

⁴² Сб., т. III. Записка А. И. Нелидова от 10/22 ноября 1874 г.

⁴³ Сб., т. II, № 306. Александр II Вильгельму I от 27 ноября (19 дек.) 1877 г.

⁴⁴ Сб., т. II, № 331.

⁴⁵ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 334.

⁴⁶ Ed. Wertheimer. Graf Julius Andrássy. Stuttgart. 1913, S. 56—58.

был рассмотрен на конференции держав-гарантов Парижского трактата. В этом ее поддержала Австро-Венгрия. Андранш, кроме того, заявил, что создание автономного Болгарского княжества якобы нарушает Рейхштадтское и Будапештское соглашения о необразовании большого славянского государства на Балканах. Он воспользовался неопределенностью формулировки и обратил ее теперь против России и Болгарии.

Так Россия сразу оказалась под обстрелом и Англии и Австро-Венгрии. Угроза англо-австрийского союза, невозможность затягивать войну, заставили русское правительство спешно заявить о том, что мир между Россией и Турцией будет лишь «предварительным» и что все вопросы, имеющие общеевропейское значение, будут окончательно решены *совместно с Европой*⁴⁷.

Завязалась острая дипломатическая борьба за дальнейшую судьбу Болгарии. Освобожденной героическими русскими войсками Болгарии угрожал раздел, возврат Южной Болгарии под власть турецких феодалов.

Англия и Австро-Венгрия яростно выступили против единой Болгарии, так как видели в этом ослабление господства Османской империи, а значит и крушение пресловутого status quo, который они так долго поддерживали в своих собственных интересах. Их пугало и то, что вблизи Константинополя создавалось государство, тесными узами связанное с Россией, где авторитет русского имени достиг небывалых вершин. Предполагаемая двухгодичная русская оккупация могла лишь способствовать упрочению русского влияния, так как мероприятия оккупационных властей по созданию местного самоуправления, завершению аграрного переворота, созданию вооруженных сил страны, совместные болгаро-русские акции против бандитских налетов турок на юг страны, наконец, разработка конституции — все это имело огромное значение для болгарского народа, все это увеличивало симпатии и любовь к России.

Русский царизм, исходя из своих собственных интересов, желая закрепить свои политические позиции в Болгарии, приспособлялся к местным условиям, учитывал настроение болгарской буржуазии и оказывался иной раз в своей болгарской политике, неожиданно для всех, гораздо либеральнее, чем он сам бы этого хотел. Международная ситуация вынуждала его действовать в пользу болгар. И все это приводило к исторически положительным результатам для Болгарии.

Переговоры о Болгарии велись в обстановке острого кризиса, возникшего в связи с приближением русских войск к Константинополю и ответным вводом английского флота в проливы. Военный конфликт между Россией и Англией был настолько возможен, что русская сторона принимала все меры к тому, чтобы, с одной стороны, как-то договориться, с другой стороны, не показывать и своей слабости.

19 января (ст. ст.) 1878 г. в Адрианопле между русской и турецкой сторонами были подписаны «основания мира», существо которых излагалось выше.

Подписание этих «Оснований мира» было первым международным актом, закреплявшим освобождение Болгарии от турецкого господства. После этого в этот же день было подписано соглашение о перемирии, по которому турки уходили из Видина, Силистрии и Шумлы, а русские занимали всю Болгарию, за исключением района Варны и Шумлы.

Опубликование «Оснований мира» усилило враждебность Англии и Австро-Венгрии. Они настаивали на скорейшем созыве конференции до подписания мирного договора между Россией и Турцией.

⁴⁷ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 397.

Александр II писал 26 января (ст. ст.) 1878 г. вел. кн. Николаю Николаевичу, что он не верит в то, что турки искренне подпишут «Основания мира», видимо, они рассчитывали на поддержку Англии и Австро-Венгрии; в связи с этим Россия хотела бы прийти к предварительному соглашению с Австро-Венгрией и Германией и что «во всяком случае, в главных наших требованиях насчет Болгарии мы никаких уступок принять не можем... до окончательного заключения мира нам необходимо оставаться наготове, так как в наш век прогресса лишь одна сила берет верх»⁴⁸.

Русская дипломатия попыталась было разбить намечавшийся союз Англии и Австро-Венгрии. В Вену для переговоров в январе 1878 г. был отправлен Новиков. В инструкции Новикову от 20 января 1878 г. Горчаков указывал, что Андранши «отбрасывает большую Болгарию и нашу длительную военную оккупацию». Новиков должен был успокоить Андранши, что будет подписан лишь предварительный мир и что детали будут уточнены позднее⁴⁹.

Горчаков и Александр II наивно верили еще в возможность соглашения с участниками Союза трех императоров и надеялись, что можно отделить Австро-Венгрию от Англии⁵⁰. Большие надежды возлагались и на Бисмарка.

А между тем возражения и очень резкие против Адрианопольских соглашений поступили и со стороны Англии и они удивительно совпадали с австрийскими. Только протестуя против создания единой Болгарии, Англия говорила об опасности, создаваемой для Греции.

Англия подняла панику в Афинах, и греческое правительство под напором Англии, не объявив войны Порте, ввело свои войска в Эпир и Фессалию. Лишь по настоянию России греческое правительство быстро отозвало свои войска, так как Греции трудно было бы справиться с турками, а русским нужно было бы нарушить перемирие для оказания ей помощи.

Английская провокация провалилась⁵¹. Она имела целью поднять греческую проблему и дать Греции возможность участия в предполагавшейся конференции, как якобы воюющей стороне. Англия рассчитывала использовать свое влияние на Грецию и заставить ее пойти против Болгарии.

23 января Андранши вновь выступил с протестом против Адрианопольских условий мира и вновь торопил с созывом конференции. Местом конференции он предлагал избрать Вену, от чего русская сторона решительно отказалась, не желая воскрешать в памяти Венские конференции в период Крымской войны.

31 января (ст. ст.) 1878 г. Горчаков обратился с меморандумом к русскому послу в Берлине — Убри, где подвергал подробному разбору возражения Англии и Австро-Венгрии против Адрианопольского перемирия. Он заявил, что русское правительство не согласно ограничить самоуправление Болгарии. Он возражал и против оккупации Болгарии бельгийской жандармерией; теперь, после успешной войны, это было бы просто смешно. Возражая против заявления английского правительства о том, что сам факт существования автономного государства у ворот Константинополя был бы крушением господства турок в Европе, Горчаков язвительно указывал, что то же следствие вытекало и из программы Константинопольской конференции, или то, что предложено было там, являлось лишь иллюзией. Горчаков писал, что предложение о разделении Болгарии на две части приведет к тому, что несмотря на все усилия дипломатии, две части

⁴⁸ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 407.

⁴⁹ Сб., т. II, № 295.

⁵⁰ Сб., т. II, № 437. Горчаков — Шувалову 31 января 1878 г.

⁵¹ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 408.

Болгарии непреодолимо будут стараться «соединиться и вместо того, чтобы завершить затянувшееся дело, удовлетворив желание этих народов, стремящихся к нормальному существованию, будут создавать причину для волнений и осложнений»⁵².

«Нужно, чтобы или Европа произнесла смертный приговор болгарской национальности, осуждая ее во имя общих интересов изнемогать под тяжестью турецкого ига... или великие державы наконец признали за болгарской национальностью неотъемлемое право на существование»⁵³. Горчаков указывал далее, что русская оккупация — естественное следствие войны; было бы смехотворно призывать иностранных жандармов вместо армии-освободительницы.

Этот меморандум был послан в расчете на деятельную поддержку Германии. Берлинский кабинет принял его весьма сухо, чем расстроил Александра II, который заметил: «Он мог бы высказаться более решительно»⁵⁴.

А Бисмарк в речи, произнесенной в германском сейме 5 февраля 1878 г., заявил: «Германия никому не станет навязывать своих взглядов, не будет разыгрывать из себя третейского судью, а ограничится ролью *честного маклера*»⁵⁵. В беседе с Убри Бисмарк заявил, что он не будет оказывать давления на Австро-Венгрию. В случае русско-австрийской войны Германия останется нейтральной. «Но стоит ли вести войну для того, чтобы раздвинуть границы Болгарии?»⁵⁶.

Это был вежливый отказ в поддержке русского меморандума от 31 января.

После этого, не имея выбора и желая сохранить Союз трех императоров, русское правительство приняло все меры к тому, чтобы в Берлине был созван конгресс премьер-министров Европы под председательством Бисмарка. На это последний нехотя согласился⁵⁷.

Тем временем Игнатъев спешил с заключением мирного договора с Турцией, с тем чтобы конгресс оказался перед совершившимся фактом. Обстановка, в которой происходили переговоры, была крайне невыгодной для России. Английский военный флот стоял в Дарданелах, английское и австрийское посольство делали все, чтобы помешать подписанию договора, подстрекая турок к срыву и затягиванию переговоров. Очень мешало и то, что русское правительство уже дало согласие на созыв конференции. Турки ссылались на то, что там все будет пересмотрено и просили русских уполномоченных быть более сговорчивыми⁵⁸.

Горчаков очень торопил Игнатъева, но предписывал «особенно твердо стоять на своем во всем, что касается Болгарии»⁵⁹.

Горчаков продолжал надеяться на активное содействие Бисмарка. Он жаловался в письме к Убри: «Англии стало известно, что Австрия возражает против двух из наших основных условий мира, и она стала рядом с ней, чтобы создать центр дипломатического давления, имеющий целью добиться ограничения наших условий даже по сравнению с решением Константинопольской конференции.

Бисмарк собирается сказать свое слово. Его ждет вся Европа. Оно будет решающим»⁶⁰.

⁵² Сб., т. II, № 438.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, № 317.

⁵⁵ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 425.

⁵⁶ С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 427.

⁵⁷ Там же, стр. 428.

⁵⁸ Сб., т. II, № 318. Игнатъев — Горчакову, 3/15 февраля 1878 г.

⁵⁹ Сб., т. II, № 445. Горчаков — Игнатъеву от 3 февраля 1878 г.

⁶⁰ Сб., т. II, № 451. Горчаков — Убри 5 февраля 1878 г.

Петербург не прекращал и переговоров с Андраши, надеясь сломить сопротивление Венского кабинета. Новиков в беседе с Андраши проницательно заметил, что он понимает возражения Андраши против большого славянского государства. «Создание великой Сербии послужит как бы магнитом для всех народов той же расы, населяющих юг Австро-Венгрии, и может содержать в себе опасность для неприкосновенности этой державы. Но я заговорил иначе, услышав те же суждения в отношении создания болгарского государства»⁶¹. Новиков этим намекал, что в свое время пункт о несоздании большого славянского государства был направлен против Сербии, как возможного центра объединения австрийских сербов, хорватов и словенцев. Он убеждал Андраши, что создание единой Болгарии установит равновесие на Балканах и даже сделает сербов «безобидными для будущего монархии»⁶².

Андраши не мог не согласиться с этими доводами и тогда выдвинул английскую версию об угрозе для Греции. Но Новиков заметил, что мирный договор преднамеренно не включает районы Адрианополя и Салоник, чтобы не вступать в конфликт с единоверцами — греками. Но Андраши занимал непримиримую позицию по болгарскому вопросу и не шел ни на какие уступки.

19 февраля (3 марта) 1878 г. в Сан-Стефано был подписан мирный договор между Россией и Турцией, закрепивший итоги русско-турецкой войны — уничтожение господства Османской империи на большей части Балканского полуострова. Телеграфируя об этом Горчакову, Игнатьев сообщал, что: «Болгарские границы устанавливаются согласно проекту, включая болгарское побережье возле Каваллы. Только города Салоники и Адрианополь остаются под властью Турции»⁶³. В специальной записке Игнатьев, сообщал, что, по политическим соображениям, несколько округов со стороны Эпира, Константинополя и Адрианополя оставлены за Турцией, дабы не возбуждать англо-австрийских протестов и недовольства греков, не давая англичанам возможность кричать о болгарской угрозе греческой независимости⁶⁴.

День подписания Сан-Стефанского мирного договора стал днем Освобождения Болгарии, который с 1878 г. ежегодно отмечается болгарским народом.

Не анализируя содержания договора, необходимо, однако, подчеркнуть, что все статьи, касающиеся Болгарии, не были плодом отвлеченной фантазии Игнатьева, как это утверждали даже многие русские современники. Он был основан на требованиях самих болгар, отвечал давним их надеждам и чаяниям. Если мы сравним болгарские программы будущего устройства Болгарии, то увидим, что они нашли свое претворение в Сан-Стефанском договоре.

* * *

Заключение Сан-Стефанского договора еще более накалило международную обстановку. Милютин писал вел. кн. Николаю Николаевичу 27 февраля 1878 г., что хотя мир и заключен, но, пока он не признан Европой, нельзя ослаблять боевого положения, так как исход конгресса может привести к разрыву с Англией и Австро-Венгрией. Отсюда необходимо обеспечить западные границы, для чего срочно требуется переброска войск с Балкан. Оставшимся же там войскам предстоит в случае войны — «отстоять

⁶¹ Сб., т. II, № 473. Новиков — Горчакову 11/23 февраля 1878 г.

⁶² Там же.

⁶³ Сб., т. II, № 489.

⁶⁴ Сб., т. II, № 489, Прилож.; Игнатьев и Нелидов — Горчакову 21 февраля (5 марта) 1878 г.

занятое нами положение на Балканском полуострове и ограничить русские черноморские берега от нападения неприятельского флота»⁶⁵.

Борьба за Болгарию разгорелась с еще большей остротой, чем ранее. Теперь Австро-Венгрия соглашалась лишь на Болгарию до Балкан. Андраши заявил, что будет поддерживать свое предложение «любыми средствами». «Даже путем войны?» — спросил его Новиков. «Всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении», — ответил австрийский канцлер, уклоняясь от прямого ответа. Он далее сообщил, что ведет переговоры с Англией, и что последняя уже предложила ему наметить Балканы, как границу нового государства⁶⁶.

Англо-австрийский стовор обнаруживался все с большей силой. Чиновник австрийского Министерства иностранных дел Шветель составил записку о Болгарии, из которой стало ясно, что Австро-Венгрия потому возражает против единой Болгарии, что опасается за свои экономические интересы в районе Митровицы — Салоники⁶⁷.

Русское правительство решило тогда пойти на компромисс в болгарском вопросе. На политических совещаниях в Петербурге в апреле 1878 г. было решено пойти на разделение Болгарии на две области с тем, чтобы «успокоить непомерный аппетит Австрии и чтобы оторвать ее от союза с Англией»⁶⁸.

Одновременно было решено начать переговоры с Лондоном. В переговорах с Австро-Венгрией русская сторона вернулась к предложениям Константинопольской конференции о меридиональном делении Болгарии. Обе части должны были стать совершенно равноправными княжествами. Но и эта уступка не удовлетворила Австро-Венгрию, она настаивала на Болгарии до Балкан⁶⁹.

Вскоре англо-австрийский союз обнаружился в полной мере. Английский министр иностранных дел Дерби накануне своей отставки в марте 1878 г. говорил Шувалову, что Англия не будет возражать против единой Болгарии, если Россия найдет для англичан компенсацию в виде морской базы вне Мраморного моря и Дарданелл⁷⁰. Но после отставки Дерби и замены его Солсбери эти переговоры прекратились. Последний 4 апреля 1878 г. выступил с резким циркуляром, в котором изображал Болгарию как проводника русского влияния, поглощающую греческое население Балкан.

Горчаков дал исчерпывающий ответ на это выступление Солсбери в специальном циркуляре, где опровергались все английские доводы о русском контроле в Болгарии⁷¹.

В мае начались переговоры с Солсбери. Шувалов писал Горчакову 12 (24) мая: «После ожесточенной битвы с Солсбери, мы составили мемуар». 18 (30) мая 1878 г. было подписано секретное соглашение между Россией и Англией о разделе Болгарии на две части — на северное — вассальное княжество — и южную автономную провинцию, во главе с губернатором. Границы Болгарии отдалялись от Эгейского моря. Русская сторона настаивала на уходе турецких войск из Ю. Болгарии. Англия же была за предоставление султану права размещать войска в южной провинции, а значит постоянно угрожать Северной Болгарии⁷².

⁶⁵ Сб., т. III, № 363.

⁶⁶ Сб., т. III, № 387.

⁶⁷ Д. А. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 46.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Сб., т. III, Горчаков — Новикову 21 апреля 1878 г.

⁷⁰ Сб., т. III, № 378, 378а; Д. А. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 35.

⁷¹ «Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie pour l'année 1878». S. Pétersbourg, 1879, стр. 221—231.

⁷² Сб. «Договора...», № 26.

Надежда на какую-либо уступчивость Англии провалилась. Она оказалась не менее агрессивной, чем Австро-Венгрия.

6 июня (н. ст.) 1878 г. между Англией и Австро-Венгрией было подписано так называемое джентльменское соглашение о разделении Болгарии на две части. Северная Болгария ограничивалась линией Балкан. Султан сохранял политический и военный контроль над Южной Болгарией⁷³.

Россия оказалась в полной изоляции.

4 (13) июня 1878 г. в Берлине собрался конгресс держав, подписавших Парижский трактат. Его решения в отношении Болгарии были в сущности уже predeterminedены англо-русским соглашением 18 (30) мая и австро-английским от 6 июня 1878 г. Русской дипломатии было крайне трудно отстаивать свое мнение. Гирс в письме от 20 июня 1878 г. к Лобанову-Ростовскому писал, что русское правительство крайне сожалеет о судьбе Болгарии, но все что удалось отстоять, было вырвано усилиями наших уполномоченных «из рук недоброжелательных наших противников, морально объединившихся против нас». И далее заключал «мы надеемся, что Болгария постепенно станет прочным гнездом, вокруг которого все болгары смогут однажды соединиться»⁷⁴.

Болгарский вопрос на Берлинском конгрессе был главным предметом дискуссии. Шувалову пришлось уступить по вопросу о праве султана иметь войска в Южной Болгарии. Русские настояли лишь на включении Софийского санджака и Варны в состав Северной Болгарии. Гирс писал Лобанову-Ростовскому, что «право султана располагать свои войска в балканских проходах и на побережье, было самой тягостной для нас жертвой»⁷⁵. Но перед коалицией Англии, Австро-Венгрии и Германии Россия оказалась бессильной. Идти же на риск войны не только с Турцией, но и с англо-австрийской коалицией, русское правительство не могло, так как армия была сильно истощена войной, государственная казна опустошена. Приобретения в Малой Азии его пока вполне удовлетворяли.

Что касается Болгарии, то русское правительство неоднократно выражало уверенность в том, что разделение Болгарии недолговечно. Милютин писал, что как бы ни были велики уступки, сделанные Россией, все же налицо огромный шаг вперед в ходе восточного вопроса. «Можно иметь уверенность в том, что образуемая ныне на севере Балкан маленькая автономная Болгария послужит ядром для будущего объединения всего болгарского народа в одно самостоятельное государство»⁷⁶.

Русское правительство не оставляло мысли об объединении Болгарии. 18 июня 1881 г. при возобновлении Союза трех императоров оно добилося включения в заключительный протокол следующей формулировки: «Три державы не будут противиться возможному соединению Болгарии с восточной Румелией в пределах территориальных границ, указанных им Берлинским трактатом, в случае если этот вопрос был бы выдвинут силой вещей»⁷⁷. Проавстрийская позиция Баттенберга, затем недальновидная политика Александра III помешали быстрому осуществлению планов воссоединения обеих частей Болгарии.

Постановления Берлинского конгресса для Болгарии были крайне реакционные. Трагическая судьба Болгарии взволновала все прогрессивное, что было в России. Но даже реакционные постановления не смогли уничтожить главного результата войны — ликвидации турецкого господства.

⁷³ В. Н. Сумнер. Указ. соч., стр. 496.

⁷⁴ Сб., т. III. Гирс — Лобанову от 20 июня 1878 г.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Д. А. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 70.

⁷⁷ Сб. «Договоры...», № 31, стр. 232.

Пути Берлинского трактата были вскоре уничтожены произошедшим в 1885 г. Воссоединением Северной и Южной Болгарии.

Русское же правительство, пойдя на уступки накануне и в период Берлинского конгресса, приложило максимум усилий к тому, чтобы обеспечить выполнение условий трактата, несмотря на провокации англичан. Ни Родопский инцидент, ни пограничные конфликты в Южной Болгарии, ни провокационная пропаганда английской агентуры, рассчитанная на срыв работы Тырновского народного собрания, ни препоны, чинимые Международной комиссией по Восточной Румелии, — ничто не могло остановить русское правительство в стремлении дать обеим частям Болгарии свое местное самоуправление, судоустройство, вооруженные силы и наконец основные законы в виде Тырновской конституции и Органического статута, что закрепило государственность Болгарии.

В результате переговоров с турками, русское правительство одержало крупную победу, добившись их согласия не вводить своих войск в Южную Болгарию⁷⁸.

* * *

Свобода Болгарии была завоевана совместно пролитой кровью русских солдат и героических сынов Болгарии. Она рождалась и в острой борьбе великих держав между собой. Освобожденная от пятивекового турецкого гнета, Болгария вышла на международную арену.

Правда, она долго еще оставалась игрушкой в руках великих держав. И лишь после 9 сентября 1944 г. народная Болгария стала подлинно свободным и суверенным государством, где народ сам решает свои дела и проводит внешнюю политику в интересах своей страны и всего социалистического лагеря.

⁷⁸ Д. А. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 141; С. С. Татищев. Указ. соч., т. II, стр. 481.

В. И. Адо

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН НА КАФЕДРЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Казанский университет имеет богатые традиции в области изучения истории южных славян. Он был одним из крупных центров русской дореволюционной славистики.

Возникновение славяноведения в Казанском университете относится к 40-м годам XIX в. и связано с именем крупнейшего русского ученого-слависта В. И. Григоровича. Большая заслуга В. И. Григоровича перед русским славяноведением заключается в том, что он создал школу казанских славистов, представители которой внесли ценный вклад в изучение истории и культуры южных и западных славян. Из этой школы вышел воспитанник Казанского университета П. А. Ровинский, который стал известным этнографом-славистом, историком и публицистом.

После В. И. Григоровича долгие годы представлял славяноведение в Казанском университете его ближайший ученик, видный русский славист М. П. Петровский. В последующие годы плодотворно трудились в этой области казанские ученые И. А. Снегирев, И. Н. Смирнов, А. И. Александров, Н. М. Петровский. Незадолго до первой мировой войны в стенах Казанского университета начинал свою деятельность А. М. Селищев, впоследствии один из крупнейших советских ученых в области славянского языкознания.

В первые два десятилетия Советской власти, в связи с реорганизацией гуманитарных факультетов, разработка проблем славяноведения велась главным образом в области языкознания. В этом направлении работал профессор Казанского университета и Педагогического института, член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Богородицкий. Его труды касались общего языкознания, экспериментальной фонетики, сравнительной грамматики индоевропейских, славянских и других языков. А. В. Богородицкий основал в Казани первую в России экспериментально-фонетическую лабораторию.

В 1939 г. при Казанском университете был восстановлен историко-филологический факультет, который развернул свою научную работу в 40-е годы. В конце 40-х годов на кафедре всеобщей истории с позиций марксистско-ленинской методологии стали изучаться важные проблемы славяноведения.

Заведующий кафедрой всеобщей истории доцент А. С. Шофман разрабатывает историю Македонии и македонского народа. В центре его внимания история античной Македонии. В 1960 г. Казанским университетом была опубликована монография Шофмана по истории доэллинистической Ма-

кедонии, в которой были подведены итоги многолетних исследований автора.

В настоящее время А. С. Шофман закончил и издал вторую часть своего труда — историю Македонии в эллинистический и римский периоды¹. Основные положения этого труда были доложены автором на итоговой научной конференции Казанского университета за 1961 год и на учредительном съезде Общества истории и археологии при Казанском университете, состоявшемся в апреле 1962 г. На основе археологических, эпиграфических, нумизматических памятников, а также литературных источников автор устанавливает основные этапы исторического развития античной Македонии, сыгравшей видную роль в истории древнего мира. В работе рассматриваются проблемы македонского этногенеза, сложение македонской государственности, осуществление ее внутренней и внешней функций и связанные с этим завоевания Греции и Востока. В работе выясняется место, которое занимала Македония в греко-эллинистическом мире, развенчивается миф о благородной миссии римлян на Балканах, устанавливаются основные черты социально-экономического развития македонского общества в составе римской провинциальной системы².

Круг научных интересов А. С. Шофмана распространяется также на историю славянской Македонии. В течение ряда лет он читал специальный курс по истории Македонии с древнейших времен до первой мировой войны. В 1961 г. Казанским университетом был издан (в офсетной лаборатории) под редакцией профессора А. И. Данилова двухтомный курс лекций доцента Шофмана по истории Македонии³.

Внимание А. С. Шофмана как исследователя привлекают проблемы развития исторической науки, в частности русского славяноведения. Работая над историей Казанского университета в дореволюционный период, проследившая развитие научной мысли в нем, Шофман отмечал большую роль научной и педагогической деятельности В. И. Григоровича, одного из основателей русского славяноведения. Он характеризовал последнего как передового ученого своего времени, научные и общественные взгляды которого были близки взглядам Белинского и Герцена⁴.

Важную роль в изучении истории, языка и культуры южных славян сыграли посещения балканских стран русскими учеными и путешественниками. Обзору научного значения русских путешествий в Македонию посвящена статья А. С. Шофмана, опубликованная в 1960 г. в Известиях Всесоюзного географического общества. Отмечая большое значение для изучения Македонии путешествий В. И. Григоровича, Е. П. Ожакова, Е. П. Ковалевского и др., автор подчеркивает, что особенно интенсивное изучение македонской культуры и истории русскими путешественниками связано с деятельностью Русского археологического института в Константинополе, открытого в 1895 г. и просуществовавшего до первой мировой войны⁵.

¹ А. С. Шофман. История античной Македонии. Доэллинистическая Македония, ч. I. Казань, 1960; ч. II. Македония и Рим. Казань, 1963.

² А. С. Шофман. Крушение древнемакедонского государства.—Итоговая научная конференция Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина за 1961 г. Казань, 1962, стр. 26—30.

³ А. С. Шофман. Очерки по истории Македонии и македонского народа. (С древнейших времен до первой мировой войны). Курс лекций, прочитанных на историко-филологическом факультете, вып. I, II. Казань, 1960, 1961.

⁴ А. С. Шофман. Казанский университет до Великой Октябрьской социалистической революции.—История Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина, гл. I. Казань, 1954, стр. 24; Он же. Казанский период жизни и деятельности Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1956, стр. 70—72.

⁵ А. С. Шофман. Из истории русских путешествий в Македонию.—Известия Всесоюзного географического общества, Казань, т. 92, № 1, 1960, стр. 53—62.

Исходя из основополагающего значения трудов В. И. Ленина для понимания национально-освободительного движения балканских народов, А. С. Шофман сделал по этому вопросу доклад на научной сессии в Ленинграде, посвященной 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Сосредоточив внимание на высказываниях В. И. Ленина о национально-освободительном движении в Македонии, автор выделяет в ленинском наследии по данной проблеме и подвергает рассмотрению три важных вопроса: 1) о социально-экономических предпосылках национально-освободительного движения, 2) об исторических особенностях этого движения, 3) о вмешательстве западноевропейских держав во внутренние дела балканских государств. Данный доклад был опубликован Казанским государственным университетом в 1961 г. в сборнике докладов юбилейной сессии⁶.

Старший преподаватель В. И. Адо, автор настоящей статьи, работает в области изучения истории русско-болгарских общественных отношений и связей в период освобождения Болгарии от турецкого ига и воссоздания болгарского национального государства. Конкретно предметом исследования является отношение общественности России к Берлинскому конгрессу 1878 г. и его решениям по болгарскому вопросу. Берлинский конгресс, на котором решалась судьба Болгарии, явился важным моментом как в истории болгарского народа, так и в истории русско-болгарских отношений.

В формировании и развитии этих последних существенную роль играло русское общественное мнение. Изучение поставленной проблемы ведется в двух аспектах. С одной стороны, выясняется отношение к решениям конгресса различных политических течений в России, вскрывается классово-политическая основа этого отношения и прослеживается борьба в общественном мнении России вокруг оценки Берлинского трактата.

Другим аспектом темы является выяснение объективного значения позиции различных общественных течений в оценке решений Берлинского конгресса для судеб болгарского народа и для русско-болгарских отношений. Подобной постановкой вопроса автор пытается выяснить роль в рассматриваемый период различных классов и политических течений русского общества в развитии исторических связей и дружбы русского и болгарского народов.

Общие контуры предпринятого исследования были намечены в докладе В. И. Адо на тему: «Болгарский вопрос на Берлинском конгрессе 1878 г. и общественное мнение в России», тезисы которого были опубликованы в 1955 г. в Ученых записках Казанского университета⁷.

Автора занимает вопрос об отношении русских революционеров и демократической печати к итогам русско-турецкой войны и Берлинского конгресса. В статье, посвященной этому сюжету, прослеживается отношение демократического лагеря к балканским событиям 1875—1876 гг., к русско-турецкой войне и к Берлинскому конгрессу. Приведенный в статье материал показывает, что демократическая печать решительно осуждала захватнические стремления великих держав, прежде всего русского царизма. Резко критикуя политику последнего, нашедшую выражение в Сан-

⁶ А. С. Шофман, В. И. Ленин и некоторые вопросы национально-освободительного движения балканских народов. — В кн.: «90 лет со дня рождения В. И. Ленина». (Доклады научных работников Казанского государственного университета, сделанные на юбилейной сессии в Ленинграде в апреле 1960 года). Казань, 1961, стр. 144—164.

⁷ В. И. Адо. Болгарский вопрос на Берлинском конгрессе 1878 г. и общественное мнение в России. — «Уч. зап. Казанского гос. университета», 1955, т. 115, № 10, стр. 159—162.

Стефанском договоре, в деятельности русского гражданского управления в Болгарии, нападая на Берлинский трактат, демократы выражали искреннее сочувствие балканским народам, стремление обеспечить их подлинную независимость и не допустить навязывания болгарам иностранной опеки и реакционных порядков. Решение славянского вопроса ставится ими в связь с развитием и победой революционного движения в России и у славян. Сообщенные в статье факты свидетельствуют об острой борьбе в оценке решений Берлинского конгресса демократического лагеря против либералов и консерваторов⁸.

Анализируя отношение к берлинскому конгрессу помещичье-буржуазного общественного мнения, В. И. Адо констатирует столкновение двух течений: открыто шовинистического, выступавшего против уступок и призывавшего к новой войне, и сторонников мирного урегулирования восточного вопроса путем соглашения с европейскими державами. Грызния в помещичье-буржуазном лагере, по мнению автора, не только выражала обострение противоречий в среде господствующих классов под влиянием дипломатических неудач царизма, но являлась прежде всего отражением страха имущих классов перед назревавшей революцией и поисками путей её предотвращения⁹. Особый раздел в работе составляет анализ отношения помещичье-буржуазного общественного мнения к различным аспектам болгарского вопроса в период подготовки и проведения Берлинского конгресса¹⁰.

Научные интересы старшего преподавателя А. В. Сергеева лежат в области истории русского славяноведения. Особое внимание он уделяет изучению научного наследия В. И. Григоровича. В публикациях А. В. Сергеева рассматривается становление В. И. Григоровича как ученого слависта, выясняется его роль в создании «кафедры истории и литературы славянских наречий» в Казанском университете и в превращении последнего в крупный центр славяноведения, подводятся итоги поистине титанической работы, проделанной ученым во время трехлетнего путешествия по славянским странам и отмечается значение открытых им ценнейших историко-литературных памятников, на много лет приковавших внимание ученых к Казанскому университету¹¹.

В своем исследовании А. В. Сергеев прослеживает эволюцию философских и общественно-политических взглядов Григоровича, анализирует взгляды последнего на важнейшие проблемы истории славян (разложение родового строя, славянская община, феодализм, сословия, крестьянство и его борьба в период феодализма и т. д.), решаемые выдающимся славистом оригинально, не в духе официальной науки того времени. Сергеев считает ошибочным мнение некоторых ученых, считавших взгляды Григоровича идентичными славянофилам. Мировоззрение ученого формировалось под

⁸ В. И. Адо. Русские революционеры и демократическая пресса об итогах русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г.—«Уч. зап. Казанского гос. университета», 1957, т. 117, № 10, стр. 231—285.

⁹ В. И. Адо. Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России.—«Исторические записки», т. 69, 1961, стр. 101—141; Он же. Либеральная пресса в России об итогах Берлинского конгресса 1878 года.—«Уч. зап. Казанского гос. университета», 1957, т. 117, № 9, стр. 47—52.

¹⁰ В. И. Адо. Отношение помещичье-буржуазного общественного мнения в России к решениям Берлинского конгресса 1878 г. по болгарскому вопросу.—Итоговая научная конференция Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина за 1960 год. Казань, 1961, стр. 41—45.

¹¹ А. В. Сергеев. К вопросу о возникновении славяноведения в Казанском университете.—«Уч. зап. Казанского гос. университета», 1957, т. 117, № 2, стр. 69—73; Он же. О научной командировке В. И. Григоровича в славянские земли.—«Уч. зап. Казанского гос. университета», 1957, т. 117, № 9, стр. 59—64.

влиянием не только передовых идей Запада (английских и французских просветителей, немецких философов XVIII—XIX вв.), но и революционных демократов славянских стран, в частности Белинского и Герцена. А. В. Сергеев отмечает близость Григоровича к передовому студенчеству, его идейные связи с русскими, болгарскими и польскими революционерами. Вместе с тем А. В. Сергеев справедливо замечает, что следует глубже изучить не только то, что сближало Григоровича с революционными демократами, но и то, что отдаляло его.

Воздерживаясь от окончательной оценки общественно-политических взглядов Григоровича, А. В. Сергеев, однако, приходит к выводу, что «это был передовой ученый-просветитель, официально высказанные взгляды которого укладываются в рамки буржуазного либерализма 60-х годов, но неофициальные взгляды и симпатии которого были близкими революционной демократии»¹².

К научной работе по славистике привлекаются студенты. За последние годы было защищено около 40 дипломных работ по истории южных славян, преимущественно по истории Болгарии и народов Югославии. Дипломные работы затрагивают вопросы истории национально-освободительного, рабочего и социалистического движения в странах южных славян, русско-славянских общественных отношений, проблем строительства социализма в балканских странах народной демократии, а также развития советско-болгарских экономических и культурных связей и сотрудничества. При кафедре имеется аспирантура по истории южных славян.

Кафедра всеобщей истории Казанского университета предполагает расширить и углубить свою работу в области изучения истории зарубежных славян. Дальнейшее развитие исследовательской работы будет вестись в направлении изучения новой и новейшей истории южных и западных славян и проблем славянской историографии¹³.

¹² А. В. Сергеев. К вопросу об общественно-политических взглядах В. И. Григоровича.—Итоговая научная конференция Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина за 1961 г. Казань, 1962, стр. 31—33.

¹³ В настоящей статье использованы материалы об изучении истории и культуры южных славян в Казанском университете, любезно предоставленные доцентом А. С. Шофманом.

П. С. СОХАНЬ. ПЛАМЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова

Издательство Академии наук Украинской ССР.

Киев. 1962, 215 стр.

Жизнь и деятельность Георгия Димитрова, исключительно яркая, насыщенная героическим пафосом борьбы и самоотверженной работы на благо трудящихся, неоднократно вдохновляла и будет еще долго вдохновлять исследователей болгарского и международного коммунистического движения¹. Жизненный путь этого выдающегося революционера настолько тесно связан с народом, наполнен таким богатым содержанием, что его невозможно исчерпать в какой-нибудь одной работе. Каждый исследователь открывает в нем все новое богатство. По-настоящему плодотворной может быть работа исследователя лишь в том случае, если он, основываясь на марксистско-ленинской методологии исторического изучения, подходит к рассмотрению жизненного подвига Георгия Димитрова не как к подвигу героя-одиночки, каким Димитров в действительности никогда не был, а как к подвигу революционера — марксиста, кровно и неразрывно связанного с жизнью и борьбой рабочего класса.

Именно с этих позиций подошел к своей задаче автор рассматриваемой книги.

Работа П. С. Соханя пропитана большой любовью к болгарскому народу и его выдающемуся сыну Георгию Димитрову. Глубоко прочувствованно рассказывает он о жизненном пути Димитрова, еще с юношеских лет вступившего на путь революционной борьбы. На ярких примерах в книге показано, как в горниле классовой борьбы выковывались выдающиеся качества пролетарского революционера, его исключительные организаторские способности, глубокое понимание чаяний и нужд трудящихся, целеустремленность, бесстрашие и стойкость в борьбе за дело рабочего класса.

¹ В последние годы появился ряд новых исследований о Г. М. Димитрове. См., например: И. П. Рахманова. Георгий Димитров на Лейпцигском процессе. — «Новая и новейшая история», 1957, № 2; Она же. Из истории международного антифашистского движения в связи с Лейпцигским процессом. — «Вопросы истории», 1957, № 5; П. Радеикова. Някои нови данни за биографията на Георги Димитров (1904—1923). — «Известия на института по история на БКП», т. 7, София, 1960; Н. Т. Недев. Отражение на Лейпцигския процес в България. София, 1962; Он же. Борба българских трудящихся за освобождение Георгия Димитрова из гитлеровской тюрьмы. — «Новая и новейшая история», 1962, № 3; А. Кореньков. Георгий Димитров. М., 1962; Д. Коджейков. Георги Димитров и българското революционно профсъюзно движение. — В кн.: «Профсъюзни летописи», т. 1, София, 1962; E. Kallbe. Freiheit für Dimitroff. Leipzig, 1963 и др.

Автор подробно останавливается на Лейпцигском процессе, где Димитров превратил скамью подсудимых в мировую трибуну, с которой нанес сокрушительный морально-политический удар по гитлеризму.

Специальная глава посвящена показу Г. М. Димитрова как рулевого Коминтерна, отдававшего все свои силы постоянному разоблачению варварской сущности фашизма, борьбе против наступления реакции, против войны, подготавливаемой, а затем и развязанной германским фашизмом при явном поощрении других империалистических держав. В последней части книги П. С. Сохань останавливается на роли Георгия Димитрова в организации антифашистской и национально-освободительной борьбы болгарского народа в период второй мировой войны, победы народного восстания 9 сентября 1944 г., строительстве народно-демократической Болгарии.

Приступая к рассмотрению многогранной революционной деятельности Георгия Димитрова, автор с самого начала подчеркивает марксистское положение о том, что та или другая талантливая личность может сыграть действительно выдающуюся прогрессивную роль только в том случае, если вся ее теоретическая и практическая деятельность будет наиболее полно и глубоко выражать интересы самого передового для данного исторического периода класса и будет способствовать закономерно развивающемуся поступательному ходу истории. На протяжении всей работы автор стремится не только показать, что Георгий Димитров являлся одним из таких выдающихся борцов, в жизни и деятельности которых нашли свое воплощение все лучшие черты и качества, идеалы и стремления самого революционного класса — пролетариата. Он вместе с тем органически связывает это с показом решающей роли народных масс, борьбы рабочего класса, развития и деятельности Коммунистической партии Болгарии.

В книге раскрыты образы целой плеяды выдающихся руководителей болгарского рабочего класса, учителей и соратников Димитрова — Димитра Благоева, Георгия Киркова, Христо Кабакчиева, Васила Коларова, отражена деятельность других видных борцов болгарского и международного революционного рабочего движения.

Другая важная положительная сторона книги П. С. Соханя, которую хочется подчеркнуть, это то, что автор не становится в позу бесстрастного регистратора исследуемых событий, но связывает их с практикой сегодняшнего дня, показывает значение изучения жизни и борьбы Георгия Димитрова и событий, в которых он участвовал, для воспитания нынешнего поколения борцов и строителей коммунизма, для практики нынешнего революционного движения.

Так, излагая содержание доклада Георгия Димитрова на VII конгрессе Коминтерна, автор проводит параллели с сегодняшним днем, показывает, как идеи, выдвинутые VII конгрессом Коммунистического Интернационала, перекликаются с идеями важнейших документов нынешнего международного коммунистического и рабочего движения — программы КПСС, принятой XXII съездом, программного документа мирового коммунистического движения, принятого на Московском совещании в ноябре 1960 г. и других.

Вместе с тем автор подчеркивает и показывает, что творчески разрабатывая вопросы тактики единого рабочего и народного фронта, Димитров по сути развивал идеи, имеющиеся в работах В. И. Ленина.

На ряде примеров позднейшего периода автор показывает жизненность и актуальность этих положений стратегии и тактики международного рабочего и коммунистического движения. Это относится, например, к вопросам создания единой партии пролетариата, правительства антифашистского Народного фронта как одной из важнейших переходных форм к

пролетарской революции, необходимости борьбы за сохранение мира и возможности предотвращения мировой империалистической войны, к вопросам о справедливых национально-освободительных войнах, о необходимости решительной борьбы против догматизма и сектантства.

В приложении к книге дан составленный автором по материалам советской печати перечень статей, речей, бесед и писем Георгия Димитрова, не вошедших в его собрания сочинений, а также упоминаний о выступлениях Димитрова. Многие из включенных в этот перечень работ разысканы автором в центральной и местной украинской прессе. Некоторые из них, как, например, статьи Димитрова по случаю третьей годовщины со дня смерти В. И. Ленина, цитируются в самой работе и таким образом становятся достоянием широкой общественности. Эта часто остающаяся в тени сторона исследовательской работы, требующая большого и кропотливого труда, имеет немаловажное значение для дополнительного раскрытия богатства мыслей и неутомимой деятельности Георгия Димитрова. Тот факт, что и после опубликования книги П. С. Соханя в печати появляются сведения о новых неизвестных до сих пор выступлениях Георгия Димитрова (см., например, речь Димитрова, произнесенную по радиостанции им. Коминтерна в Москве 24 мая 1925 г., о которой сообщалось в газете «Рабочничеко дело» от 1 декабря 1962 г.), свидетельствует о том, что эту работу следует продолжить.

Автор вводит в научный оборот малоизвестные документы и материалы, почерпнутые из ряда архивов. Им использованы пресса, периодика, литература.

Книга П. С. Соханя уже обратила на себя внимание советской и болгарской общественности. Так, центральный орган Болгарской коммунистической партии газета «Рабочничеко дело» отмечает, что «благодаря новым документам, глубине научного исследования книга представляет собой оригинальное и значительное произведение о жизни и деятельности пламенного революционера»².

Все вышесказанное дает нам основание присоединиться к этой высокой оценке. Однако работа П. С. Соханя не лишена и некоторых недостатков. В ней имеются пробелы в разработке отдельных вопросов, допущены неточности фактического характера, не везде удачны формулировки. В изложении материала встречаются неровности. Об одних событиях говорится достаточно подробно, в то время как другие незаслуженно обойдены или затронуты только вскользь.

Так, например, говоря о развернувшемся во всем мире движении широкой антифашистской солидарности с обвиняемыми коммунистами в период Лейпцигского процесса, автор обошел молчанием движение солидарности на родине Димитрова и не показал влияние этого движения на развитие единства действий болгарских трудящихся масс. Приходится выразить сожаление также, что о деятельности Георгия Димитрова как депутата Верховного Совета СССР в период 1937—1945 гг. упоминается лишь в списке (стр. 174), но эта деятельность не раскрывается на конкретном материале. По нашему мнению, следовало бы более обстоятельно, чем это сделано в книге, осветить деятельность Георгия Димитрова в период сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии, огромную работу, проделанную им по строительству народно-демократической Болгарии.

Отметим некоторые недоговоренности и неточности фактического характера. На стр. 69, где упоминается, что тесняки выдвинули и отстаивали лозунг создания Балканской федеративной демократической республики, сказано, что они не указывали правильных революционных путей

² «Рабочничеко дело», 23 января 1963 г.

осуществления этого лозунга. Однако это верное утверждение автора остается не раскрытым. Очевидно, здесь следует указать, что в отличие от Ленина, который считал, что Балканская демократическая федерация могла быть осуществлена в результате революции рабочих и крестьян балканских стран, тесняки придерживались плехановской тактики, считая, что своей борьбой рабочий класс должен толкать буржуазию балканских стран и заставить ее осуществить эту федерацию.

На стр. 18 говорится, что во время сентябрьского восстания 1923 г. брат Георгия Димитрова Тодор являлся одним из руководителей этого восстания в Софийском округе. Но дело в том, что в результате крупного провала революционного комитета в Софии и по ряду других причин в Софии и Софийском округе восстание так и не смогло начаться. Оно было сорвано. Тодор Димитров мог участвовать лишь в подготовке восстания.

На стр. 48 сказано, что Георгий Димитров эмигрировал из Болгарии в октябре 1923 г. На самом деле Димитров, вместе с остальными членами Главного военно-революционного комитета и отступившими после поражения восстания повстанческими отрядами, перешел болгаро-югославскую границу в конце сентября того же года.

На стр. 84 автор пишет, что учредительный съезд БКП (т. с.) в мае 1919 г. принял новую программу партии. В действительности на этом съезде была принята не программа, а программная декларация.

На стр. 88 автор говорит о предательской деятельности реформистских профсоюзов в период стачки железнодорожников 1919—1920 г. Здесь речь должна идти только о лидерах реформистских профсоюзов, а не самих профсоюзах, тем более, что на следующей странице сам автор сообщает как о положительном факте, что вскоре реформистские профсоюзы объединились с революционными профсоюзами на революционной платформе.

На стр. 186 говорится об участии болгарских войск в освобождении Словакии в 1945 г. Здесь также допущена неточность. Очевидно речь должна идти не о Словакии, а о Словении.

В книге имеется еще ряд подобных неточностей фактического характера.

Несмотря на отмеченные пробелы и недостатки, выход в свет книги П. С. Сохана является весьма положительным явлением. Автор творчески подошел к разрешению проблем, связанных с изучением героической жизни Георгия Димитрова. Книга проникнута духом пролетарского интернационализма и способствует укреплению нерушимой болгаро-советской дружбы.

Л. Б. Валев

ХРИСТО ГАНДЕВ. ЗАРАЖДАНЕ НА КАПИТАЛИСТИЧЕСКИ ОТНОШЕНИЯ В ЧИФЛИШКОТО СТОПАНСТВО НА СЕВЕРОЗАПАДНА БЪЛГАРИЯ ПРЕЗ XVIII в.

София, 1962, 185 стр.

Процесс так называемого почифличенья, явившийся результатом разложения военно-феодальной системы турецкого землевладения, протекал на протяжении XVIII—XIX вв. в большинстве балканских земель, приводя к важным изменениям в аграрных отношениях, к обострению классовых противоречий между поработощным крестьянством и турецкими феодалами, к бурному росту национально-освободительного движения. Поэтому понятен интерес, который в последнее время проявляется истори-

ками к изучению этого сложного и многообразного явления в аграрной истории балканских народов.

Книга профессора Христо Гандева основана на богатом архивном материале, который лишь недавно начал изучаться и вводиться в научный оборот болгарскими ориенталистами. В монографии использованы переводы судебных протоколов (сиджидов) кадиев Видина, а также Софии и Русе от различных лет XVII—XVIII вв. Эти документы дают богатый материал о характере правового положения чифликов, их хозяйстве и т. д. Кроме того, автор вел розыски в селах Видинского округа, изучая сохранившиеся исторические, хозяйственные, топонимические, нумизматические данные, чифликчийские постройки и т. д.

Труд проф. Гандева посвящен исследованию одного из видов чифликов — своего рода хуторов, возникавших главным образом на пустующих землях. Турецкое правительство охотно распродало в XVIII в. такие земли богатым турецким гражданам, преимущественно горожанам, которые и основывали на них чифлики, заводя свое хозяйство, устраивая мельницы, пасеки, животноводческие фермы и т. д. Приведенный в книге материал свидетельствует, что в XVIII в. в Северо-Западной Болгарии шел процесс мобилизации необрабатываемых ранее земель турецкими гражданами за счет пустующих земель, а отчасти и захватов общинной и наделенной земли крестьянства. На территории Видинского пашалыка не было ленных владений спахиев и все земли входили в так называемый фонд хаса: ими распоряжались султан и члены его семьи или крупные чиновники и военачальники, которым хасы — наиболее крупные земельные пожалования, передавались на время службы. Это в известной мере облегчало процесс возникновения чифликов.

Проф. Гандев подробно исследует особенности экономической структуры чифликов, методы хозяйствования в них и приходит к заключению, что это были хозяйства капиталистического типа. По мнению автора, чифлики превращались для их владельцев в «торговый капитал», который приносил ежегодную земельную ренту и которым можно было свободно маневрировать как буржуазной собственностью. В чифликах применялась наемная рабочая сила. Батраки-ратан вербовались из числа обезземеленных крестьян, получавших от хозяев жилье и денежное вознаграждение. Автор считает, что чифликчийское землевладение представляло собой явление разложения турецкой феодальной системы и вместе с тем «общую форму перехода к капитализму в области сельского хозяйства» (стр. 182).

Можно согласиться с рядом конкретных выводов проф. Гандева, сделанных на основе детального анализа богатого архивного материала. В то же время некоторые положения, выдвинутые в книге, являются, на наш взгляд, спорными. Так, вызывает сомнение, можно ли столь резко противопоставлять экономическую структуру и отношения собственности в чифликах-хуторах и в чифликах, возникавших в результате захвата турками земель, принадлежавших крестьянам, которые превращались в так называемых чифчиев своих новых господ, несли на их землях барщину. В книге говорится об образовании и этого рода чифликов, которые автор для отличия от чифликов-хуторов называет агальками или господарьками. Можно согласиться с выводом проф. Гандева, что такие агальки были хозяйствами не капиталистического, а феодального типа. Однако необходимо учитывать, что их образование было результатом разложения старой военно-феодальной системы турецкого землевладения, приспособления помещичьего хозяйства к развитию товарно-денежных отношений. Несмотря на то, что в методах ведения хозяйства между чифликами-хуторами и чифликами-агальками были существенные отличия — для первых было характерно применение наемной рабочей силы, а для вторых — бар-

щинный труд крестьян, хотя не исключалось и его сочетание с наемным трудом, — общим для всех видов чифликов было развитие товарных хозяйств, производивших продукты, шедшие на продажу.

По нашему мнению, не было принципиальной разницы и в характере собственности на землю владельцев чифликов-хуторов и чифликов-агалыков. В обоих случаях это еще не была ничем неограниченная, не связанная с какими-либо привилегиями собственность капиталистического типа. Общественно-политическое состояние Османской империи в XVIII в. — слабость центральной власти, бесконечные феодальные мятежи и анархия, национальное неравноправие подданных Порты, — все это не создавало необходимых условий для укрепления свободной земельной собственности капиталистического типа. Право владельцев чифликов на отчуждение своих владений существовало к тому же и в более раннее время (как и право на отчуждение христианами своих наделов). Как отмечает сам автор (стр. 102), владение чифликами было своего рода привилегией турок как господствующей нации: среди их владельцев в документах не упоминаются болгары.

Проф. Гандев считает, что чифлики-хутора в Северо-Западной Болгарии явились базой для развития капитализма в сельском хозяйстве. Нельзя отрицать, что возникновение чифликов капиталистического типа вело к складыванию слоя наемных рабочих — болгар. Но оно отражало процесс зарождения не болгарской, а турецкой буржуазии в болгарских землях, бывшей там своего рода чужеродным телом. Полагаем, что развитие капиталистических отношений в Болгарии шло прежде всего за счет складывания национальной буржуазии.

В заключительной главе книги проф. Гандев сравнивает процесс чифличества с основными формами перехода к капитализму в сельском хозяйстве Англии в XVI—XVII вв., проводя прямую аналогию между огораживанием и возникновением товарных фермерских хозяйств в Англии и появлением чифликов в Северо-Западной Болгарии. «Становление капитализма в сельском хозяйстве Северо-Западной Болгарии в XVIII в. вполне аналогично как в отдельных его элементах, так и в целом, с процессом, который происходил в первой половине XVII в. в Англии» (стр. 182). Переход к капитализму в сельском хозяйстве, по мнению автора, «как своей механикой, так и своими элементами» был общим для развития капитализма в Англии в XVII в., во Франции в XVIII в. и Северо-Западной Болгарии; в этом отношении не было «существенных различий между европейским Востоком и европейским Западом» (стр. 182).

Процесс становления капитализма в сельском хозяйстве, конечно, имеет общие закономерности и черты, в той или иной мере проявлявшиеся во всех странах, проходивших этот этап развития. Поэтому можно найти общие черты этого процесса в Англии и Болгарии или какой-либо другой стране. Однако, полагаем, что это не поможет выявить специфические особенности развития капитализма в Болгарии. Условия существования балканских народов, находившихся под иноземным владычеством отсталого военно-феодального турецкого государства, были совершенно иными, чем в Англии. К тому же возникновение капиталистических методов хозяйства в чифликах-хуторах Северо-Западной Болгарии было скорее частным явлением и не определяло общие формы развития капитализма в Болгарии и других балканских странах.

Все эти спорные положения не умаляют научных достоинств книги проф. Христо Гандева, которая несомненно вносит полезный вклад в изучение сложных вопросов развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Болгарии.

И. С. Достян

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В БУРЖУАЗНОЙ БОЛГАРИИ

Читая болгарские газеты и журналы 20—30-х годов, невольно обращаешь внимание на часто встречающиеся переводы произведений советских авторов, на рецензии и заметки об отдельных книгах, обзорные статьи о советской литературе. Особенно это характерно для общественно-политических и литературных изданий болгарских коммунистов и антифашистов. Но не только для них; материалы такого рода мы найдем и в либеральной буржуазной печати. Все эти факты — одно из неоспоримых свидетельств того, как советская книга, пользуясь огромной популярностью в среде широких кругов болгарских читателей, преодолевала всевозможные препятствия, чинимые ей правящими кругами, и воздействовала на литературную жизнь Болгарии, на творчество многих болгарских поэтов и прозаиков.

В глубоком интересе передовых болгарских литераторов к поэзии, прозе и драме советских писателей проявились давние традиции русско-болгарских литературных связей, которые на новом историческом этапе обогатились идеями интернационализма, их глубокими симпатиями к новой социалистической действительности в Советском Союзе и ее новому человеку. Свидетельством тому служит творческая практика К. Смирненского и Г. Милева, Г. Бакалова и Л. Стоянова, Н. Ванцарова и Н. Хрелкова, Х. Радевского, Г. Караславова и многих других болгарских писателей.

И все же многие из этих фактов до сих пор оставались лишь в подшивках журналов и газет, ставших ныне библиографической редкостью, оставались лишь в памяти тех, кто сам участвовал в литературной борьбе той поры. Отсюда возникало много трудностей при исследовании советско-болгарских литературных и культурных связей. Ныне этот пробел в значительной степени восполняется очень ценным сборником материалов, воспоминаний и документов, подготовленным Институтом литературы Болгарской Академии наук под названием «Советская литература в Болгарии 1918—1944»¹.

Составители и редакторы книги — С. Божков, С. Стоименов и Х. Дудевский — в кратком предисловии к сборнику рассказывают, что они ставили своей целью показать с помощью документов, а также воспоминаний писателей, переводчиков и активных участников антифашистской борьбы благотворное влияние советской литературы на литературную и творческую мысль болгарского народа. Сборник, как указывают составители, «содержит преимущественно материалы о советской художественной и общественно-политической литературе, так как в этот период интерес к таким книгам был очень велик»².

В приведенном высказывании есть тенденция расширительного толкования вопроса литературных связей, включая сюда не только собственно художественную, но и общественно-политическую литературу. Если же внимательно присмотреться к содержанию книги, то основное место в ней уделено вопросам проникновения, распространения и воздействия советской художественной литературы. Это следовало бы отразить в предисловии, а может быть и в самом заглавии книги. На многочисленных примерах составителям удалось показать, как произведения советских авторов воздействовали на общественную мысль, на революционное сознание болгарских писателей и читателей, как они воздействовали на эстетическую и художественную практику болгарских литераторов.

С нашей точки зрения, такой подход к вопросам связей очень плодотво-

¹ «Съветската литература в България. 1918—1944. Сборник от материали, спомени и документи». София, 1961.

² Там же, стр. 4.

рен и принципиально отличается от прежних формалистических работ по связям, сводившим большую и сложную проблему к одним литературным заимствованиям. Вопрос же о распространении и воздействии советской общественно-политической литературы на идеологическую жизнь в Болгарии имеет самостоятельное значение. Здесь он не получил ни должного обоснования, ни развития. А те немногочисленные факты, которые вошли в рецензируемый сборник, выглядят в нем инородным телом и своих специфических задач не выполняют. Весь труд был бы более целенаправленным, если бы составители проявили большую взыскательность и последовательность в отборе материала, сосредоточив все внимание на роли художественной литературы.

Сборник «Советская литература в Болгарии» состоит из трех самостоятельных частей, не равных по объему и не одинаковых по своей научной ценности. В первую из них — «Статьи и рецензии» (стр. 9—137) составители включили материалы периодической печати; во вторую часть — «Воспоминания» (стр. 139—389) — статьи и заметки, специально написанные для данной книги, а в третьей части — «Документы» (стр. 391—472) содержатся материалы болгарских архивов. Дополняя друг друга, эти разделы в целом позволяют представить характер советско-болгарских литературных связей с 1918 по 1944 г. и их значение для общественной и литературной жизни Болгарии тех лет.

Для широких кругов читателей несомненный интерес представит первый раздел книги, в котором собраны статьи, рецензии и заметки болгарских литераторов, публиковавшиеся в различных периодических изданиях. Среди них мы найдем довольно известные статьи Г. Бакалова, Г. Милева, Л. Стоянова, Т. Павлова, Г. Цанева, которые уже печатались в сборниках или избранных сочинениях этих же авторов, а также менее известные выступления других писателей — Д. Полянова, Х. Радевского, М. Марчевского, Г. Караславова, А. Тодорова. Составители сознательно отказались от стремления включить весь материал о советской литературе в болгарской периодике. «Мы не имели возможности, — пишут они в предисловии об этом разделе, — показать широко статьи, посвященные советской книге, а остановились только на тех, которые более ярко показывают усилия нашей передовой интеллигенции установить прочный и постоянный контакт с культурными ценностями Советского Союза». С общим принципом отбора, принятым составителями, можно согласиться, так как он в целом позволяет уяснить, кто же в эти годы в Болгарии был наиболее ревностным пропагандистом советской литературы и, с другой стороны, как воспринималась литература и творчество отдельных советских писателей.

Для нас, например, в высшей степени интересно, что Гео Милев, будучи страстным почитателем западной литературы, выступал в начале 20-х годов за укрепление русско-болгарских культурных и литературных связей. А в своей статье «Современная русская литература» (1924 г.) он писал, что «французская и немецкая литература бледнеют ныне перед тем, что дает русская литература Европе. И не только количественно, но и качественно. Из России выходят школы и теории, до которых западное новаторство еще не дошло»³. Два года спустя в журнале «Наковалня» Д. Полянов выступает против политики правящих кругов, отгораживавших «китайской стеной» болгарскую литературу от русской. Разоблачая нападки русских эмигрантов на советскую культуру, он писал: «Подлинная новая русская литература создается только на старой великой русской земле сыновьями стомиллионного русского народа... В литературе и вообще в искусстве появились новые ратники, целые фаланги борцов, кото-

³ Там же, стр. 30.

рые, хотя еще и неопытны, но уже творят новейшую русскую литературу»⁴.

В конце 20 — начале 30-х годов с рецензиями и статьями о советской литературе выступают Г. Бакалов, Л. Стоянов, Г. Цанев, А. Тодоров, Х. Радевский, В. Александров и многие другие болгарские критики и писатели. В сборнике приводится очень содержательная статья Х. Радевского «Современная русская поэзия» (1938 г.), представляющая собой предисловие к известной в свое время, а ныне ставшей библиографической редкостью, «Антологии современной русской поэзии». Выражая мнение своих коллег, болгарский поэт писал: «По общественной значимости, по темпам своего роста и широте задач, которые она ставит, эта поэзия не имеет себе равных в истории литературы»⁵.

О ком же чаще всего пишут болгарские литераторы в 20-е и 30-е годы? Разумеется, о М. Горьком и В. Маяковском. Их творчеству посвящают свои статьи и писатели-коммунисты и писатели, стоявшие на общедемократических позициях. Кроме того, внимание болгарских поэтов и прозаиков привлекают произведения А. Блока, А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, Ф. Гладкова, А. Новикова-Прибоя, А. Серафимовича и других писателей.

В основу первого раздела сборника составители положили материалы революционных болгарских изданий — газет «Работнически вестник», «РЛФ», «Щит» и журналов — «Пламък», «Наковальня», «Звезда», «Нова литература», «ЛИК». Однако сам по себе верный принцип составителями не доведен до конца. Следовало бы также использовать и такие издания болгарских коммунистов, как журналы «Ново време», «Нов път», «Кормило», в которых также было не мало откликов на произведения советских писателей.

С начала 30-х годов роль советской литературы в Болгарии настолько возросла, что о ней стали писать в положительном плане не только в революционных изданиях. Поэтому правильно поступили составители, включив в книгу и материалы газет «Литературен глас», «Вестник на жената», «Литературен преслед», журнала «Изкуство и критика». Но тем досаднее видеть здесь пропуски. Почему-то совсем не использованы «Ведрина», «Светлоструй», «Дъга». Не следовало также исключить из поля зрения и статьи, печатавшиеся в 30-х годах в журналах «Златорог», «Мисъл», «Българска мисъл» или газету «Заря». В результате различных пропусков мы не найдем в книге весьма примечательных высказываний И. Йовкова и А. Златарова о М. Горьком, статей Х. Радевского о С. Маршаке и Э. Багрицком, рецензий на произведения советских авторов В. Александрова, М. Николова, Г. Константинова, А. Тодорова и других. Нельзя согласиться с тем, что все эти материалы менее значительны в научном и политическом отношении, чем те, которые вошли в книгу. Во всяком случае, если у составителей не было возможности опубликовать полностью или в сокращенном виде указанные статьи и рецензии, то их следовало бы дать в качестве библиографического приложения. Такое дополнение обогатило бы книгу и расширило наше представление об интенсивности и разносторонности литературных связей 20—30-х годов.

Самым большим по объему и наиболее интересным по содержанию нам представляется раздел воспоминаний. Большинство помещенных в нем статей публикуется впервые, и они в наибольшей степени проливают свет на многие вопросы собственно путей проникновения книг советских авторов, историю некоторых переводов, восприятие их болгарскими писателями, переводчиками или читателями. Каждая статья здесь по-своему инте-

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ Там же, стр. 79—80.

ресна, так как отражает и особенности духовной жизни тех лет, и политическую атмосферу и разнообразные эпизоды, связанные с чтением и распространением произведений советской художественной литературы. Особенно нам хотелось бы выделить в этом разделе содержательные воспоминания Д. Осинина «Отзвуки Октябрьской революции», В. Александрова «Как родилась большая любовь», Г. Цанева «Непобедимая». Из них мы, например, узнаем о разных путях проникновения советской литературы в Болгарию в начале 20-х годов, в частности, о проникновении сборников стихов, рассказов советских писателей, выпускавшихся прогрессивными берлинскими изданиями.

Показательна для 20-х годов и та борьба среди творческой интеллигенции, которая велась вокруг творчества С. Есенина, В. Маяковского.

Свидетельства многих современников позволяют говорить, что в 20-е годы в Болгарии особенно популярны были советские поэты — А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин. Их стихи и поэмы читались в переводах и особенно в оригинале. С конца 20-х начала 30-х годов широкое распространение получает советская проза — романы М. Горького, М. Шолохова, Ф. Гладкова, И. Эренбурга, А. Новикова-Прибоя, А. Толстого и др. Более широкий круг поэтов стал привлекать внимание болгарских литераторов. Популярными становятся произведения А. Жарова, М. Светлова, Н. Тихонова, А. Суркова, Э. Багрицкого, а из литературы для детей стихи С. Маршак и К. Чуковского.

Воспоминания С. Стоименова и Т. Плюнкова позволяют представить, какую роль выполнили издательства «Нов свят» и «Българска книжнина» в пропаганде и популяризации советской литературы на болгарском языке. А небольшие статьи М. Марчевского, Г. Жечева, И. Маринского, Ц. Цветкова знакомят нас с историей появления переводов таких крупных произведений советской литературы, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», «Золотой теленок». Ряд интересных сведений содержат и воспоминания активных участников революционного движения, учителей, библиотекарей о воздействии книг советских писателей на формирование революционного сознания широких кругов болгарских читателей в Софии, Пловдиве, Ломе, Варне. Советская художественная литература, по признанию С. Стоименова, сыграла огромную положительную роль в Болгарии — «она оставила огненный след в борьбе нашего народа за свержение фашизма и победу прогрессивных сил»⁶.

В то же время книги советских писателей были большой школой идейно-художественного роста для многих болгарских поэтов и прозаиков. В статье «Путь развития» Л. Стоянов пишет: «Мы воспринимали социалистический реализм как борьбу с мещанством, с буржуазными остатками во имя будущего, которое ясно раскрывалось перед нами... Болгарские прогрессивные писатели (и многие демократические писатели, которые следовали методу критического реализма) делали усилия усвоить некоторые стороны социалистического реализма»⁷. Активный участник революционных изданий 30-х годов, поэт и переводчик, страстный почитатель советской литературы А. Тодоров заканчивает свои воспоминания такими знаменательными словами: «Мало сказать, что советская литература моя учительница. Она основа всей моей писательской деятельности, главное содержание того, что я читал, о чем думал и чем жил. Наряду с нашей литературой, она учила и учит меня понимать нашу, болгарскую жизнь, и жизнь в мире»⁸.

О значении произведений советских авторов в их личной творческой

⁶ «Съветската литература в България», стр. 309.

⁷ Там же, стр. 162—163.

⁸ Там же, стр. 194.

практике рассказывают Ламар, К. Калчев, С. Даскалов, М. Марчевский, И. Мартинов. Эти признания как бы приоткрывают перед нами отдельные стороны творческой лаборатории болгарских художников слова, но тем досаднее, что составители не использовали здесь высказывания К. Кюлявкова, не дали воспоминаний Х. Радевского, О. Василева, К. Константинова, которые также многое почерпнули для своего творчества из книг советских литераторов. Хотелось бы видеть в этом разделе истории переводов собрания сочинений М. Горького, переводов А. Толстого, А. Серафимовича, А. Фадеева, «Антологии современной русской поэзии», в которой были представлены стихотворения 51 советского поэта. Как сообщалось в болгарской печати, Институт литературы БАН предполагает продолжить работу по собиранию и изданию материалов, связанных с советско-болгарскими литературными связями, а внимательное рассмотрение уже изданных работ позволяет говорить, что у составителей есть еще большие резервы для каждого раздела и в частности для раздела воспоминаний.

В третьей части книги составители собрали документы различных архивов о запрещении распространения или издания различных книг советских авторов, сообщения прогрессивных издательств о готовящихся переводах романов, аннотации, рекламные информации.

На любого читателя, особенно советского, производит большое впечатление тот факт, что сама советская литература была в глазах монархо-фашистской охраны «делом», подрывающим устой буржуазного режима. Как показывают многие документы, с особенной тщательностью полицейские чиновники изымали из бандеролей, приходивших в Болгарию, книги М. Горького, Д. Бедного, М. Шолохова, М. Кольцова, отдельные номера литературных журналов, работы советских литературоведов. Юношей и девушек, замеченных в чтении романов «Мать» или «Как закалялась сталь» исключали из гимназий. Ограничивался доступ книг советских авторов и в публичных библиотеках. И чем больше ожесточалась полицейская охранка против издательств, журналов, газет или отдельных лиц — пропагандистов советской литературы, тем больший интерес она вызывала в среде прогрессивной интеллигенции, в революционных кружках, среди партизан и политзаключенных. Доказательством этого служат многие протоколы, донесения, распоряжения официальных чиновников.

В этом разделе, наряду с важными документами, характеризующими отношение правящих классов к советской художественной литературе, не мало включено и таких сведений, которые не имеют прямого отношения к теме всего сборника. Так, вряд ли целесообразным было помещение здесь письма ячейки Московского МОПРа к узникам Хасковской тюрьмы (стр. 396—397), письма Л. Карастояновой Н. Островскому (стр. 412), распоряжения и донесения чиновников полиции о научной и политической литературе, некоторые издательские каталоги вышедших книг. Здесь было бы более уместным дать полностью списки вышедших книг советских писателей в Болгарии на болгарском языке в период с 1918 по 1944 г. По данным Болгарского библиографического института всего было издано за этот период 173 книги⁹. Полностью этот список нигде не публиковался, а он бы представил интерес и для тех, кто занимается русско-болгарскими связями и для специалистов по советской литературе.

Нельзя не остановиться и на таком вопросе. Подбор архивных материалов велся в основном по линии выявления распоряжений цензоров полицейской охраны, публикации свидетельских показаний и распоряжений прокуроров. В то же время крайне мало использовано архивное эпи-

⁹ См. «Съветска художествена литература в България 1944—1954». Библиографски справочник. София, 1955, стр. 4.

столярное наследие, в том числе письма Д. Полянова, Г. Бакалова, К. Кюлязкова, Н. Хрелкова и др. Крайне мало использованы советские архивные фонды Г. Бакалова, Иностранной комиссии ССП, журнала «Интернациональная литература». Фактически выпал из поля зрения составителей период с 1918 по 1924 г. Только этим можно объяснить отсутствие материалов, связанных с изданием «Червен смях», «Пламък», с деятельностью Х. Ясенова, Г. Милева, С. Румянцева и др.

Сборник снабжен комментариями (автор Х. Дудевский) и указателем собственных имен, произведений, названий газет и журналов. Этот справочный материал помогает читателю найти необходимую справку, понять смысл и значение отдельных документов. Введение такого справочного аппарата выгодно отличает настоящее издание от других работ, выпускаемых по большей части без комментариев и без указателей. И все же в адрес составителя комментариев хотелось бы высказать некоторые упреки и пожелания.

По содержанию большая часть комментариев сводится к сообщению, где опубликована статья или рецензия (по первому разделу), где хранится рукопись (по второму разделу), когда издана та или иная книга на русском или болгарском языке (в третьем разделе). Все эти данные сейчас помещены в самом конце книги, а ведь они могли быть указаны в конце публикуемого документа или, в крайнем случае, в конце каждого раздела, что значительно облегчило бы пользование им. Такого рода сведения, безусловно, необходимы, но не они должны составлять основное содержание комментария. В статьях, рецензиях, а особенно в воспоминаниях, указываются многие имена, факты, которые заслуживают точной, краткой и в то же время исчерпывающей характеристики. Сейчас же на многие вопросы читатель не может найти ответа. Приведем некоторые примеры. В статье «Как родилась большая любовь» В. Александров рассказывает, что Сашо Димитров привез из советской страны «покоряющие песни» (стр. 207). Естественно, нас интересует, кто такой Сашо Димитров, когда он был в Советском Союзе, какие песни он привез. В комментарии сказано, что он — секретарь РМС, убит полицией, названы даты его жизни (стр. 478). Исчерпывающий ли это ответ? Следует сказать, что данные чрезвычайно скудны и не дают ответа на основной вопрос. В той же статье говорится, что Е. Шекерджийский издал сборник революционных песен «Хоровод» (стр. 207). Каждого читателя в первую очередь будет интересовать, какие же песни туда вошли. В комментариях названа дата выхода сборника, указан даже художник обложки, а о самом содержании сборника — нет ни одного слова.

В комментариях к сборнику воспоминаний и документов следовало бы дать более полную характеристику важных фактов литературных связей, характеристику писателей и переводчиков, которые внесли большой вклад в распространение советской литературы в Болгарии. В частности, заслуживали кратких справок такие имена, как С. Попова-Бакалова, Д. Подвырзачев, Г. Жечев, Д. Осинин, В. Александров и др.

Остались без комментариев и некоторые историко-литературные факты в воспоминаниях писателей. Так, в своей статье, например, Д. Осинин пишет, что первое совещание по образованию Пролеткульта в Софии состоялось в 1920 или 1921 г. (стр. 145). Естественно, что автор комментария должен дать читателю точную дату (ее установить не трудно), указать обстоятельства и характер этого совещания. Ничего этого мы не находим в комментариях.

Нередко разными современниками даются различные оценки одним и тем же историко-литературным событиям. Долг комментатора состоит в том, чтобы не обходить молчанием эти факты, а дать им научную оценку

и характеристику. Наконец, встречаются в пояснительных заметках досадные опечатки (композитор Д. Покрасс дан как Понкрас, стр. 485), неточности в оценках, определениях и датах. Небольшая обзорная (информационная) статья Г. Бакалова о советской литературе представлена автором комментария как проблемная статья (стр. 475), а в комментариях к письму Л. Стоянова 1938 г., в котором говорится, что он посылает «Серебряную свадьбу полковника Матова» сказано, что «повесть впервые была напечатана в 1947 г.» (стр. 483). Создается явное недоразумение. Очевидно, Л. Стоянов высылал советскому ученому первый вариант повести 1933 г. из сборника «Кормило». Все это следовало оговорить более точно. Надо надеяться, что в новом сборнике, посвященном связям, справочный аппарат будет подготовлен с большей полнотой и тем самым будут исправлены недостатки рецензируемого издания.

В заключение следует сказать, что несмотря на явные пропуски в разных разделах, при наличии отдельных погрешностей, в целом сборник «Советская литература в Болгарии» дает читателям и специалистам литературоведам большой новый материал по русско-болгарским литературным связям межвоенного периода. К этой книге не раз будут обращаться те, кто изучает литературные и культурные связи братских народов, кто занимается собственно болгарской литературой, кто следит за тем, как высокие идейно-художественные ценности, созданные советскими писателями, перешагнули границы и нашли самый радужный прием в среде наших болгарских друзей.

В. И. Злыднев

КНИГА О СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Книга Любомира Тенева «Драматургия и современность»¹ является по существу первым обобщающим трудом по современной болгарской драматургии, первой попыткой дать сравнительно полное представление о процессах развития драмы в Народной Болгарии. Определяя задачи своего исследования, Л. Тенев пишет, что он рассматривает болгарскую современную драматургию «не путем оценки всех опубликованных и поставленных произведений, а путем анализа развития нашей новой драмы после 9 сентября 1944 г., ее основной линии подъема, проблем, которые она ставит, перспектив ее роста, ее существенных особенностей, качеств и слабостей»². Забегая несколько вперед, надо сказать, что автор в основном успешно сумел выполнить поставленные задачи и показал себя внимательным и чутким исследователем, серьезным и объективным критиком произведений современных болгарских драматургов.

Рецензируемая книга является плодом многолетнего труда автора, она была подготовлена рядом опубликованных в различных болгарских изданиях статей, рецензий, выступлений.

Тенев отказывается от узкой классификации пьес по внешним признакам, приводящей зачастую к формальному критерию, к односторонним оценкам, и пытается применить более широкий критерий, позволяющий ему уловить основное и прогрессивное в общем процессе. В известной мере это ему удастся, хотя принятое им распределение материала, как мы увидим в дальнейшем, тоже не лишено недостатков.

Одним из важнейших аспектов избранного автором критерия является рассмотрение пьес сквозь призму героического начала. Тенев убеждает

¹ Л. Тенев. Драматургия и съвременност.— «Български писател». София, 1961.

² Л. Тенев. Драматургия и съвременност. «Български писател», София, 1961, стр. 15.

нас в том, что героическое в современной болгарской драматургии — существеннейший ее элемент, качественно новый момент, — выдвигается на первый план. Этот элемент можно проследить не только в пьесах строго героического плана, но косвенно и в других. Причину такой закономерности Л. Тенев видит в том, что героическое в наше время представляет сущность новой социалистической жизни. «Героическое начало, — пишет он, — не могло не найти выражения в нашей новой литературе, если она хотела верно и правдиво, реалистически отразить новую жизнь»³. Таким образом, по мнению автора книги, героическое начало определило главный путь новой болгарской драматургии, не ограничив в ней многообразием тем, проблем, жанров.

Пьесы, посвященные далекому и близкому героическому прошлому болгарского народа, Л. Тенев объединяет в книге в два больших раздела: героико-романтические пьесы и героико-психологические.

Произведения первого раздела характеризует романтически поэтизированный героизм, созерцательно-поэтическое отношение автора к описываемым событиям и лицам («Подвиг» Асена Разцветникова, «Борьба за землю» Магды Петкановой, «Белые ночи» Славчо Красинского).

Сравнивая героическую болгарскую и советскую драматургию, Тенев приходит к выводу, что первая не смогла еще отойти от традиционных форм и найти новые, более внушительные и масштабные, не поднялась до многообразия форм советской героической драмы.

Авторов героико-психологических пьес интересует прежде всего источник героического, его психология и «социология». Их сюжеты в большинстве случаев взяты из недавнего прошлого, чаще всего, из периода героической антифашистской борьбы болгарского народа, и поэтому ближе и более понятны самим авторам, многие из которых были, если не активными участниками, то во всяком случае современниками этой борьбы. И здесь присутствует героическая романтика, но она уже лишена внешней поэтизации и риторической патетики («Борьба продолжается» Крума Кюлявкова, «Разведка» Лозана Стрелкова и др.).

Особое внимание в этом разделе Л. Тенев справедливо уделяет пьесам Камена Зидарова «Царская милость», Тодора Генова «Вера» и Орлина Василева «Счастье», как наиболее талантливым и наиболее полно отражающим основные черты героико-психологического направления. При рассмотрении как этих, так и других драматургических произведений, исследователь, не претендуя на исчерпывающий анализ, умеет отметить в них то наиболее значительное и своеобразное, что определяет место и роль каждой анализируемой пьесы в общем процессе развития современной болгарской драматургии. Во всех случаях разбор пьес критически заострен. Тенев не обходит молчанием слабости пьес, напротив, стремится как можно более обнажить их, чтобы затем объяснить и сделать полезные выводы.

Две пьесы — «Первый удар» Крума Кюлявкова и «Поединок» Мария Ягодова — представляют раздел героических пьес, написанных на биографическом материале. Обе они посвящены героическому подвигу на Лейпцигском процессе Георгия Димитрова, и, как верно отмечает автор книги, несмотря на ряд своих бесспорных достоинств, далеко не раскрывают во всей полноте образа великого революционера. Тенев ставит перед болгарскими драматургами задачу создания высокохудожественных произведений о великих сынах болгарского народа (Георгий Димитров, Христо Ботев, Васил Левский и др.), которые бы ярко и полно отразили их героическую жизнь.

³ Там же, стр. 10.

Среди героических произведений особо выделена пьеса Ивана Пейчева «Каждым осенним вечером». То, что автор книги вынужден анализировать ее по существу вне принятой им систематизации, говорит как о сложности и оригинальности пьесы, так и о некотором схематизме самой систематизации. Пьеса не вмещается в рамки разделов, оказывающихся для нее слишком тесными. Л. Тенев довольно подробно анализирует ее достоинства и слабости, делает ряд очень верных и точных наблюдений, отмечает бесспорную талантливость пьесы, ее поэтичность как основной признак, но, на наш взгляд, впадает в известное противоречие. Увлечшись вскрытием в общем справедливо подмеченных недостатков, он предъявляет Пейчеву ряд серьезнейших претензий, ставящих под сомнение ценность пьесы вообще и драматургический талант ее автора. И в то же время он утверждает: «Никто не может оспаривать талант Ивана Пейчева, даже, я бы сказал, его талант драматурга»⁴.

Думается, что Л. Тенев не всегда учитывает своеобразие дарования драматурга, его оригинальный подход к раскрытию мыслей и идей пьесы, то новое в приемах, что отличает данную пьесу от рассмотренных выше. Л. Тенев увидел сложность и необычность пьесы, ее талантливость, с одной стороны, и ряд несомненных слабостей, с другой, но не сумел до конца объективно подойти к ней.

Героизм в этой пьесе раскрывается в нескольких аспектах. Пейчев стремится показать, что у разных людей героизм может проявляться по-разному, под влиянием известных обстоятельств. Это может быть и осознанный героизм коммуниста (Ана, Павел), и жертвенный героизм честного интеллигента, вначале далекого от борьбы, но затем вынужденного сделать решительный выбор, чтобы защитить в себе эту честность (Андрей). Думается, что такой подход Пейчева к проблеме возможен и правомерен. Критическое отношение к нему Л. Тенева не во всем оправдано и довольно противоречиво.

Мир собственничества, мрачную психологию его представителей в буржуазной Болгарии раскрывают пьесы, выражающие, по систематизации автора книги, социально-психологическую (в отличие от уже рассмотренной героико-революционной) тенденцию в болгарской современной драматургии, отражающей жизнь болгарского народа до 9 сентября 1944 г. Авторы таких пьес («Болото» Андрея Гуляшки, «Сноха» Георгия Караславова, «Волчий времена» Илии Волена) с марксистских позиций разоблачают сущность капиталистического общества, указывают на закономерности, ведущие к неизбежной его гибели, изображают столкновения не только морального, но и экономического плана. Не показывая прямо борьбу против буржуазной действительности, они утверждают ее необходимость и закономерность.

Рассмотрение в одном русле с этими произведениями пьесы Орлина Василева «Тревога» нам кажется весьма спорным. В пьесе действительно есть образ представителя гибнущего капиталистического общества, Мазара Витанова. Но образ этот раскрывается исключительно в морально-этическом плане, в отличие от образов собственников у Гуляшки, Караславова, Волена, и представляет, на наш взгляд, важную, но не главную линию в драме. На первый же план выступает яркое изображение активных борцов против буржуазии, подчеркнутое героическое начало, что и позволяет отнести пьесу к разделу героико-психологических произведений.

Переходя к характеристике следующего раздела, объединяющего пьесы с современной тематикой, Л. Тенев подчеркивает чрезвычайную важность задачи правдивого и полнокровного изображения трудового героизма стро-

⁴ Там же, стр. 64.

ителей нового общества. Однако эта задача болгарскими драматургами еще далеко не выполнена. Автор книги указывает на то, что драматургия этого направления стала развиваться несколько односторонне, занимаясь в основном моральными проблемами, не затрагивая процесса рождения социалистической нравственности. Наиболее удачной пьесой такого плана он совершенно правильно считает «Любовь» Орлина Василева. В ней впервые был поднят вопрос социалистической нравственности и дано в основном правильное и убедительное его решение. В центре пьесы Василева стоит новая социалистическая действительность, оказывающая решающее влияние на процесс формирования социалистической морали. В то же время, как указывает Л. Тенев, другие авторы сосредоточили свое внимание на отклонениях от социалистической нравственности, выдавая их за типичные черты современности («Мечты в испытании» Михаила Величкова, «Моя тайна» Павла Вежинова, «Страх» Тодора Генова). Л. Тенев видит причины этого явления в отрыве драматургов от жизни, в отказе от изображения социалистической действительности во всем ее многообразии.

В книге дается и анализ пьес, посвященных теме социалистических преобразований в болгарской деревне («В поле широком» Мария Ягодова, «Габеровы» Георгия Караславова, «Напряженные годы» Камена Зидарова, «Сады цветут» Славчо Красинского, «Измена» Величко Нешкова). Может быть здесь не лишне было бы дать какие-то более общие выводы, характеризующие достижения болгарских драматургов на этом направлении.

В особый раздел Л. Тенев выделяет болгарскую комедию. В этом жанре он отмечает появление в последние годы ряда удачных пьес («Камень в болото» Георгия Караславова, «Женщины с прошлым» Димитра Димова, «Тайны» Бояна Дановского и Петра Славинского, «Карнавал» и «Молва» Ивана Шопова и др.).

Очень интересны в этом разделе суждения критика о роли диалога в комедии (и вообще в драматургии). По его мнению, Караславов и Димов достигли в этом отношении больших успехов. С этим, безусловно, следует согласиться. Верно и утверждение, что в обеих комедиях диалог играет исключительную роль в характеристике героев и даже доминирует над внешним действием. Однако вряд ли на этом основании стоит говорить о каком-то сходстве комедий. Караславов и Димов настолько различны и своеобразны по своему творческому облику, обладают настолько своим, оригинальным подходом к изображению действительности и выражению мыслей, идей, что всякое указание на сходство их произведений кажется искусственным. Это «свое» наполняет у них и внешне сходные драматургические приемы. Например, у Караславова яркость, выразительность диалога достигается через богатый народный колорит, у Димова же диалог очень интеллектуален, полон афоризмов, скрытого подтекста.

Чувствуется некоторая противоречивость и в анализе Теневым комедии Караславова «Камень в болото». После обстоятельной и в целом положительной характеристики пьесы, он, говоря о ее недостатках, делает такой вывод: «Основная слабость пьесы, однако, заключается в том, что автор не дал нам яркого, естественного и конкретного комедийного конфликта»⁵. Едва ли возможно, на наш взгляд, говорить о достоинствах комедии вообще, если в ней по существу отсутствует комедийный конфликт.

Довольно много места в книге занимает рассмотрение произведений, представленных на фестивале болгарской драмы и театра в 1959 г. Фестиваль показал, что болгарская драматургия развивается по пути социалистического реализма и за 15 лет достигла значительных успехов.

Л. Тенев отказывается в этой части своего исследования от подробного

⁵ Там же, стр. 130.

анализа пьес и останавливается лишь на основных проблемах, выявившихся в ходе фестиваля, на главных направлениях, по которым, как показал фестиваль, болгарским драматургам предстоит идти в будущем, чтобы достичь новых завоеваний, новых художественных и идейных высот в отображении действительности.

Прежде всего Тенев справедливо отмечает, что в пьесах, представленных на фестивале, не всегда разрабатываются подлинно современная тема, важные, жизненные проблемы и конфликты. В ряде случаев наблюдается подмена больших проблем современности мелкими, незначительными, а то и надуманными конфликтами. Такие неудачи («Семнадцатилетние» Бояна Болгара, «Шум тишины» Павла Спасова, «Чистый, как источник» Эмпила Коралова) явились следствием главным образом слабого знания драматургами жизни, игнорирования ими или непонимания тенденций развития социалистического общества. А это неизбежно ведет к идейным ошибкам и искажению реальной действительности («Зарытое солнце» Орлина Василева).

Л. Тенев подвергает острой, но вполне оправданной и убедительной критике болгарских современных драматургов за их слабый интерес к центральной проблеме — изображению трудового героизма народа и в связи с этим нового положительного героя социалистической эпохи, героя — коммуниста, творца новой жизни.

Наиболее удачными из пьес, представленных на фестивале, по мнению автора, явились комедии («Камень в болото», «Женщины с прошлым», «Тайны») и пьесы с сюжетом из истории антифашистской борьбы болгарского народа («Будни бывают разные» Николы Русева, «Каждым осенним вечером» Ивана Пейчева, «Незабываемые дни» Лозана Стрелкова и др.). Несмотря на ряд недостатков (например, иллюстративность в «Незабываемых днях», мелодраматизм в «Облаве» Камена Зидорова, слабость композиции и пр.) Л. Тенев видит в этих произведениях постановку значительных проблем, тематическое разнообразие, острую конфликтность, героический пафос, убедительность и богатство характеров. Действительно, такие пьесы, как «Каждым осенним вечером» Ивана Пейчева, «Будни бывают разные» Николы Русева и некоторые другие вполне заслуживают высокой оценки, данной им автором книги.

Л. Тенев здесь еще раз возвращается к характеристике драмы Пейчева в другом аспекте, и она звучит здесь несколько иначе, чем раньше, вступает, пожалуй, даже в противоречие с ранее данной характеристикой и кажется нам, несмотря на краткость, более верной. В связи с этой пьесой Л. Тенев рассматривает очень интересный и актуальный для современной болгарской драматургии вопрос о качественном различии между жизненными явлениями и их художественном выражении, о художественной условности, не противоречащей жизненной правде. Совершенно справедливо он протестует против оценки художественных произведений по принципу: «В жизни не так» или «Совсем, как в жизни». Он правильно видит две стороны вопроса, одинаково необходимые для создания полноценных произведений искусства: художественная правда имеет свою логику, свои законы творчества, но художественная правда немислима без изучения жизни, без глубокого знания ее закономерностей.

Жаль, что о удачных пьесах, отмеченных на Фестивале, автор говорит вскользь («Будни бывают разные» Н. Русева, «Мир тесен» И. Радоева) или даже вовсе не упоминает («Двери закрываются» Г. Джагарова). По нашему мнению, о них следовало бы сказать, тем более что некоторые из них (например, «Двери закрываются») вносят в болгарскую драматургию новые черты, которые, возможно, явятся ростками новых тенденций. Речь идет о постановке авторами этих пьес важных проблем

современности и новой их трактовке, о более полном раскрытии духовного и идейного богатства героя, использовании новых форм и др.

Представляется не очень ясным, почему автор книги выделяет пьесы Фестиваля в отдельную главу, а не рассматривает их в предыдущих разделах. Точнее, некоторые пьесы («Каждым осенним вечером», «Камень в болото», «Женщины с прошлым» и др.) анализируются в рамках принятой систематизации, а здесь упоминаются или же кратко характеризуются еще раз. Другие же пьесы фигурируют только в главах о фестивале и развернутой характеристики не получают.

Причины этого, по нашему мнению, нужно искать в недостаточно удачной систематизации, которая не может вместить в себя всего богатства идей, проблем, тем, сюжетов современной болгарской драматургии. Пытаясь преодолеть этот недостаток, Тенев использует кроме идейно-тематического принципа (пьесы героико-романтические, героико-психологические, социально-психологические, на тему современности) другой — жанровый (комедии), и значительную часть пьес, представленных на Фестивале, рассматривает отдельно. Все это создает впечатление известной нечеткости и разнотильности.

В последних главах книги Тенев еще раз возвращается к теоретическим проблемам, актуальным для болгарской драматургии сегодня, и прежде всего к проблеме отражения современной темы и создания образа нового героя.

Ряд вопросов драматургического мастерства являются в книге предметом обстоятельного исследования с использованием примеров из болгарской, русской и западной современной и классической драматургии. К таким вопросам относятся, в частности, вопросы о значении композиции, сюжета, о роли героя в развитии интриги, об иллюстративности, повествовательности и др.

Вопрос о новой драматургической форме Тенев ставит в зависимость от нового содержания современной драматургии, от новых тенденций, нового ритма, нового характера жизни. «Новое современное содержание нашей драматургии, — пишет он, — требует новой современной формы. Зачем проявлять излишний консерватизм? Зачем современное содержание душить старыми, рожденными в свое время формами, когда у нас в жизни все меняется?... Нужно поощрять поиски новой формы»⁶. Тенев не отрицает, в то же время, и еще далеко не исчерпавших все свои возможности традиционных форм, но считает, что будущее принадлежит новаторским формам и приемам, соответствующим бурной современной эпохе. Постановка вопроса представляется правильной и можно только сожалеть, что автор книги не показал рождение новой формы на материале самой болгарской драматургии, а такие примеры есть и было бы полезно их проанализировать.

Высказанные в данной рецензии замечания носят частный и часто дискуссионный характер и, конечно, ни в коей мере не умаляют ценности этой книги. Несомненно, что она будет интересна и полезна как для драматургов, литературоведов и театроведов, так и для широкого круга читателей, интересующихся драматургией. Книга является толчком к новым исследованиям в области современной болгарской драматургии, которая находится сейчас в процессе интенсивного развития.

Н. Н. Пономарева

⁶ Л. Тенев. Указ. соч., стр. 193.

КНИГА О ГИБЕЛИ ПЕРВОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ¹

Двадцатилетняя история Первой австрийской республики (1918—1938 гг.) стала предметом тщательного изучения советских историков и других представителей гуманитарных наук еще до того времени, как в 1945 г. на исторической сцене появилась Вторая республика. Однако наибольшего размаха всестороннее изучение экономической, политической и культурной истории Первой австрийской республики достигло в последние восемнадцать лет. Именно в это время вышла в свет обобщающая работа по истории Первой австрийской республики¹.

Первая из этих книг вышла восемь лет назад и была высоко оценена не только в Советском Союзе, но и в Австрии.

Вторая книга, которой посвящается настоящая рецензия, является по своему содержанию и духу, по методологии и хронологии прямым продолжением первой книги. Забегая вперед, скажем, что это весьма удачное продолжение. Анализируя историю второго и последнего десятилетия первой австрийской республики, автор сумел из многообразия событий сосредоточить свое внимание на трех самых важных, а именно: кризис 1929—1933 г., февральские события 1934 г. и аншлюс 1938 г.

Автор не хотел писать историю гибели первой австрийской республики, «добру и злу внимая равнодушно». Он «пристрастно» рассматривал позиции, роль и поведение общественных классов, политических партий и общественных организаций Австрии и в годы экономического кризиса, и в полные трагизма февральские дни 1934 года, и в годы, когда нацистский удав под флагом аншлюса проглотил первую австрийскую республику.

При таком изложении событий автор мог бы легко соскользнуть на путь скучнейшего схематизма и беспредметного социологизирования. Если этого, к счастью, не произошло, то объяснение надо искать в следующем.

В. М. Турок, следуя марксистско-ленинскому пониманию исторического процесса, выдвигает на первый план австрийский народ и его самую прогрессивную часть — высоко организованный рабочий класс.

На страницах «Очерков» В. М. Турика рабочий класс показан не только как страдалец, несущий на своих плечах тяжкий крест небывалого по по своей силе экономического кризиса 1929—1933 гг., но и как мужественный борец с австро-фашизмом Дольфуса — Штаремберга, с национал-социализмом Гитлера — Зейса — Инкварта. Величайшее несчастье рабочих Австрии того десятилетия, как впрочем и нашего времени, состояло и состоит в том, что его вожди типа Реннера — Хельмера открыто предавали его классовые интересы. Коммунистическая партия, будучи малочисленной и нелегальной организацией, не смогла вести за собой большинство рабочих. Однако именно она была в те годы, как и в наше время, подлинным представителем интересов и чаяний рабочих Австрии. Вопреки буржуазным историкам², как правило замалчивающим деятельность компартии Австрии, автор рецензируемой работы восстанавливает перед глазами читателя полную драматизма картину борьбы двенадцати тысяч коммунистов Австрии за дело рабочего класса, за светлое будущее всего австрийского народа.

В годы кризиса 1929—1933 гг. коммунистическая партия Австрии обращала особое внимание на необходимость создания единого рабочего

¹ В. М. Турок. Очерки истории Австрии 1918—1929 гг. М., 1955, 579 стр. Он же. Очерки истории Австрии 1929—1938 гг., М., 1962, 551 стр.

² См. работы: Erich Zöllner. Geschichte Österreichs. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Wien. 1962, 672 S.; Walter Goldinger. Geschichte der Republik Österreich. Wien, 1962.

фронта, способного парализовать наступление буржуазии и ее верных псов — фашистов. Руководитель коммунистов Австрии Йоганн Коплениг в июне 1934 г. на одиннадцатом съезде партии говорил: «Рабочий класс нуждается в революционном едином фронте борьбы против всех нападок буржуазии. Это единство может воплощаться в различных формах: комитеты действий на предприятиях, комитеты безработных на биржах труда, организация конференций для проведения совместных действий»³. Коммунистическая партия Австрии боролась за единство рядов рабочего класса, за единство действий рабочих организаций, широко используя формы борьбы, о которых говорил И. Коплениг. В героические февральские дни 1934 г., как справедливо пишет В. М. Турок, «Австрийская компартия выполнила свой революционный долг. Повсюду коммунисты сражались в первых рядах, преодолевая все препятствия» (281 стр.).

В критические дни марта 1938 г. ЦК Компартии Австрии обратился к народу Австрии и народам всего мира с воззванием, в котором было сказано: «Католики и социалисты, рабочие и крестьяне, — объединяйтесь! Сплачивайтесь воедино — теперь как никогда — в общий фронт всех австрийцев! Все различия во взглядах, все разногласия между партиями отступают перед священной задачей, стоящей ныне перед австрийским народом! Объединяйтесь для борьбы против Гитлера! Объединяйтесь, чтобы изгнать гитлеровскую солдатчину из Австрии»⁴.

Коммунистическая партия Австрии была единственной политической партией страны, сумевшей, несмотря на свою малочисленность и нелегальное положение, довести до рабочих и всех трудящихся мысль о том, что только они могут спасти независимость, республику и демократию, что официальные руководители первой республики заняты поисками фашистского покровительства. Одни из них шли на поклон к итальянскому дуче, а другие к выходцу из австрийского городка Браунау, ставшему фюрером третьего рейха. Все политические партии первой австрийской республики отличались от компартии Австрии прежде всего тем, что они отрицали существование австрийской нации и глумились над самой мыслью о «жизнеспособности австрийской республики. Лидер правых социалистов Австрии Карл Реннер еще в феврале 1930 г. в одной из своих статей писал: «Мы не являемся нацией, никогда ею не были и никогда не можем ей стать»⁵.

На этой с позволения сказать теории строилась внутренняя и внешняя политика правящих партий и клик, выступавших в роли могильщиков первой австрийской республики. В. М. Турок буквально день за днем исследует их политику и приводит неопровержимые доказательства того, что первая австрийская республика была погублена совместными усилиями капиталистических монополий Германии и Австрии, правительствами Дольфуса и Шушница, хеймверовцами и национал-социалистами.

Сколь бы ни старались буржуазные историки вроде Целльнера, Гольдингера, Ейхштадта и им подобных изобразить Дольфуса и Шушница жертвами и мучениками фашизма, историческая правда в конце концов восторжествует.

В. М. Турок своей хорошо документированной работой сорвал маски со всех этих дольфусов и шушницов, штарембергов и хельмеров, которых старательно обеляет буржуазная и социал-демократическая историография.

³ Johann Koplenig. Reden und Aufsätze. Wien, 1951, S. 47.

⁴ «Коммунисты в борьбе за независимость Австрии». Изд-во иностранной литературы. М., 1956, стр. 45.

⁵ Журнал «Der Kampf», 1930, № 2, стр. 52.

Признавая большие и несомненные достоинства труда В. М. Турока, все же необходимо обратить внимание и самого автора, и издателей и, конечно, читателей на некоторые слабые места книги.

Прежде всего о источниках и литературе. Как ни велик круг архивных источников, прессы и всякого рода литературных произведений, использованных В. М. Туроком, все же один дефект бросается в глаза. Речь идет о большом количестве исследований, посвященных истории отдельных земель Австрии (Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Штирия, Бургенланд, Зальцбург, Тироль, Каринтия, Форарльберг и Вена), в годы кризиса, фашизации и гибели первой австрийской республики. За очень редким исключением эти исследования, не говоря уже о периодике и архивах, остались вне рецензируемого труда. Было бы хорошо, если бы автор ко времени второго издания книги устранил этот дефект и тогда его монография дала бы читателю много дополнительных интересных и полезных сведений.

В монографии В. М. Турока, разумеется, не все бесспорно и далеко не все вопросы до конца освещены. В этом можно легко убедиться на трех примерах. Гитлеровцам не удалось захватить Австрию во время июльского путча 1934 года, они смогли это сделать спустя четыре года. Эта задержка, по мнению В. М. Турока, была одной из причин замедления темпов «развязывания войны гитлеровской Германией и ее союзниками» (481 стр.). В. М. Турок не подтверждает эту мысль какими-либо аргументами и конкретными историческими фактами. И это не спроста. Дело в том, что серию малых войн (война Италии против Абиссинии, война Италии и Германии против республиканской Испании) фашистская Германия и ее союзники начали до того, как был осуществлен захват Австрии. К большой войне ни в 1934 г. и даже к весне 1938 г. фашистский блок еще не был готов. Захват Австрии в марте 1938 г. был одним из звеньев в цепи агрессивных действий заправил третьего рейха, направленных на подготовку и развязывание второй мировой войны. Следовательно, нет фактических оснований утверждать, будто бы задержка захвата Австрии оттянула на какой-то срок начала второй мировой войны.

Характеризуя лидера австро-марксизма Отто Бауэра, автор рецензируемой монографии в ряде случаев (см., например, на стр. 158 и 199) неправомерно отождествляет понятие центризма и австро-марксизма. Спора нет, что центризм и австро-марксизм родственные понятия. Тем не менее нам кажется, что такое отождествление применительно к О. Бауэру и его сторонникам того времени едва ли можно признать правомерным. Наконец, последний пример. В. М. Турок очень красочно и убедительно показал лакейскую роль вождей австрийских реформистов (К. Реннер, Хельмер, Поллак и К°) на протяжении десятилетия, в которое были созданы все предпосылки для бесславной гибели первой австрийской республики. У читателя этой книги неизбежно встанет вопрос: почему и каким образом этим вождям удалось сохранить свое руководящее положение в партии и рабочем движении Австрии тех лет? На этот законный вопрос труд В. М. Турока дает далеко не исчерпывающий ответ. Нам остается пожелать автору при втором издании книги и на этот вопрос дать такой же убедительный ответ, какой он дает по многим и очень важным другим вопросам.

Г. Г. Куранов

СОВЕЩАНИЕ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ В МОСКВЕ

С 6 по 10 февраля 1962 г. в Москве проходило созданное Министерством высшего и среднего специального образования СССР совместно с Московским университетом совещание историков-славистов. В совещании приняло участие около 90 историков — представителей 24 университетов и 4 педагогических институтов страны, Института славяноведения АН СССР и некоторых других научных и культурных учреждений. На совещании было заслушано 10 докладов и сообщений; в прениях выступило 36 человек.

С докладом на тему: «Содержание и характер общего курса истории южных и западных славян и вопросы специализации по истории зарубежных славянских народов на исторических факультетах университетов» выступила доцент МГУ И. М. Белявская. В докладе было подчеркнуто, что включение курса истории славян в общий курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, как это иногда практикуется, нецелесообразно и таит в себе опасность привести вообще к ликвидации курса истории славянских стран. Выступавшие в прениях по докладу (Похилевич Д. Л., Бейлис А. С., Белановский В. Н., Озолин А. И., Жебокрицкий В. А., Садых-Заде и др.) делились опытом постановки преподавания истории славян во Львовском, Ленинградском, Саратовском, Киевском, Бакинском и других университетах, намечали меры по устранению недостатков в преподавании истории славян.

С докладом о подготовке второго издания учебника по истории южных и западных славян выступил профессор С. А. Никитин. Докладчик, отметив популярность, которую приобрело первое издание учебника, остановился на его недостатках (неполный охват всех проблем, связанных с историей славян, отсутствие библиографии и т. д.), которые необходимо устранить во втором издании.

С содокладом, посвященным постановке вопросов культуры в учебнике по истории славян, выступил профессор Н. И. Кравцов, сделавший некоторые рекомендации относительно того, как должны быть построены главы по истории культуры вготавливаемом учебнике. Выступавшие в целом солидаризировались в прениях (Москаленко А. Е. — Воронеж, Иванова О. Е. — Ленинград, Матвеев А. М. — Ташкент и др.), внесли некоторые конкретные предложения, направленные на устранение недостатков учебника.

Доклад «Узловые вопросы новейшей истории зарубежных славян в освещении современной славянской историографии» был прочитан доцентом И. М. Белявской (материал для доклада был подготовлен докладчиком совместно с сотрудниками кафедры славяноведения истфака МГУ И. Н. Частухиным, Б. М. Руколь и И. Д. Очаком). В докладе была сделана попытка периодизации этапов развития исторической науки в

славянских странах в период с 1945 по 1961 г. Особое внимание в докладе было уделено значению решений XX и XXII Съездов КПСС для избавления от тех антинаучных методов, которые получили широкое применение, будучи порожденными культом личности Сталина.

Доклад был дополнен сообщениями научного сотрудника Института Славяноведения АН СССР В. В. Марьиной (о работах советских историков по проблемам социалистического строительства в славянских странах), доц. И. В. Ганевича — Одесса («Национально-освободительная борьба болгарского народа в период второй мировой войны в освещении советской и болгарской историографии»), доц. И. М. Теодоровича — Черновицы («Восстановление независимости Польши в современной историографии») и доц. В. И. Белановского — Ленинград («Некоторые вопросы новой и новейшей истории славян в работах зарубежных буржуазных историков»).

Выступавшие в прениях по докладам и сообщениям по вопросам историографии (И. Н. Частухин, Я. Б. Шмераль, М. А. Бирман — Москва, В. В. Сухарев — Луцк и др.) говорили о необходимости усиления борьбы с буржуазными концепциями, выдвигаемыми некоторыми зарубежными славистами, дополнили и уточнили картину развития славяноведения за рубежом.

Собравшиеся выслушали также сообщение ст. преподавателя МГУ Л. П. Лаптевой «О плане издания учебных и методических пособий по курсу истории зарубежных славянских народов» (план предусматривает издание пособий по историографии и источниковедению, монографий, в том числе переводных, издание источников, отдельных лекций по общему и специальным курсам и т. д.). Доцент МГУ И. А. Воронков говорил о подготовке кадров историков — славистов и повышении их квалификации, охарактеризовал положение не только с подготовкой, но и распределением этих кадров по вузам страны.

Выступавшие в прениях (Гранчак — Ужгород, А. В. Сергеев — Казань, Вайткунас — Вильнюс и др.) подчеркнули важность издания учебно-методических пособий, поддержали идею создания реферативного журнала по общественным наукам.

В заключении были подведены итоги совещания, зафиксированные в специальном постановлении, содержащем (в числе прочих) рекомендации о регулярном созыве совещаний славистов.

Е. С. Макова

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Т. Павлов (София). Эпохальное дело Паисия Хилендарского	3
Д. Г. Песчаный (Краснодар). К вопросу об экономических и научно-технических связях СССР и Народной Республики Болгарии	9
С. И. Баскаков. Нерушимая болгаро-советская дружба	19
С. А. Никитин. Восточный кризис 70-х годов XIX века в новейшей литературе	29
А. А. Улунян. Помощь болгарского народа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.	32
В. М. Хевролина. Об отношении русского общества к войне и освобождению Болгарии от турецкого ига	40
И. Г. Сенкевич. Из истории русского гражданского управления в период между Сан-Стефано и Берлинским конгрессом	50
И. В. Козьменко. Болгарский вопрос в международных отношениях 1876—1878 гг.	60

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ

В. И. Адо (Казань). Изучение истории южных славян на кафедре всеобщей истории Казанского университета	76
---	----

РЕЦЕНЗИИ

Л. Б. Валев. П. А. Сохань. Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. Издание АН УССР. Киев, 1962, 215 стр.	81
И. С. Достян. Христо Гандев. Зараждане на капиталистически отношения в Чифлишкото Стопанство на Северо-западна България през XVIII в. София, 1962, 185 стр.	84
В. И. Злыднев. Советская литература в буржуазной Болгарии	87
Н. Н. Пономарева. Книга о современной болгарской драматургии	93
Г. Г. Куранов. Книга о гибели первой Австрийской республики	99

ХРОНИКА

Е. С. Макова. Совецание историков-славистов в Москве	102
--	-----

Краткие сообщения Института славяноведения, вып. 40

Из истории русско-болгарских и советско-болгарских отношений

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

Редактор М. А. Борисов. Редактор Издательства Г. В. Моисеенко
Технический редактор О. Г. Ульянов

Сдано в набор 31/IX 1963 г. Подписано к печати 24/I 1964 г.

Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 6^{1/2} = 8,9 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 1000 экз. Т-02411
Изд. № 2259. Тип. зак. № 2895.

Цена 51 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

51 коп.

✓ 1/2 P

300 —